

Мишель Янг

Новогодний подарок

Любовный детектив

Инна Новикова в "новогодние каникулы" решила устроить себе долгожданный отдых: пожить одной в загородном доме родственников, улетающих к теплому морю. Но планам добровольной "сторожихи" (по воли Деда Мороза) не дано было сбыться: в дом ввалился отставной полковник ГРУ Сергей Дорохов. "Кантора" обвинила его в растрате казенных, денежных средств и "по умолчанию" уволили из армии. И "настоящий полковник" "побитый и униженный" приполз в свою заснеженную берлогу зализывать раны. Сначала Инна расстроилась, что ее одиночество было беспардонно нарушено, но видя "убийственные" переживания отставного полковника, решила отвлечь его от "вселенских" проблем и грядущей безнадеги и попросила его помочь разобраться в увиденной ей в Новогоднюю ночь аварии на дороге — в машине сторел человек. Их расследование "завело" Инну в избушку болотной колдуньи, забравшей у Инны надежду на возвращение к любимому мужчине... Ее жизнь и свобода стали разменной монетой в запутанном деле погибшего в аварии бизнесмена.

1

Поворот на Ленинградку она, конечно же, пропустила. Всю дорогу помнила о нем, и вот, поди ж ты!

Помнила, когда выходила из квартиры с огромной спортивной сумкой с вещами, помнила, когда закупала продукты в супермаркете на Новый Год — надо же чем-то побаловать себя в долгожданные новогодние праздники, помнила, когда пристраивалась на Кольцевой автостраде за стареньким зеленым «Хендаем», искренне радуясь, что не одна она ездит с такой черепашьей скоростью.

Водителю зеленого «Хендая», за которым уже полчаса тащилась Инна Новикова на своем красненьком «Пежо», явно не понравилось столь откровенное женское преследование — он нервно поглядывал в зеркало заднего вида и недовольно попыхивал сигаретой. Когда терпеть стало невозможно, пожилой мужчина решил проучить невежливую дамочку: резко нажал на тормоз и, после, того, как его машина пошла юзом, лихо подбавил газку. Однако, «лихо подбавить газку» не получилось — старая машина дернулась, завиляла задом и заглохла перед самым поворотом на Ленинградское шоссе.

Увидев надвигающееся зеленое пятно, Инна истерически вцепилась в руль и, закрыв глаза, со всей силы надавила на тормоз. Каким-то чудом ей удалось остановить «Пежо» в паре сантиметров от бампера заглохшего «Хендая».

Сзади тут же засигналили остановившиеся за ними машины.

Распахнув дверь, водитель старенького «Хендая» высунулся из машины и, глядя на Инну испуганными глазами, что-то закричал ей и замахал руками, но Инна не среагировала, ожидая неизбежного удара. Однако, ожидаемого удара не последовало, и Инна открыла глаза — ситуация обнадеживала.

Неужели ей удалось избежать аварии?! Вот это удача! Да она настоящий асс!

Когда она уже уверовала в свою удачу, в окно машины громко постучали.

Инна открыла окно: у ее машины стояли крепкие, стриженные, молодые парни в распахнутых кожаных куртках. Парни выказывали явное нетерпение — хлопывали кулаком по ладони и изъяснялись отрывистыми междометиями, хотя вели себя с Инной они довольно вежливо — их радовало то, что «базара не будет»: дамочке все же удалось

избежать столкновения машин.

— Гражданочка, вы в порядке? — поинтересовался один из парней, склоняясь к открытому окну красненькой машинки.

— Ага, — кивнула головой Инна, хотя раньше никогда не говорила «ага» — все-таки она человек воспитанный и с высшим образованием. — Со мной все в порядке, — поправила она с трудом разжимая одеревеневшие пальцы.

— Тогда проезжайте, не задерживайте движение.

Парни отошли от маленького «Пежо» и занялись заглохшим «Хендаем» — матерясь и не стесняясь в выражениях, они затолкали внутрь размахивающего руками пожилого водителя, откатили вперед старенькую машину, освобождая для других машин заблокированный поворот на Ленинградское шоссе.

Радуюсь, что все услышанное к ней не относится (она то с честью справилась с этой ситуацией!), Инна осторожно сдала назад, повернула и быстренько сбежала с «места почти аварии».

Машина по большому счету Инне была не нужна — на работу она ходила пешком, но «для пристижу» (после очередного повышения по службе и ощутимой прибавки к зарплате) она все же купила себе крохотный красненький «Пежо». Купила и тут же пожалела об этом: после столь опрометчивого поступка ей пришлось срочно овладевать новой наукой, плохо поддающейся «усвоению». Но Инна была человеком упрямым и науку вождения все же освоила — водительские права она честно вымучила, и красненький «пыжик» занял свое место на платной стоянке недалеко от дома Инны, изредка покидая свое «теплое насиженное» местечко.

Сегодня, в последний день уходящего года, обстоятельства вынудили Инну воспользоваться долго стоящим без дела «карапузиком» и отправиться на нем почти на край света: в деревню Сергеевку Солнечногорского района.

О пропущенном повороте на Ленинградское шоссе Инна вспомнила, только когда увидела следующий указатель поворота.

— О, Боже! — воскликнула она, в панике съезжая на обочину дороги. — Теперь придется возвращаться к пропущенному повороту!

Незнакомых поворотов и круговых съездов с основной автострады Инна панически боялась и предпочитала ездить по прямой линии, ну, в крайнем случае, один раз повернуть. Поэтому внимательно изучила карту и выбрала для себя наиболее простое решение: прямая спасительная ниточка Пятницкого шоссе через какое-то время плавно вливалась в нужное ей Ленинградское шоссе — недалеко от слияния этих двух шоссе, как раз и находилась деревня Сергеевка, а за ней коттеджный поселок — конечный пункт ее путешествия.

И Инна Новикова храбро свернула с Кольцевой автострады в неизвестность.

Дорога неожиданно сузилась до двух полос и пошла через лес, но главное на ней совсем не было фонарей — лишь огромная луна всю светила на темном небосводе, слабо серебря прямое, как стрела, шоссе. Заснеженные деревья слились в сплошную снежно-серебристую стену, изредка расступаящуюся перед небольшими деревеньками.

«Пятница» — прочитала Инна на дорожном указателе и хихикнула.

Проезжая дома за высокими заборами, Инна немного повеселела — там за заборами живут люди, все они готовятся к встрече Нового Года: наряжают елку, режут салат «Оливье», запекают мясо и варят картошку, только она одна, как неприкаянная грешница тащится по темной дороге неизвестно куда, а могла бы смотреть по телевизору «Иронию

судьбы» и в который раз выслушивать сожаления матери по поводу ее неустроенной жизни...

Нет! Правильно она сделала, что согласилась выручить Стаса и присмотреть за их с женой загородным домом! Пусть она помучается в предновогодний вечер, зато потом ее ждут целых две недели покоя и одиночества! Она будет спать до обеда, целый день смотреть телевизор (все программы подряд) и ничего не делать! Это ли не заслуженная награда за напряженный рабочий год?..

Яркие окошки домов остались позади. Темнота стала непроглядной, и только автомобильные фары слабо разгоняли темноту перед дрожащим от страха красненьким «карапузиком». Теперь машинка не просто ползла вперед по дороге, а тихонечко кралась на цыпочках, постоянно оглядываясь и прислушиваясь к тишине, окружающего ее со всех сторон, зимнего леса.

Неожиданно в машине запахло горелым.

Съехав на обочину, Инна схватила сумку с документами, выскочила из машины и бросилась бежать по дороге, ожидая услышать сзади оглушительный взрыв. Однако, «ожидаемого взрыва» машины не последовало.

Остановившись, Инна огляделась: «Пежо» с включенными фарами сиротливо стоял на дороге, а гарью воняло так, что стало трудно дышать.

Прикрыв нос платком, Инна накинула на голову капюшон шубейки и пошла вперед, решив выяснить источник отвратительного запаха — впереди на фоне темного звездного неба метались отблески пламени.

В глубоком кювете горела машина. Огонь со всех сторон охватил свою жертву, и нельзя было уже разобрать ни марку машины, ни ее цвет. Нельзя уже было помочь людям, находившимся внутри машины: пламя во всю бушевало в салоне автомобиля.

Воображение красочно нарисовало Инне предсмертные крики и муки людей, запертых в горящей машине, и она попятилась с освещенного огнем пространства, не желая быть участницей трагедии.

Ядовитый дым клубами поднимался вверх, сливаясь с чернотой ночного неба.

Не в силах оторвать взгляд от огня, Инна из темноты наблюдала, как пламя медленно угасало.

Рука Инны невольно потянулась к мобильному телефону — надо же вызвать пожарных и полицию... Но то, что произошло в следующее мгновение, заставило ее забыть о своем намерении.

Внизу, в кювете, две темные фигуры обошли со всех сторон догорающую машину, подняли стоящие в стороне канистры и стали неспешно выбираться на дорогу. Но чем ближе подходили к ней фигуры людей, тем отчетливей виделось — есть что-то нечеловеческое в их облике: лысые головы, два огромных блестящих глаза и железный набалдашник вместо лица.

От испуга Инна присела на корточки и вжалась в придорожные кусты.

Для полного счастья в новогоднюю ночь ей не хватало только инопланетян!!!

Выйдя на дорогу и не замечая в кустах притаившуюся «землянку», гуманоиды остановились и, ухватившись «клевнями» за железные набалдашники, рывком стянули свои лица...

От страха сердце Инны ушло в пятки, но вместо ожидаемого кровавого месива или тараканьей «морды», она увидела у гуманоидов настоящие человеческие лица и вздохнула с облегчением.

Фу ты! На людях были надеты обыкновенные противогазы!!!

Переведа дух, Инна хотела вылезти из кустов, но вовремя одумалась — одна на пустынной дороге с подозрительными типами с канистрами в руках!

Ну, уж нет! Из кустов ее вытащат разве что силой!

Пока Инна решала, что ей делать, парни сняли «серебряные космические» комбинезоны и закурили обыкновенные земные сигареты.

— Ну, и работенка сегодня выдалась! — заговорил один, засовывая комбинезон и противогаз в большой пакет. — Это в новогоднюю то ночь!

— Да, трудновато, — согласился второй повыше, глубоко затягиваясь и резко выдыхая, выпуская изо рта дымные колечки. Колечки на морозном воздухе получались яркими и четкими и появлялись через равные промежутки времени. Последним, сильным выдохом парень пронзил все расплывающиеся колечки дымным, полупрозрачным «копьем», словно нанизал на него все получившиеся кольца. — Только может, мы зря поспешили с этим делом: приказали же ровно в двенадцать запалить, а мы...

— Не знаю, как тебя, — недовольно перебил первый, менее здоровый парень, — а меня дома ждет семья! Три часа роли в деле не играют — по этой дороге все равно никто не ездит. К тому же Новый Год, все нормальные люди с работы уже домой вернулись, а некоторые за столом садят, провожают Старый Год.

— Это нормальные люди дома сидят, — не сдавался плечистый парень, — а что если какой-нибудь псих все же поедет по этой дороге?

— И что? — положил конец возражениям «семейный». — Посмотрит и дальше поедет — вызывать сюда пожарный и полицию он все равно не станет: Новый Год же!

— И то, правда! — согласился здоровяк. — Дураков нет!

Молодые парни бросили окурки, сели в стоящую недалеко машину и, лихо развернувшись, быстро поехали в сторону Ленинградского шоссе.

А Инна, задумчиво глядя на удаляющиеся красные огоньки, стала осторожно выбираться из заснеженных кустов на опустевшую дорогу, благодаря Бога, что поехали парни в сторону Ленинградского шоссе: если бы они поехали в другую сторону, то непременно наткнулись бы на ее брошенный на обочине «Пежо». Наткнулись и стали бы разыскивать любопытного горе-водителя крошечной машинки — вот тогда ей уж точно не сносить бы головы.

Пора было уезжать, но ноги Инны сами собой понесли ее не к машинке, а в кювет, поближе к месту аварии.

Машина догорала...

Вонища вокруг стояла ужасная, но это Инну не остановило. Она осторожно обошла вокруг выгоревшую машину и заглянула внутрь — на переднем сиденье, на месте водителя виден был обугленный труп человека.

В испуге отпрянув от машины, Инна наступила на что-то твердое, споткнулась, не устояла на ногах и села на снег — пошарила руками вокруг себя, нащупала «камень», о который споткнулась. «Камень» оказался коричневой барсеткой. Инна встала и заспешила к машине — там она рассмотрит свою находку и решит, что будет делать дальше.

Но «рассмотреть находку» Инне не пришлось — часы на приборной доске показывали начало десятого — до назначенного времени ее приезда оставалось меньше получаса, а ей еще ехать и ехать...

Дом, куда так стремилась Инна в новогоднюю ночь, был большим, мужским и каменным: большим, потому что, к дому с одной стороны «прилепился» гараж на две машины, а с другой — большая крытая застекленная терраса с выходом на участок, плотно засаженный плодовыми деревьями; мужским, потому что, серым, строгим, солидным и прямолинейным (ни тебе эркеров, витражей, петушка-флюгера на крыше); а каменным, потому что, облицован был серым натуральным камнем.

— Ну, наконец-то! — молодая хозяйка загородного дома была возмущена задержкой «обслуги». — Мы договаривались на девять, а сейчас почти десять!

— Мы договаривались на полдесятого, — упрямо уточнила Инна, скидывая серую норковую шубейку и «принимая на грудь» упитанного трехлетнего добермана, радостно виляющего обрубок хвоста и старающегося лизнуть гостью в губы.

— Могли бы приехать и пораньше! — не унималась Анна Киселева, решившая во чтобы то ни стало показать «обслуге», кто в доме хозяин. — Вы же знаете, Инна, что перед аэропортом нам еще надо заехать поздравить свекровь.

Поправив перед зеркалом растрепавшиеся каштановые до плеч волосы, Инна сжала кулаки и решительно повернулась к въедливой «домовладелице», но опоздала с ответом.

— Если ты прекратишь нападать на Инну, дорогая, то мы все успеем: и поздравить маму с Новым Годом и даже успеем к отлету самолета, — вступился за родственницу муж хозяйки дома, предотвращая зарождающийся скандал в самом начале, и, покопавшись в шкафу, достал из его глубины шикарную длинную норковую шубу. — А вот, Аннушка, мой подарок тебе к Новому Году!

Похлопав покрашенными ресницами, стройная красотка обмерла от такой роскошной красоты и, напрочь забыв об Инне и своем недовольстве, бросилась на шею «любимому мужу».

— Вот это Новогодний подарок! Спасибо, дорогой!

— Значит, угодил... — снисходительно посмотрев на импровизированное дефиле сияющей супруги, «любимый муж» примиряющее подмигнул Инне и взглянул на часы. — О-о! Боюсь, что Старый Новый Год мы проводить не успеем.

Пока довольная и улыбающаяся Анна вертелась перед зеркалом в холле и восхищалась своим отражением, ее «любимый муж» и водитель выносили из дома чемоданы с вещами, ручную кладь и пакеты с подарками.

— Ну, все, Инна, мы поехали, — Станислав Киселев, довольно упитанный высокий сорокалетний мужчина, с виноватой миной остановился перед родственницей. — Ты уж извини, что на праздники обременяем тебя своими проблемами, но ты же знаешь, с каким недоверием Аннушка относится к наемным сторожам и домработницам, да и Роя не оставишь с чужим человеком.

— Знаю, Стас, иди уже, — поторопила Инна.

Анна, наконец, оторвалась от зеркала: созерцать свою неземную красоту она могла часами (благо муж был пластическим хирургом и довел эту красоту до совершенства) и, кивнув головой Инне на прощанье, двинулась к выходу.

— Твой новогодний подарок под елкой, — шагнув за порог, напомнил родственник и ободряюще кивнул головой. — Хозяйничай и ничего не бойся — поселок круглосуточно охраняется. Да и наш парень тебя в обиду не даст.

— Разберусь! — успокоила его Инна и, закрыв входную дверь на замок и еще на защелку, подошла к окну в гостиной.

Посмотрела, как «родственники» садились в поджидавшую их иномарку, как выезжали за ворота участка, как поехали по дороге к выезду из поселка...

Ну, вот она и осталась одна!

Если не считать Роя, конечно.

Словно почувствовав, что о нем вспомнили, доберман подошел к Инне и, поставив лапы на подоконник, тоже посмотрел в окно.

— Что, мальчик, уехали твои хозяева к теплому морю! Ну, не грусти, парень, через две недели они обязательно вернутся.

Инна посмотрела на настенные часы и заспешила — надо накрыть на стол и встретить Новый Год: всего должно быть много, даже если она встречать его будет в гордом одиночестве. Ну, почти в одиночестве...

Она все успела приготовить: и курицу, и картошечку с укропом, и обязательный салат «Оливье», и баночки открыть, и колбаску нарезать — успела накрыть на стол, переодеться в праздничное платье, и повязать собаке красный бант, и даже подарила Рою его новогодний подарок: забавную резиновую тигриную голову с пицалкой на толстенной веревочной петле.

Когда настенные часы начали бить двенадцать, Инна уже сидела за столом с бокалом шампанского в руке и вместе со всей страной слушала поздравления президента и прилежно считала куранты: один, два, три, четыре, пять...

После двенадцатого удара Инна, как положено, загадала желание и прокричала «Ура!», чем отвлекла принарядившегося Роя от раздербанивания новой игрушки, и, выпив шампанское, положила себе на тарелку всякой всячины — сегодня она сама себе сделает новогодний подарок: в Новогоднюю ночь наплюет на длившуюся целый год диету и оторвется по полной программе!

Вволю наевшись разносолов, Инна положила в миску Рою два приличных куска мяса и с бокалом шампанского забродила по дому.

Дом не произвел на Инну особого впечатления: скучновато, серовато, хотя солидно и дорого — не чувствовалась здесь заботливая, женская рука, хотя женщина здесь проживала.

Походив по комнатам, Инна вернулась в гостиную и снова встала у окна.

За окном медленно и величественно шел снег. Огромные узорчатые снежинки неторопливо падали с непроглядного серого неба, укрывая землю белоснежным праздничным покрывалом. Все притихло вокруг — природа любовалась красотой своего сотворенного для себя «Новогоднего подарка».

Инна смотрела на падающий снег, он не стал навевать на нее грустные мысли...

Сколько Инна себя помнила — праздники она не любила.

В детстве ее всегда заставляли читать стихи перед гостями (как маленькую), а когда начиналось самое интересное, отправляли в другую комнату приглядывать за младшей сестрой — чтобы они не мешались под ногами.

Мать родила Инну очень рано в восемнадцать лет, потом был институт, работа, второй ребенок и Инна как-то потерялась между этими датами, застряла между родителями и младшей сестрой, не признавая за первыми старшинства и родительского авторитета и не найдя общих интересов с младшей (разница в восемь лет колоссальное расстояние для сближения и понимания).

Даже когда сестры выросли, и разница в возрасте чуть-чуть сгладилась, общих интересов у них так и не появилось: Инна самозабвенно училась (сказалась давняя привычка убежать от действительности в книги), у Галины же были совсем другие интересы — наряды

и молодые люди. Окончив школу, она сразу же вышла замуж и уехала с мужем (почти ровесником родителей) в Сибирь, где у него процветал лесозаготовительный бизнес. Инне пришлось одной заботиться о родителях: все праздники она старалась проводить с ними, чтобы они не чувствовали себя забытыми и одинокими, хотя ее одиночество от этого становилось еще горче.

Поставив бокал с шампанским на подоконник, Инна приложила ладони к холодному стеклу, прижалась к нему лбом и закрыла глаза...

— Мне грех жаловаться на жизнь: работа у меня прекрасная, родные здоровы, но мне всегда хотелось чего-то большего... Хотелось, чтобы рядом со мной было родное живое существо, но из-за своей занятости я даже кошку не могу завести, — жалея себя, вдруг застонала Инна и, как в детстве, от всего своего страдающего сердца попросила: — Дедушка Мороз, пожалуйста, исполни мое заветное желание! Ведь ты мне должен! В детстве ты никогда не дарил мне того, о чем я тебя просила! Помнишь, в письме я просила тебя подарить мне морскую свинку — ты подарил куклу, на следующий год вместо собаки я получила велосипед, потом вместо волнистого говорящего попугайчика краски и кисти, а вместо хомячка мольберт, но, когда вместо рыбок ты подарил мне младшую сестренку, я перестала тебя о чем-нибудь просить. Ты так и не подарил мне на Новый Год ни одного живого существа, которого я любила бы! И которое в ответ любило бы меня! Поэтому, милый Дед Мороз, на этот Новый Год подари мне...

Рой навострил уши, заворчал и огромными прыжками помчался в прихожую — ощущение волшебного единства с природой в миг пропало.

Печально вздохнув, Инна оторвалась от стекла и вытерла ладонями невольно выступившие на глаза слезы — все это ерунда: и сказки про Деда Мороза, и волшебство Новогодней ночи, и исполнение заветных желаний — большинство людей на следующий день с трудом вспоминают, что пожелали себе под бой курантов...

Инна вернулась к столу, поковыряла вилкой салат «Оливье» и перебралась на диван, настроившись всю ночь смотреть новогодние программы, но по всем каналам пели одни и те же певцы, выступали одни и те же актеры. Сие обстоятельство немного разочаровало Инну, она улеглась на диване и задремала под череду зажигательных песен, льющихся с экрана.

Вот так спокойно, без приключений прошла эта Волшебная Новогодняя ночь...

3

Моложавая женщина вошла в убогую покосившуюся избенку, стоящую около самого леса, и села у двери на лавку, сколоченную из не струганых досок. Огляделась и презрительно скривила рот: унылое зрелище представляла собой обстановка брошенной, нежилой избушки: массивный грубо сколоченный стол и лавки у стола и по стенам, в углах два огромных сундука без замков и запоров, на стенах развешены пучки каких-то трав и сухих цветов, сквозь пыльные, давно не мытые, окна сочился тусклый, не смотря на день, рассеянный свет.

«— Зачем я сюда притащилась? — скидывая с головы капюшон и передергивая плечами от промозглой сырости, подумала она, расправляя полы длинной стриженной шубы. — Хотя, если подумать, это у меня последний шанс заставить его на мне жениться. Сколько ее еще ждать и так два дня уже потеряла...»

Дверь заскрипела, в избенку вошла неопределенного возраста женщина в пуховом платке, тулупе, резиновых сапогах и длинной темной юбке. Подол у юбки был мокрым, на сапогах налипла болотная тина. Хозяйка избенки, не глядя на гостью, прошла в горницу и

села за длинный грубо сколоченный стол. Деревянные доски стола потемнели от времени и сырости. Вспоминая свою молодость, хозяйка провела заскорузлой рукой по старым доскам и закрыла глаза, словно задремала.

«— Ну вот, — недовольно подумала женщина в шубе у двери, — теперь она спать надумала. А когда же она работать будет? Я к ней в такую даль ехала, несколько дней ждала, да видно зря!»

— Зря, не зря — время покажет... — прошамкала хозяйка беззубым ртом. — Сконд естешь? Откуда будешь?

— Из России... — с ужасом глядя на сидящую за столом столетнюю старуху, произнесла гостья и не в силах встать, схватилась руками за край лавки.

— Ну да, ну да, пани з Росьи, — прошамкала старуха и, повернув голову в сторону гостьи, посмотрела на нее серо-зелеными «болотистыми» холодными глазами.

Наваждение старушечьего облика исчезло — за столом сидела женщина неопределенного возраста, все еще внешне привлекательная и презрительно смотрела на трясущуюся от страха рыжеволосую женщину у двери.

— Зелье ворожейное я табе дам, — скривила тонкий рот хозяйка избенки, — а ты мяне за это...

Хозяйка поманила гостью скрюченным пальцем к себе и, когда та, на плохо слушающихся ногах, подошла и склонилась, зашептала ей в ухо свое условие.

— Да где же я...

— Цыть! Молчь! — цыкнула хозяйка на гостью, и та покорно замолчала и согласилась. — Добже...

Хозяйка избенки достала из запазухи бутылочку темного стекла, запечатанную сургучом, и поставила на стол перед гостьей.

За окном избенки вдруг резко зашумели деревья, поднялся сильный воющий ветер, и серые снежные тучи заволокли морозное ясное небо. Пытаясь спрятаться от надвигающегося ненастья, жалобно заблеяли козы, привязанные около избенки к дереву. А хозяйка-ведьмачка будто и не слышала приближения снежного фронта, не слышала завывания ветра и тревожного блеянья коз, не мигая смотрела в глаза непрощенной гостьи, отважившейся накликать приворотную беду на своего избранника.

— Каждый джень по тши капли... Не исполнишь условие пока зелье не закончится — пеняй на сабе...

Хозяйка отвернулась от женщины, и та снова увидела перед собой столетнюю старуху со скрюченным носом и скрюченными пальцами. В испуге схватила она заветную бутылочку со стола, бросила на стол деньги и быстро выбежала за дверь.

— Добже, добже, — скривила беззубый рот старуха и, не прикасаясь к деньгам, повторила: — Хорошо, хорошо...

4

Утром первым делом Инна открыла засов «собачьего лаза» на входной двери, выпустила Роя на участок и, поглядывая в окно за носившимся по заснеженному газону псом, начала убирать со стола — праздник закончился, пора было наводить порядок.

Вдоволь набегавшись по рыхлому снегу, Рой залаял и завозился у двери, и Инна, бросив мытье посуды и вытирая полотенцем мокрые руки, поспешила к входной двери.

В прихожей было довольно темно, и Инна не сразу сообразила, почему собака наполовину торчит из лаза.

— Ты что, застрял? — усмехнулась она, тут же вспомнив сказку про Винни-Пуха, до отвала наевшегося халявного меда. — Неужели ты так объелся в новогоднюю ночь, что не проходишь в собачье отверстие? Ладно, лезь обратно, я открою тебе дверь.

Собака заворчала, заворчалась, но с места не сдвинулась.

— Рой! Лезь обратно!

Инна наклонилась, взялась за торчащую в лазе филейную собачью часть и хотела выпихнуть застрявшего добермана из лаза. Рой зарычал, дернулся, и часть кожи с шерстью осталась у Инны в руках...

— Ой, мамочки! — взвизгнула она, отбрасывая от себя объемный шерстяной кусок.

Но вместо ожидаемого собачьего визга за железной дверью раздался радостный собачий лай.

Дрожащей рукой Инна нащупала на стене выключатель и включила свет.

В прихожей вспыхнули десяток крошечных лампочек, ярким светом осветив место предполагаемой трагедии.

Ожидаемого «моря крови» Инна не увидела — вместо только что «освежеванной» собачьей задницы в лазе торчала человеческая голова и часть туловища — две руки и одно плечо. На полу в углу валялась помятая норковая шапка.

«Воры! Караул! Грабят!»

Вспыхнули в голове у Инны сигналы опасности, и она, не помня себя от страха, бросилась на кухню. Однако, как бы она не была напугана незаконным вторжением вора, за нож Инна хвататься побоялась и схватила первое попавшееся «безопасное», по ее мнению, оружие: увесистую чугунную сковородку.

В прихожей вновь завозились, и Инна, подбежав к входной двери, слегка огрела вора по голове сковородкой.

Вор ткнулся лицом в ворсистый коврик у двери и затих.

Дальше Инна действовала по заранее спланированной схеме: позвонила охране у ворот и вызвала их к себе в дом.

Через минуту бравые парни в камуфляже за ноги вытаскивали застрявшего вора-неудачника из собачьего лаза.

Но после того, как охранники, преодолев сопротивление вора, вытащили его из собачьего лаза и поставили на ноги, они смущенно опустили автоматы и принялись наводить порядок в одежде вора-неудачника.

— Вы уж извините, Сергей Александрович, что так вышло, — бормотали охранники, отряхивая снег с одежды довольно крупного помятого мужчины. — Нас вызвали... служба...

— Что здесь происходит?! — наблюдая за действиями охраны, возмутилась Инна. Она стояла в распахнутых дверях дома в наброшенной на плечи шубейке и от волнения и холода изредка передергивала плечами. — С чего это вы перед ним извиняетесь? Его надо в полицию сдать!

— Для опытов, — пьяненько хмыкнул вор-неудачник и поднял голову.

На Инну недобро уставились заплывшие от выпитого алкоголя мутные серые глаза. Заросшее трехдневной щетиной мордатое лицо мужчины не выражало ничего кроме презрения.

— Ты кто такая? — грубо спросил он и, качнувшись, шагнул к двери.

Несколько крепких рук сразу же заботливо подхватили вора-неудачника и удержали его в вертикальном положении.

— Нет, вы на них только посмотрите? — всерьез обиделась Инна на плечистых охранников в камуфляже, взявшихся охранять хозяйскую собственность, в том числе и ее, и не выполняющих свои обязательства. — Под белы ручки вора поддерживают, снег с него заботливо стряхивают! И это называется охрана!

— Не кричи! — поморщился мужчина, взявшись за голову двумя руками. — От баб всегда столько шума...

— А вот буду кричать! — возмущенно топнула ногой Инна — ей будет приказывать какой-то вор! — Вы мне тут не указ! Ну, ка, господа служивые, ведите, ка этого «медведя, бурбона, монстра» отсюда подальше! А то я сюда настоящую полицию вызову! — пригрозила она, с опаской глядя на по-медвежьки сильного и неуклюжего вора-неудачника.

— Мы не можем его забрать... — замялись бравые парни в камуфляже. — Сергей Александрович хозяин.

— Хозяин чего?

— Так дома этого.

— Вы что-то путаете, — нахмурилась Инна, плотнее запахивая шубейку на груди. — Хозяйку дома зовут Анна Киселева, а мужа ее Станислав Киселев.

— Это нового мужа Анны Дмитриевны зовут Станислав Михайлович Киселев, — уточнил один из охранников, — а прежнего мужа зовут Сергей Александрович Дорохов.

— Сергей Александрович Дорохов? Первый раз слышу, — Инна подозрительно посмотрела на покачивающегося стриженного мужчину, потом на охранников, потом снова на большого грузного вора-неудачника и начала понимать нелепость происходящего. — Вы хотите сказать, что этот человек бывший муж Анны?

— Ну да, — дружно закивали головами парни с автоматами. — Сергей Александрович Дорохов — хозяин этого дома.

— Половины дома, — уточнил пьяный мужчина и снова шагнул в направлении двери.

— Ну, уж нет! В дом я его не пущу! — Инна отступила в дом и с силой захлопнула входную дверь. — Нет у меня на ваш счет, господин Дорохов, никаких указаний от хозяйки дома! — нагнувшись, прокричала она в открытый собачий лаз. — С Анной Дмитриевной разбирайтесь, кто в этом доме хозяин.

Через полчаса разбирательств и переговоров через закрытую дверь, в пресловутый собачий лаз просунулась большая мужская рука с мобильным телефоном.

— Поговорите с Анной, — «командным голосом» приказал вор-неудачник из-за двери, и Инна, не смотря на все свое упрямство, нехотя подчинилась.

— Что там у вас происходит? — недовольно спросила хозяйка загородного дома, вернее, половины дома и Инна отыгралась на ней по полной программе.

Она возмущалась и кричала, ругала охрану поселка и нерадивую родственницу, что та не поставила ее в известность о приезде постороннего мужчины — вот пусть бы ее бывший муж и охранял бы их общее добро, пока она с новым мужем греется на солнышке в далекой Африке.

— Но я же не знала, что ему вздумается приехать в Сергеевку на праздники, — защищалась Анна из далекой Африки, растеряв свой обычный гонор: ситуация осложнялась, а ей ужасно не хотелось возвращаться домой с курорта раньше времени. — Ну, Инночка! Ну, не сердитесь на меня, что так вышло — через день, ну может через два Серж обязательно уедет из дома — у него серьезная военная служба, и вы опять останетесь одни в доме, и будете отдыхать.

— А если не уедет?

— Обязательно уедет!

— А если нет? — настаивала Инна — перспектива остаться в доме один на один с пьяным медведеподобным мужиком ее как-то не прельщала. — Если он не уедет через два дня — уеду я! — произнесла она и со злости пнула ногой валяющуюся на полу норковую шапку.

— Нет, Инна! Не делайте этого! — испугалась Анна за свое имущество. — Серж человек не надежный, и оставлять на него дом, а тем более собаку просто безответственно!

— Тогда, что мне прикажите делать в такой ситуации?

— Живите в доме, как договаривались.

— Легко вам говорить оттуда...

— Да не бойтесь вы его, Инна. Мой бывший хоть и страшен на вид, но хорошо воспитан и женщину никогда не обидит.

Такая положительная рекомендация Инну не успокоила — не то, чтобы она боялась мужчин, но настрой на спокойные долгожданные каникулы рушился прямо на глазах, а крушение планов, как известно, энтузиазма не прибавляет.

Инна давно мечтала отдохнуть от городской суеты, работы, подруг и родителей (она любила и тех и других, но иногда ей хотелось отключить мобильный телефон и исчезнуть из их жизни, хотя бы на какое-то время). Она долго себе не позволяла отдых в одиночестве, но, когда ей позвонила ее крестная и начала жаловаться на новую невестку, Инна сама предложила свою кандидатуру на временную «хранительницу очага» загородного дома семьи Киселевых — упустить такой шанс «одиночного затворничества» она просто не смогла. И вот теперь из-за случайно появившегося назойливого мужчины ее долгожданные планы на отдых и одиночество летели в тартарары.

«— Спокойно, милая, — заправляя волосы за уши, успокаивала себя Инна, распахивая дверь и впуская в дом «половинного» хозяина, — пусть не два дня, а даже четыре дня этот мужчина будет отравлять тебе жизнь, но зато остальные десять дней...»

С видом победителя, Дорохов протопал мимо поджавшей губы «сторожихи», подобрал в прихожей свою валяющуюся на полу норковую шапку и, сняв дубленку, затолкал и то и другое в огромный зеркальный шкаф-купе. Посмотрел на припорошенные снегом ботинки — где он будет искать свои тапки? — и, не переобуваясь, протопал на второй этаж.

— Медведь! Бурбон! Монстр! — прошептала Инна в спину неряшливому мужчине и с силой захлопнула входную дверь.

— Я все слышал, — раздалось сверху, и Инна покраснела — давно она не вела себя так невежливо и агрессивно.

А ведь умение разговаривать с людьми и улаживать конфликты стало ее профессиональным долгом, она работала главным менеджером по общим вопросам крупной парфюмерной компании. Сейчас же Инна была не «при исполнении» и позволяла себе нелестные замечания в адрес «половинного» хозяина.

Ай-я-яй! Какая невоспитанность!

А может, она зря так набросилась на человека?

В конце концов, это ведь его дом, и он волен приезжать сюда, когда ему вздумается. Может, ему тоже захотелось тишины и покоя в новогодние праздники.

Все это так, Инна признавала его права и желания, но от этого ее собственное плохое настроение не улучшалось: рухнувших планов на две недели спокойствия и одиночества,

было ужасно жаль.

Так жаль, что в первую минуту Инна чуть не расплакалась от разочарования, хотя плакала она очень редко: ну, разве, что, когда погибали животные (человеческим чувствам, а главное словам, она перестала верить уже давным-давно).

— Давайте жить дружно! — прокричала она в лестничный пролет, но ей не ответили. — Ну, и ладно! Не очень, то и хотелось!

Инна вернулась на кухню и домыла посуду. Еды у нее было полно и она, включив телевизор, постаралась забыть о присутствии в доме постороннего человека.

Рой вертелся около нее, изредка поднимаясь на второй этаж и замирая у двери одной из спален.

«— Беспокойся», — догадалась Инна и убавила громкость телевизора — не смотря на свою обиду и агрессивность, она все же оставалась воспитанным человеком.

5

На третий день пребывания в доме «половинного» хозяина Инна забеспокоилась — Сергей Александрович Дорохов вниз не спускался, из спальни не выходил и, вообще, не подавал признаков жизни.

Возможно, в спальне у него был запас продуктов — в еде и питье он не нуждался, но тишина в его комнате пугала Инну больше, чем его присутствие в доме — вдруг у него инфаркт или что-нибудь в этом роде?..

Она поднялась на второй этаж и тихо постучала в закрытую дверь спальни.

Ответом на стук была все та же гнетущая неживая тишина.

Рой стоял рядом с Инной, нетерпеливо поскуливая — умная морда его выражала беспокойство.

Инна нажала на «золотую» изогнутую ручку и осторожно приоткрыла филенчатую дверь.

Из двери пахло стойким запахом перегара. Инна поморщилась, но в спальню все же вошла.

Не смотря на день, в комнате висел полумрак. Сквозь сдвинутые плотные шторы солнце почти не проникало в спальню.

Присмотревшись, Инна подошла к кровати и осторожно дотронулась до руки лежащего поверх покрывала мужчины — рука была теплая.

— Ну, слава Богу, живой! — прошептала она и повернулась к двери.

Но у Роя были совершенно другие планы относительно своего хозяина — пес подбежал к кровати, полизал лицо мужчины и громко гавкнул.

Инна вздрогнула и зашикала на собаку.

— Ты что делаешь?! Быстро пошли отсюда!

Но пес не собирался уходить — он ухватил край рубашки мужчины и стал трепать ее из стороны в сторону.

— Прекрати, Рой! — пыталась Инна урезонить собаку, но псу игра нравилась, и он не собирался прекращать такое веселое занятие.

Мужчина на кровати завозился и открыл один глаз. В поле его расплывающегося зрения попал пес, и он очень удивился его появлению в своей комнате.

— Брысь, отсюда! — проворчал он и для большей убедительности махнул рукой.

Но вместо собаки рука попала по бутылке, и та со звоном скатилась с кровати на пол. Из бутылки подозрительно забулькало, и Инна бросилась ее поднимать.

Услышав бульканье, мужчина открыл второй глаз, поднял голову и попытался посмотреть с кровати вниз на упавшую на пол бутылку. Оторванная от подушки голова закружилась, он замычал и, взявшись рукой за голову, повалился на подушку. Движенья его были вялыми и натужными, и Инна невольно пожалела мужчину, хотя пьяницы вызывали у нее лишь чувства омерзения и осуждения.

Со второй попытки мужчина все-таки оторвал голову от подушки, свесился вниз и, не найдя на полу упавшей бутылки, разочарованно икнул, однако поиски оной не прекратил, а попытался заглянуть под кровать и чуть не свалился с нее.

Рой прытко отскочил в сторону от кровати, а Инна наоборот: шагнула ближе и поддержала сползавшего с постели мужчину.

— Осторожнее, — недовольно проворчала она и, не удержавшись, осудила такое отвратительное поведение: — Пить надо меньше — тогда с кровати падать не будете.

Мужчина перевел мутный взгляд с ног Инны на ее лицо и попытался осмыслить происходящее.

— Ты кто? — пьяно спросил он, и его взгляд, не удержавшись на женском лице, скользнул ниже. Мужчина увидел бутылку в руке Инны и возрадовался: — О! Моя дорогая! Иди ко мне!

Дорохов протянул руку, и Инна, подражая Рою, прытко отскочила от кровати.

— Я вам не дорогая! — возмутилась она.

— Это точно — вас я не знаю, — мужчина кивнул коротко стриженной головой, но протянутую руку не опустил. — А вот с этой старой знакомой мне хотелось бы пообщаться поближе.

— Вы о бутылке... — догадалась Инна и решительно спрятала ее за спину. — С ней можете попрощаться навсегда — больше пить я вам не дам.

Она подошла к открытому бару и решительно сгребла в охапку все оставшиеся там бутылки — вот теперь ее никто не обвинит в равнодушном бездействии и потакании пьянству. Прижимая бутылки к груди, Инна гордо вышла из спальни, провожаемая ненавистным взглядом мужчины.

Без алкогольного запаса в спальне делать было нечего, и скоро Дорохов выполз из комнаты на поиски спиртного, пошатываясь, спустился со второго этажа и, игнорируя «сторожуху», прошаркал на кухню. Там он долго лазил по шкафам и полкам в поисках алкоголя, заглядывал в холодильник в надежде отыскать заваливающуюся банку пива, но, в конце концов, сдался и припал к водопроводному крану. Пил он долго и жадно, но холодная вода, плескаясь в пустом желудке, не принесла облегчения.

— Выпейте кифирчик — в нем тоже содержится алкоголь! — издевательски прокричала Инна из гостиной и погладила Роя по голове — пес интуитивно опасался приближаться к озлобленному хозяину и старался держаться поближе к Инне, чувствуя в ней защитницу.

— Спасибо за совет, — буркнул Дорохов, притащив свое непослушное тело в гостиную — просить бутылку с «лекарством» у «наглой, незнакомой бабы» он не стал, посчитав это ниже своего достоинства. — Со своими проблемами я разберусь сам — без дурацких советов.

— Оно и видно! — отчеканила Инна, с высокомерием королевы глядя на потащившегося к выходу мужчину. — Если вы все свои проблемы решаете подобным образом, то вряд ли вы их решаете успешно!

— Ну, это не вам судить! — разозлился Дорохов — еще одно слово и он кинется на нее с кулаками. Ненависть немного отвлекла его от головной боли, и он постарался открыть дверной замок.

— Даже не пытайтесь — сигнализация сработает, — невозмутимо предупредила Инна, продолжая сидеть на диване в гостиной.

Рой подошел к хозяину, заглянул в глаза и выразительно посмотрел на собачий лаз во входной двери — подсказал выход.

Со своего места Инна хорошо видела происходящее в прихожей.

— Не советую — опять застрянете, — съязвила она и, вспомнив живописную картину их встречи, прыснула в кулак. — Вот охрана опять посмеется!

— Ну, вы!!! — сжимая кулаки, Дорохов шагнул от двери. Едва сдерживаясь чтобы не заорать, он тяжелым взглядом уставился на обидчицу. — Откройте дверь!

— Открою. И что дальше? — насупилась Инна, тоже сжимая кулаки — ее начинала бесить невоздержанность мужчины (ну, пил три дня — пора и меру знать!). — Пойдете по домам искать выпивку, а потом опять завалитесь сюда? Нет уж! Хотите уходить — уходите совсем! Остаться с запойным мужчиной в доме я не собираюсь!

— Ну и вали отсюда!

— С радостью! Но на кого же я оставлю дом и собаку? На вас? Как же, держите карман шире — вам у меня веры нет! Лучше будет, если вы свалите отсюда!

То, что его крика и сжатых кулаков не испугались, Дорохова ошарашило — раньше от одного его взгляда подчиненные тряслись, как осиновые листочки, а теперь... теперь даже «наглая баба» смеет огрызаться. Кулаки его сами собой разжались, плечи опустились — он, почему-то, думал, что он все тот же: властный и строгий, а на деле оказалось, что никто его не боится и никому он теперь не нужен.

Инна заметила произошедшую перемену и сменила тактику — переговоры были куда лучше военных действий.

— Могу предложить огуречный рассол — говорят, помогает. В банке осталось несколько огурчиков — можете их съесть...

Неожиданная обжигающая нутро жалость окончательно добила бывшего полковника. Вот он — его конец! Только унижительную жалость теперь испытывают к нему люди! Жалость и презрение! А раньше...

Нет! Он не будет вспоминать о прошлом!

— Выпить бы... — униженно произнес он и, злясь на себя за безволие, низко опустил голову.

Сердце Инны вдруг сжалось от нехорошего предчувствия и простой человеческой жалости — что-то страшное случилось у этого большого, нескладного, какого-то помятого человека. И это страшное, и непоправимое «что-то» согнуло его, придавило и наверняка сломает. Сломает, если кто-нибудь не поможет ему подняться, протянув ему руку и подставив свое плечо, чтобы он мог опереться...

Но причем здесь она?

У него же есть родственники, близкие — вот пусть они и занимаются его проблемами: вытаскивают, отряхивают, поддерживают. Они его знают, любят — вот пусть и заботятся...

Вспомнив о близких, Инна вздохнула — кому, как ни ей знать, что не все можно рассказать близким, доверить друзьям: мы бережем их нервы и спокойствие, для откровений куда больше подходят совершенно посторонние люди: выплеснешь на них свое горе-

злосчастье и становится легче на душе. Посторонние люди тебе посочувствуют, поохают и поспешат по своим делам, и ты вновь остаешься наедине со своим горем-злосчастьем, но, разделенное с другими, оно уже не кажется тебе таким сокрушающим и безысходным.

Ну, что ж, она готова выслушать этого человека — ведь на работе она привыкла сочувственно выслушивать незнакомых людей.

Вздыхнув, Инна посмотрела в сторону высокой под потолок елки, под которой спрятала батарею «конфискованных» бутылок и вздрогнула: из пакета с красками и альбомами (Инна рассчитывала несколько дней новогодних каникул посвятить рисованию) торчала темно-коричневая кожаная барсетка, подобранная на месте аварии. Гениальная мысль полностью завладела Инной, и она напрочь забыла о просимой мужчиной выпивке.

— Сергей Александрович, мне нужен ваш совет, — Инна встала, быстро подошла к елке, вытянула из пакета чужую барсетку и шагнула к крупному понурому мужчине. — Я нечаянно взяла эту чужую вещь и теперь не знаю, что мне с ней делать.

Дорохов поднял голову — он не ослышался? — может, не все так плохо, как он предполагал: эта препротивная «громкоговорящая» женщина просит у него совета, а это значит, что он все еще кому-то нужен, ему доверяют, с ним советуются...

6

Сидя в домашнем халате на необъятной супружеской кровати Валентина Николаевна Ватутина сжимала в руках мобильный телефон, с надеждой глядя на светящийся голубой экран — муж третий день не отвечал на звонки, и это обстоятельство наводило ее на тревожные мысли.

«— Пора бы ему уже перестать праздновать и вспомнить о семье! — мысленно выговаривала она мужу. — Новый Год праздник семейный, и обоим родителям следовало бы уделить время детям! А он выдумал эту деловую поездку! Ну, какие в новогодние дни могут быть дела?»

Правда, большинство праздников у Георгия Рудольфовича Ватутина были все же рабочими, да и выходные тоже.

— «Как потопаешь — так и полопаешь!» — любил повторять преуспевающий бизнесмен, видя обиженно поджатые губы жены.

— Но всех денег все равно не заработаешь! — возражала она, и Георгий Рудольфович тут же признавал ее правоту.

— Все, уговорила: завтра на работу не пойду! — решительно заявлял он, плюхаясь в обволакивающее кожаное кресло, с наслаждением вытягиваясь и беря в руку пульт от огромного телевизора — Ну, его к черту этот миллионный контракт! Пусть ищут себе других перевозчиков. Проведу выходные с семьей, как все нормальные люди... Только вот о новом велосипеде Витька пусть даже не заикается.

Десятилетний сын Витька, худой, темноволосый и очень смышленный подросток, услышав такие безрадостные перспективы, обиженно сопел и тут же старательно начинал кашлять, прикидываясь больным. Утром в выходной все запланированные с вечера мероприятия на «семейные» выходные откладывались. Больной ребенок оставался целый день в кровати, а Валентина Николаевна начинала самозабвенно лечить сына и Георгию Рудольфовичу Ватутину, пенявшему на невезение (в кои веки решил остаться в выходной дома и провести целый день с семьей и на тебе!), вместо запланированного похода в зоопарк и кино приходилось идти на работу. Уходя, он заглядывал в комнату сына, заговорчески подмигивал безропотно пьющему лекарство мальчику и в конце недели тот получал свой

долгожданный велосипед.

Точно такая же история повторялась и с шестнадцатилетней дочерью Властелиной невысокой, заносчивой, кареглазой шатенкой, следящей за своей внешностью и фигурой и трепетно относящейся к выбору подарков. Дети рано поняли, что одновременно иметь и отца, и желаемые подарки у них не получится — пришлось выбирать, и они единогласно выбрали подарки.

Того, что мать болезненно переживала отсутствие мужа и требовала от него внимания, как женщина, избалованные, эгоистичные дети, в силу своего возраста, не понимая семейных отношений между супругами, ее переживаний не разделяли — одним, без отца, жить им было намного лучше: никто не выдворял их из гостиной (хотя у каждого была своя комната и свой телевизор), не гонял от «общего» телевизора (к интернету был подключен только этот телевизор и можно было смотреть любые фильмы, как в кинотеатре), не напоминал об уроках, которые делались Витей с горем пополам, не высказывал недовольства по поводу внешнего вида (в школу Властелина одевалась, как на показ модной одежды) и не требовал тишины.

Так зачем же нужен отец, если не для зарабатывания денег и не для удовлетворения их потребностей?!

Валентина Николаевна думала по-другому, но старалась не скандалить, не конфликтовать и довольствоваться тем малым временем и крохами внимания, что оставались для нее у мужа после его напряженной работы.

Но, к чести Валентины Николаевны, надо сказать, что она не относилась к тем многочисленным женам «бизнесменов», которые занимаются домом и своими делами, безоговорочно веря мужьям, и зорко следила за собственным мужем, день и ночь стоя на страже семейных ценностей.

Благодаря неусыпным усилиям Валентины Николаевны их брак считался крепким и счастливым и длился более семнадцати лет. Но последнее время у Валентины Николаевны все валилось из рук — она предчувствовала наступление чего-то неотвратимого и страшного.

Отсутствие мужа на Новомоднем празднике явилось для Валентины Николаевны предвестником беды — почти двадцать лет они отмечали Новый Год вместе и вдруг...

— Ну, что ты так переживаешь? — равнодушно поинтересовалась очень способная и очень самостоятельная дочь Властелина, заглядывая в спальню родителей и видя мать в таком удрученном состоянии (мать даже не переоделась к завтраку, что было ей не свойственно). — Он же тебе сказал, что поездка деловая. Де-ло-вая! — по слогам выговорила девушка и, зайдя в родительскую спальню, занялась разглядыванием в зеркале вскочившего на лбу прыщика. — Теперь у бизнесменов такая мода — корпоративные встречи Нового Года, чтобы коллектив был крепче, словно одна большая и дружная семья.

— Но уже третье число! — Валентина Николаевна держалась из последних сил, даже отменила приезд массажиста.

— И что?

— Хоть бы позвонил, — голос предательски дрогнул, и Валентина Николаевна быстро-быстро заморгала большими выразительными глазами, загоняя наверхившиеся слезы обратно.

Дочь раздраженно потрянула длинными с высветленными прядками волосами и заговорила о своем.

— Меня больше волнует моя предстоящая поездка в Англию: папулька обещал свозить меня в мартовские каникулы в Лондон и показать Оксфордский Университет! А летом, после окончания школы...

— Ты поедешь в Америку учиться в Гарварде, — невидящим взглядом уставившись в окно, закончила за дочь Валентина Николаевна и тяжело вздохнула (о планах дочери она слушает уже два года). — Если не возникнут какие-нибудь непредвиденные ситуации, то обязательно поедешь.

— А что может случиться? — деланно удивилась Властелина, не разделяя тревоги матери.

— Ну, мало ли...

— Ты имеешь в виду ваш с отцом развод? — догадалась девушка, ни сколько, не обеспокоившись предполагаемым расставанием родителей.

— Развод??? — ужаснулась Валентина Николаевна, хватаясь холеной рукой, униженной золотыми перстнями, за сердце.

Однако, дочь не среагировала на это движение и осталась так же спокойна и непробиваема.

— Не напрягайся, ма, это я просто так сказала — ну, как один из вариантов. Даже если вы с папулкой разбежитесь: ничего страшного не произойдет — все вокруг разведутся. Хотя я думаю, что никакого развода не будет.

Валентина Николаевна отняла руку от сердца, но оно продолжало предательски сжиматься.

— Надеюсь, нам с твоим папой грозит не это...

— С чем тебя и поздравляю, — не вникая в смысл сказанного матерью, Властелина беспечно вертелась перед огромным во весь рост зеркалом. Если бы она только слышала материнское «грозит не это», то непременно поинтересовалась бы, что же может угрожать спокойствию их семьи, но она не слышала пророческих материнских слов и продолжала думать о своем. — По мне тоже лучше, чтобы никакого развода не было и в помине — делить имущество с какой-то меркантильной ненасытной особой, это такая несправедливость!

— Что ты имеешь в виду? — Валентина Николаевна отложила мобильный телефон в сторону и подозрительно посмотрела на дочь — может, она что-то знает о делах мужа, но предпочитает скрывать это от нее. — С какой особой?

— Не знаю с какой, если развод, то обязательно какая-нибудь появится. Я о другом: имущество супругов делится поровну! — Властелина перестала вертеться перед зеркалом и стала серьезной — она, как и отец, счет деньгам знала. — Скажи, вот почему при разделе имущества супругов не учитывают их детей? Если разбираться, по справедливости, то при вашем разводе мне и Витьке тоже кое-что положено. Раз нас в семье четверо — значит, делить все совместно нажитое имущество надо на четверых. Так было бы справедливо!

— Ну, положим, вы с Виктором еще ничего не нажили, — возразила Валентина Николаевна и поморщилась — тема о разводе была ей неприятна. — Но откуда ты столько знаешь о разводах и разделе имущества?

— Привет! Я же будущий адвокат — мне положено знать такие прописные истины. Семейный Кодекс я выучила еще в восьмом классе. А вот УК меня не интересует: убийцы, воры, кровь, грязь — это не для меня. Кстати, Борис Яковлевич Либман одобряет мой выбор.

— Борис Яковлевич? — последнее время Валентина Николаевна была настроена очень

решительно против юрисконсульта фирмы, хотя и признавала, что опыт у него был огромный — после его прихода на фирму никаких «проколов» с юридической стороны не было. — Ты общаешься с юристом отцовской фирмы?

— Ну, почему же отцовской? — теперь морщиться настала очередь Властелины. — Ты такая же хозяйка, как и он. Вам с отцом принадлежит по половине фирмы. Если, конечно, ты не отказывалась от нее добровольно и не дарила отцу свою половину.

— Ничего я не дарила, — не очень уверенно ответила Валентина Николаевна, смутно припоминая события прошлого Нового Года...

В конце декабря все они слегли с сильнейшим гриппом. Валентина Николаевна ужасно переживала за детей и то, что не сможет достойно встретить надвигающийся праздник — сил не было оторвать голову от подушки, а что уж говорить о недельном уборочном и двухдневном кулинарном марафонах. Обо всем позаботился Георгий Рудольфович: вызвал «уборщиков» из фирмы и заказал в ресторане праздничный ужин (даже салат «Оливье» не забыл — конечно, салат был не такой вкусный, как делала сама Валентина Николаевна: праздничные блюда Валентина Николаевна предпочитала готовить сама, чтобы не утратить навыки и почувствовать предпраздничную суету), но она была безмерно благодарна мужу за внимание и заботу. Вот тогда, в новогоднюю ночь она и подписывала какие-то бумаги: Борис Яковлевич — юрисконсульт фирмы забежал к ним на минутку поздравить с Новым Годом и подсунул Георгию Рудольфовичу какие-то важные бумаги. Ватутин отнекивался, просил отложить подписание на недельку, но Борис Яковлевич настаивал, и муж сдался. Валентина Николаевна точно помнила, что он их подписал. Сначала муж, а после него она...

Что это были за бумаги, Валентина Николаевна не знает!

Нет, конечно, Борис Яковлевич и Георгий говорили ей о покупке какой-то недвижимости, но слушала их Валентина Николаевна в пол-уха, и документы прочитать не удосужилась — праздник все-таки.

Теперь Валентина Николаевна с неожиданным страхом вспомнила свои опрометчивые подписи.

Сколько она их поставила? Одну? Две? Нет — много больше.

Так, стоп — что это она так разволновалась по этому поводу?! Все важные бумаги хранятся в сейфе мужа — надо просто подняться в кабинет, открыть сейф, найти нужные документы и посмотреть. Посмотреть и успокоиться!

С сильно бьющимся сердцем Валентина Николаевна поднялась на третий этаж в кабинет мужа, быстро прошла по огромному с длинным ворсом ковру к противоположной стене, отодвинула панель с книгами в сторону, набрала несколько цифр на кодовом замке и нажала ручку сейфа вниз. Тяжелая металлическая дверь привычно открылась, но...

Выпучив глаза, Валентина Николаевна Ватутина смотрела в абсолютно пустой сейф и лихорадочно пыталась вспомнить, куда в прошлый раз положила шкатулку со своими драгоценностями...

7

Отхлебнув из чашки изрядный глоток горячего кофе, Дорохов поморщился и отставил чашку в сторону — кофе он не любил — пил крепко заваренный чай и сахара побольше, но за неимением ничего белее существенного вынужден был довольствоваться этим. Похоже, найденная чужая барсетка так захватила строптивную «сторожиху», что она напрочь забыла о его давешней просьбе о выпивке.

Смирившись — он ни за что не попросит об алкоголе второй раз, Дорохов взял с

тарелки соленный огурец и зло откусил — огурец хрустнул, приятно холодя обожженное водкой небо. Доев огурец, Дорохов выпил из банки весь рассол и попытался настроиться на рабочий лад.

Встав коленями на сиденье стула и отодвинув тарелки на край стола, Инна, протягивая руку через весь стол, раскладывала на кружевной скатерти перед смурным хозяином дома содержимое барсетки, стараясь не замечать его отвратительного настроения. То, что настроение и состояние были отвратительными, Инна видела по его нахмуренным бровям и серому больному цвету лица, но «больного» не пожалела: «стопочку-опохмелочку» не предложила, а просто постаралась отвлечь его от мыслей об алкоголе.

— Визитница с визитками, фотографии семьи, паспорт, водительское удостоверение, какие-то счета, деньги — довольно крупная сумма, — комментировала она «свой расклад», с видимым сожалением выпуская из рук важные улики. — Все документы, с одной стороны, немного повреждены огнем, но текст на них прочитать можно.

Дорохов потянулся за паспортом — всегда надо начинать с самого главного.

— Ватугин Георгий Рудольфович, — прочитал он и перевернул страничку главного документа. — Место жительства: Москва, улица Большая Никольская... Семейное положение: женат, двое детей. Теперь расскажите мне, Инна Павловна, при каких обстоятельствах вы прихватили чужую барсетку с документами.

— Все-все? — Инна села на стул и, прижав к груди сцепленные руки, подробно рассказала о своей поездке в Сергеевку и об увиденном на месте аварии. — Может, на визитке написан домашний телефон этого Ватугина?

— Обычно на визитных карточках пишут рабочие телефоны, — хмуро заметил Дорохов.

— Да, конечно, — покладисто согласилась Инна и немного расстроилась, представив, что именно им придется сообщить родным погибшего человека о его гибели. — Как же мы узнаем домашний телефон? И сообщим родным о его гибели?

— Это совсем просто: в компьютере у меня есть один файл, содержащий сведения последней переписи населения — там указаны все данные на человека... — включился в работу Дорохов. — Если, конечно, новый муж моей бывшей жены не залез в мой компьютер и не удалил из него ненужную ему информацию.

— А вот это вряд ли, — заступилась Инна за отсутствующего родственника. — Станислав Михайлович Киселев известный в Москве пластический хирург, у него свой ноутбук и ему незачем лазить по чужим компьютерам, а тем более что-то из него удалять. Ему очень не повезло, что он женился на вашей бывшей жене, но от этого он не стал менее порядочным человеком.

— Хотите сказать, что моя бывшая жена не подарок? — сердито уточнил Дорохов.

— Это вам лучше знать! — с ноткой ехидства произнесла Инна.

Она никак не могла поверить, что этот большой, сердитый, серьезный мужчина (военный!) был женат на взбалмошной, капризной, влюбленной только в себя и интересующейся только собственной внешностью «красотке». Ну, где же были его глаза? Хотя у мужчин, наверно, надо спрашивать про мозги...

«— Язва! — подумал Дорохов о «сторожихе», встал из-за стола и, поднимаясь по ступеням в кабинет, вынужден был все же признать, что его бывшая жена действительно не «Подарок». — И как этот мужик с ней только уживается? Я вот не смог — развелся, хотя если бы я был пластическим хирургом и своими руками творил красоту Анны...»

От части Дорохов был прав: с завидной периодичностью Станислав Михайлович вносил

коррективы в лицо и фигуру жены, доводя и то и другое до совершенства, но помимо восхищения и преклонения перед талантом мужа, Анна испытывала к нему и другие чувства, делающие ее терпимее и благодарнее, чем в отношениях с прежним мужем. Со Станиславом она, наконец-то, почувствовала себя любимой и желанной: муж был внимателен, нежен и задаривал ее подарками. Дорохов же на первое место всегда ставил работу, о своих чувствах к жене не распространялся и на нежности и комплименты не разменивался, что делало их совместную жизнь скучной и бесперспективной — от этого и ссоры, и упреки, и обиды, и отчуждение. Но об этом Дорохов не задумывался, считая себя абсолютно правым, и никогда не разбирался в причинах своего развода — не сошлись характерами и точка. Так ему было удобнее и спокойнее: ничего в себе не надо было менять и можно было продолжать жить привычной размеренной жизнью.

Пока хозяин половины дома копался в своем компьютере, Инна убрала со стола, перемыла посуду и предусмотрительно переоделась в джинсы и теплый свитер — вдруг этому любителю выпить захочется самому посмотреть на место аварии (ведь они же ведут настоящее детективное расследование) — он предложит поехать посмотреть место аварии, а она уже готова к поездке.

— Ну что? — заинтересованно спросила она, как только Дорохов спустился со второго этажа. — Нашли телефон?

— Нашел, только не домашний, а жены погибшего, — безрадостно сообщил Дорохов и протянул листок с номером мобильного телефона жены погибшего Ватутина. — Будете звонить?

— Я? — ужаснулась Инна и спрятала руки за спину — листок с телефоном она не взяла. — Может, лучше вы? Звонок мужчины вызовет у жены этого Ватутина меньше подозрений.

— Ну, не знаю...

Дорохов еще немного поломался для порядка, Инна поугovarивала и поубеждала (что-то, а уговаривать и убеждать она умела), и позвонил.

Жена Ватутина, ответившая на звонок после долгого ожидания, была явно не в себе: на вопросы отвечала невпопад, все время отвлекалась от разговора и даже не старалась прикрыть телефон от заполошных криков старшей дочери, обвиняющей мать во всех смертных грехах.

— Что-то там не то... — покачав головой, задумчиво произнес Дорохов.

— Им уже сообщили о смерти мужа? — удивилась и утешилась Инна, что не им пришлось сообщать о смерти родного человека.

— Нет. Жена сказала, что он в отъезде и вернется только после Рождества.

— После седьмого?.. Как такое возможно? Неужели сгоревшую машину до сих пор не обнаружили? Не могу поверить, что никто не сообщил в полицию об аварии...

Инна вспомнила карту Подмосковья в Атласе дорог, по которой она для поездки в Сергеевку выбирала Пятницкое шоссе — дорога, где произошла трагедия, была тонюсеньким ответвлением (одним из нескольких), соединяющим два широкополосных шоссе и, возможно, этой незначительной дорогой мало кто пользовался, к тому же новогодние праздники и два дня не переставая шел снег...

Отвечать на ее нескончаемые вопросы Дорохову не хотелось — он не знал, что из всего этого их «расследования» выйдет, но ничего хорошего уж точно не ждал.

— Да-а... Влипли вы в нехорошую историю, да еще и меня втравили во все это

разбирательство, — неодобрительно покачал он головой. — В Новый Год людям отдыхать надо, а вы...

— Знаю я ваш отдых, — довольно невежливо отмахнулась Инна от «родительского выговора», — три дня его наблюдала. А насчет «вотравила» — то можете мне не помогать. Сама справлюсь! Без вас! Вот прямо сейчас поеду на место аварии и, если сгоревшую машину еще не обнаружили, положу барсетку около машины и вызову полицию. Тем самым исполню свой гражданский долг!

— И будете очень долго разбираться с полицией, — усмехнулся Дорохов.

Усмехнулся и неожиданно понял, что совсем не хочет оставаться один в этом большом загородном доме — конечно, эта строптивая «сторожиха» создавала ему массу неудобств и отвлекала его внимание на себя, доставала его своими язвительными замечаниями и комментариями его поведения, во все совала свой нос, но... Но в ее присутствии его неразрешимые рабочие проблемы почему-то незаметно отступали на второй план и уже не казались ему такими глобальными и катастрофическими.

— Полиции я не боюсь! — храбро парировала Инна и, гордо вскинув подбородок, направилась в прихожую.

Вздыхая, Дорохов потащился следом.

— А если машину уже нашли, и вдове сообщили о смерти мужа... Может, она была не в себе от горя и не понимала, что происходит вокруг, считая своего мужа все еще живым, — высказал Дорохов свою версию случившегося в семье Ватутина и исподлобья взглянул на Инну.

— Нашли и уже сообщили?.. — переспросила Инна, такой поворот событий делал ее решение «выполнить свой гражданский долг» бесполезным.

Стоя в прихожей и прижимая к груди шубейку, Инна растерянно хлопала ресницами — такая детская наивная растерянность плескалась в широко раскрытых карих глазах «сторожихи», что, встретившись с ней взглядом, Дорохов неожиданно смутился, словно подсмотрел в замочную скважину, как взрослая, серьезная женщина, закрывшись в своей спальне, увлеченно играет в куклы, и первым отвел глаза. Однако, другая его половина возрадовалась — наконец-то, эта неугомонная «сторожиха» поумерит свой пионерский энтузиазм и, наконец-то, оставит его в покое.

Но не тут-то было!

«Неугомонная сторожиха» быстро справилась со своей растерянностью и тут же загорелась новой идеей.

— Это можно выяснить только одним способом: поехать и посмотреть! — Инна решительно надела шубку и в упор посмотрела на Дорохова. — Вы со мной? Или где?

Ехать одной в неизвестность и искать место аварии ей ужасно не хотелось, но она старалась не подать виду и хорохорилась. Ехать вдвоем было куда спокойнее, да и сама внешность «напарника по расследованию» внушала уверенность и гарантировала какую-никакую защиту (Инна не вполне была уверена в «гарантированной защите» — вдруг он на нее смертельно обиделся за отобранный алкоголь и не захочет ее защищать, ну тогда она соберет все свои силы «в кулак» и будет защищать их обоих).

— Или что, — автоматически поправил Дорохов и обреченно сопнул — нет, эта так просто не успокоится — «покой нам только снится».

Конечно, он мог отказаться, не поехать с этой неугомонной женщиной и остаться дома... Но что его здесь ждет? — невеселые думы о позорном увольнении с работы,

безрадостная констатация фактов, воспоминания, терзания, сознание своей ненужности и никчемности и непреодолимое желание забыться, окунуться с головой все равно во что (алкоголь самое безопасное из приходивших ему на ум занятий). Так почему бы не «окунуться» в это дурацкое «расследование» и «выполнение своего гражданского долга»?! Чем оно, это дурацкое расследование, хуже беспробудного пьянства? Если смотреть шире, на трезвую голову, то, возможно, даже лучше беспробудного пьянства — голова не так болит...

— Так вы едете? Или где? — переспросила Инна, насмешливо глядя в серые больные глаза Дорохова.

— Вы же одна не справитесь, — скривился Дорохов, отводя взгляд — зачем ей знать, что в жизни у него все хреново, пусть думает, что он беззаботный джентльмен, помогающий сирым и убогим.

— Почему это не справлюсь? — возмутилась Инна — она была уверена в своих силах, но не хотела признаваться самой себе, что ехать на место аварии на ночь глядя, ей было немного страшновато (ну, самую малость).

— Справитесь, как же! А про отпечатки своих пальцев, оставленные на документах из барсетки, вы забыли?! — Дорохов возрадовался: утер нос этой гордячке — и сам себя похвалил: как это он сам вовремя вспомнил про эти отпечатки пальцев. — Вот бы полиция обрадовалась поимке злоумышленников, найдя на документах наши с вами отпечатки пальцев.

— Вы гений, Сергей Александрович! Про отпечатки пальцев я никогда бы не догадалась, — искренне восхитилась Инна умственными способностями сердитого на вид мужчины, одновременно уверовав, что в этом их «расследовании» Фортуна на их стороне, и, надев кожаные перчатки, стала носовым платком тщательно протирать вещи, документы и разные бумажки из барсетки Вагутина. — Хотя, если подумать, свои отпечатки пальцев я вполне могла бы объяснить полиции: сказала бы, что нашла барсетку около машины и не удержалась — заглянула внутрь, а вот ваши отпечатки...

— Нет, вы никогда не замолчите!

Дорохов схватил свою дубленку и шапку из раскрытого шкафа и вышел из дома, сильно хлопнув напоследок входной дверью.

Инна сжалась от столь понятного выражения отрицательных эмоций.

— Ну, и хозяин у тебя, — пожаловалась она подбежавшему к ней доберману, и погладила собаку по голове. — Как ты с ним уживаешься, дружище?

«— А я и не уживаюсь, — огорченно подумал Рой, вспомнив золотые денечки своего щенячьего детства — тогда хозяин и хозяйка его любили, играли с ним, возились на ковре, а потом...»

8

Черный шестисотый «Мерседес» медленно двигался в нескончаемой веренице машин.

Не смотря на новогодние праздники машин в городе было много — после нескольких дней «отдыха» люди повыползали из квартир и рванули по магазинам пополнить запасы выпитого и съеденного, а заодно прикупить кое-чего к замаячившему на горизонте Рождеству — праздники (особенно такие длинные) отмечались в соответствии с русской душой: широко и хлебосольно. В этом вопросе (с новогодними каникулами) правительство явно перестаралось, подчинившись западным традициям: народ воспринял новогодние каникулы, как «небольшой расслабончик» и начал отмечать каникулы аж с самого

католического Рождества — какая разница для русского человека, что отмечать: было бы желание, а повод всегда найдется. Католическое Рождество с его магазинной суетой и безумными тратами семимильными шагами стремительно добежало до Нового Года. Измученный бегом по магазинам народ с восторгом выслушал речь президента и, чокнувшись бокалами с шампанским, наевшись и напившись, отвалился на диваны — с этой долгожданной минуты время словно остановилось и потекло медленно с частыми перерывами на перекусы и выпивоны. Текло, текло и дотекло до православного Рождества. А уж на Рождество!.. Седьмое января незаметно перетекло в тринадцатое, а уж тут сам Бог велел оторваться по полной — Старый Новый Год, да к тому же завтра на работу! Вот если бы «новогодние каникулы» перенесли на май, то народ бы в поте лица сажал на огороде картошку-моркошку и о выпивке не помышлял бы — ну, разве что первого и девятого мая!

Именно об этом — что правительство лоханулось с новогодними каникулами — думал мужчина за рулем шестисотого «Мерседеса», стоя в пробке на Садовом кольце.

Будь его воля, он сделал бы все по-другому!

Но, как говорится, «бодливой корове Бог рога не дал»!

Мужчина скосил глаза на рядом сидящую привлекательную женщину, потер пробивающуюся щетину на подбородке (по настоянию жены он решил отпустить бороду и усы) и мысленно выругался.

«— Чего ее понесло со мной? В ее то положении... — с тоской подумал он и нервно дернул щекой: последнее время он что-то стал сдавать, нервы ни к черту — скорее бы улететь из этой промозглой холодной страны на южные берега к теплему морю. — И чего она потащилась со мной? Мне будут делать пересадку волос, а что она будет делать одна в номере гостиницы? Гулять по пляжу или таскаться по магазинам? Это вряд ли! Сидела бы дома, рисовала бы себе цветочки-колосочки и ждала бы мужа из заграничной поездки. Через две-три недели я бы вернулся домой и решил бы все наши проблемы! Встретила бы она меня дома с улыбкой на лице и вкусном обедом на столе. Да-а, насчет вкусного обеда это я что-то погорячился — жена не любит готовить. Жена! Женой она стала совсем недавно — всего три дня назад и сразу же подавай ей банальное свадебное путешествие! Ну, какое свадебное путешествие, когда я буду по врачам таскаться, а она целый день валяться на кровати в гостиничном номере...»

Но по своему опыту мужчина знал, что спорить с женой бесполезно — себе дороже: в лучшем случае она сделает все по-своему, в худшем смертельно обидится на «тирана и деспота» и, выстроив баррикаду из подручного квартирного материала, взгромоздится на нее, возьмет в руки свой забытый на время феминистский флаг и будет размахивать им у него перед носом, выкрикивая феминистские лозунги типа «все мужики бездушные скоты и слюнявые кобели» — тогда держись! — новой норковой шубкой или колечком с бриллиантом уже не отделаешься, и придется покупать новую машину, а новая машина в его планы как-то не вписывалась.

Поэтому его мысли о семейном очаге и вкусном обеде так и остались мыслями, не были высказаны в слух и не обрели материальную форму, а рыжеволосая женщина, услышав вздох мужа, повернула к нему светящееся ожиданием «чуда» и одухотворенное искусством лицо, положила свою тонкую руку с длинными пальцами на его руку и нежно погладила его короткие узловатые пальцы.

— Не волнуйся, милый, — успокаивающе-ласковым голосом проворковала она, глядя на своего избранника яркими изумрудными глазами, — на самолет мы не опоздаем.

— Конечно, дорогая, — согласился мужчина, как воск, тая от женской ласки — сейчас он готов был бесконечно угождать всем ее желаниям. — С твоей то предусмотрительностью на самолет мы, конечно, не опоздаем.

«Мерседес» мигнул поворотником, нахально влез в левый ряд перед зазевавшимся «Фольксвагеном» и опять заскучал в еле двигающейся пробке.

До Шереметьево было еще ползти и ползти...

9

На улице было морозно и снежно. Природа словно уснула под белым пушистым одеялом, окутавшем всю землю. Деревья, набросив на плечи снежные перелины, спрятались от взглядов людей и уже нельзя было отличить их друг от друга. Снег лежал на земле, на дороге, на деревьях, на проводах, на крышах домов, приглушая и скрывая все цвета. Всюду было белым-бело, как в царстве волшебника Мороза Ивановича...

Место аварии Инна нашла с трудом — снег засыпал все следы пожара, припорошил сгоревшую машину, и она стала не заметной на фоне белого снежного раздолья.

— По-моему здесь, — который уже раз неуверенно говорила она, вглядываясь в заснеженную темноту за стеклом.

Дорохов послушно останавливал «Пежо», выходил из машины и, не подходя к обочине (чтобы не оставлять следы — Джеймс Бонд, мать твою!), пристально вглядывался в очертания наметенных за три дня сугробов, пытаясь угадать в одном из них некое подобие очертания сгоревшей машины.

Нет, опять не то!

Во всей этой чехарде с остановками и гаданьями Дорохова радовало только одно — он буквально заставил «сторожиху» «доверить» ему вождение ее драгоценной машинки, а то с ее черепашьей ездой они бы до сих пор выползали бы из поселка или оказались бы в первом же придорожном кювете.

После еще нескольких неудачных остановок они, наконец, отыскали сгоревшую машину.

Лезть в кювет Инне Дорохов категорически запретил.

— Я сам с полицией разберусь, — заявил он, мужественно беря на себя самое трудное. — А то ненароком ляпнете ментам про инопланетян — вытаскивай вас потом из психушки.

Инна хотела возразить, но вопреки ожиданиям Дорохова, промолчала и задумалась — он хотел «вытаскивать ее из психушки», а значит, он не бросит ее в беде и попытается спасти... Это ее порадовало и, впервые за много лет, она почувствовала себя под защитой мужчины. К тому же, Инна была человеком справедливым и сразу же признала, что в этой ситуации «настоящий полковник», то есть, военный, действует намного профессиональней и безопаснее, чем она — про отпечатки пальцев ей никогда бы не сообразить. Она так же признавала, что попала в довольно скверную историю, и, что совершенно посторонний человек помогает ей разобраться с неприятностями — за это она была благодарна «настоящему полковнику» вдвойне, тем более что он уже не казался ей таким нескладным, помятым и агрессивным.

Выйдя из машины, Инна набросила капюшон норковой шубейки на голову и с интересом с дороги наблюдала за всеми действиями Дорохова. Наблюдала, оценивала и даже полюбовалась его широкими плечами, военной выправкой и умением брать на себя ответственность при решении «проблемы». Не возразила она, когда он взял на себя

руководство «операцией» и вызывал полицию; молчала, когда он давал показания и не взорвалась, когда он довольно пренебрежительно махнул рукой в ее сторону, объясняя ментам, что спрашивать ее о чем-то себе дороже: наговорит с три короба, а сама ничего не видела — сейчас она на сто процентов признавала его лидерство, не злилась, не возмущалась и безропотно подчинялась.

Всю обратную дорогу Инна была тиха и задумчива и не проронила ни слова.

Дорохов радовался этой внезапной перемене, рассчитывая дома, наконец-то, обрести хоть какой-то покой и повести вечер согласно намеченной программе. Программа же его поражала своей простотой: наесться «от пуза», закрыться в своей спальне и таки «раздавить пузырь»!

На обратной дороге под предлогом «сигареты закончились» он заскочил в первый же магазин и замер у прилавка, выбирая какую водку купить: портфеля у него с собой не было и пришлось бы нести бутылку в кармане дубленки, карман бы оттопыривался, и «сторожиха» обязательно заметила бы бутылку водки и уж, конечно же, не удержалась бы от своих нелестных комментариев — слушать комментарии Дорохову не хотелось (вернее, ему не хотелось, чтобы вместо восхищения его умом и благородством в карих глазах «сторожихи» появились бы разочарование и осуждение). Но выпить хотелось — организм требовал привычную дозу алкоголя, и Дорохов схитрил, купив две маленькие плоские бутылочки коньяка, рассовал их по карманам дубленки и остался доволен своей смекалкой — поди догадайся, что у него во внутренних карманах! — таким образом «и волки будут сыты, и овцы целы»: программа его будет выполнена, и он не потеряет своего приобретенного авторитета!

— Ну, вот и все! — по возвращении домой облегченно вздохнул Дорохов, осторожно стаскивая дубленку в прихожей и так же осторожно вешая ее в шкаф. — Гражданский долг мы с вами выполнили — можно и отдохнуть!

— Щас! — разлепила Инна скованные молчанием губы. — Все только начинается!

— Как «только начинается»? — опешил Дорохов и выронил из рук норковую шапку.

Шапка упала на пол, Дорохов посмотрел на нее и порадовался, что сначала повесил в шкаф дубленку с бутылками коньяка в карманах, а уж потом занялся шапкой — что было бы с ним, если бы он выронил из рук не шапку, а дубленку?! Маленькие плоские бутылочки обязательно бы разбились (по закону подлости) и тогда двойной проигрыш: не выпил бы и опозорился бы перед «сторожихой». К тому же он почему-то так уверовал в свой непререкаемый авторитет, что считал свое слово законом для «сторожихи», а оказалось... Оказалось, что весь ее гонор и вредность вовсе не исчезли после их встречи с полицией и его рыцарского поведения, а просто временно отдыхали!

Нагнувшись, Инна подняла шапку, отряхнула, повертела ее в руках и аккуратно пристроила на полку среди других шапок.

— Вы забыли о поджигателях, Сергей Александрович. Неужели вам ни сколечко не интересно, что же на самом деле произошло в новогоднюю ночь и кто виноват в смерти этого несчастного Ватутина?

— Тебе что, больше всех надо? — набычился Дорохов, неожиданно для себя перейдя с ней на «ты». — Решила поиграть со смертью? Мать твою туды-растуды!

— Это твою мать туды-растуды! — огрызнулась Инна и сжала кулачки.

Ноздри обоих трепетали от злости — достаточно было одной крошечной искры, чтобы произошел взрыв.

Инна первая отвела глаза.

Где ему понять — этому дремучему медведю, что она должна выяснить все об этом деле! Она была уверена, что совсем не случайно, а по чьей-то высшей воле оказалась на месте аварии и стала незримым свидетелем преступления, но испугалась, струсилась, смалодушничала: не вызвала пожарных и полицию и никому (кроме, этого дремучего медведя) не рассказала о поджигателях, но родственникам Ватутина она обязана рассказать об увиденном! Это ее долг! Что они предпримут дальше, получив от нее эту информацию, это уже их дело.

Или она ошибается?

Возможно, «дремучий медведь» прав: Тот наверху ничего такого не имел ввиду, а просто решил показать ей, что человеческая жизнь так хрупка и кратковременна, так непредсказуема и обманчива, что надо ценить каждое мгновение своей жизни, проживать его, как последний миг, и ничего не откладывать на потом...

А как бы она хотела провести последнее мгновение своей жизни???

Нахмутив брови, Инна задумалась.

Конечно, она хотела бы провести его в кругу родных и близких людей, чтобы было кому пожаловаться и чтобы ей искренне посочувствовали в этот ответственный момент, но больше всего на свете, вот именно сейчас, в это самое мгновение Инне хотелось знать чем же так неуловимо и притягательно пахнет от «этого дремучего медведя» и, если она сейчас же не узнает этого, то непременно умрет...

10

Шагнув к Дорохову, Инна встала на носочки, обняла его за шею, прижалась к нему всем телом, впила губами в его губы, и даже язык протиснула сквозь его расслабленные от удивления зубы. Осторожно провела языком по его языку, чувствуя сладкий вкус чего-то очень знакомого.

Не зная, как реагировать на происходящее, Дорохов замер. Но по мере того, как поцелуй становился все продолжительнее и требовательнее, он позволил себе расслабиться и ответить на поцелуй — никаких обязательств относительно других женщин в данную минуту у него не было (узнав о его увольнении, его нынешняя пассия Люська, воспользовавшись его удрученным состоянием и количеством выпитого алкоголя, выставила за порог его вещи, хотя квартира принадлежала ему и была куплена исключительно на его деньги), а раз нет никаких обязательств...

Дорохов увереннее обнял «сторожиху», крепче прижимая к своей широкой груди. Осмелев, опустил руки пониже, обхватил лапищами ее попку, прижал к себе и даже потерся о ее тело своим маленьким, возбуждающимся хозяйством. Хозяйство тут же возбудилось и в брюках сразу стало тесно.

«— Ну, ничего себе, как встал, — усмехнулся Дорохов и сильнее вжал в себя женское, соблазнительное тело, — как будто у меня бабы три месяца не было! Не было то всего три дня... или больше...»

Почувствовав, что сильные мужские руки заскользили вниз по спине к ее попке, и даже уже «пожамкали» ее, и даже потерлись вздыбленным хозяйством, Инна неожиданно отстранилась, высвободилась из объятий опешившего Дорохова и довольно улыбнулась — все, что ей так хотелось знать в тот прошедший миг, она узнала: на твердых губах «настоящего полковника» был привкус сигарет и давно забытой детской конфетки-барбариски...

Дорохов плохо понимал, почему такой сладостный волнующий поцелуй и еще более сладостное и результативное обжимание ее тела прервались на самом интересном месте — он еще жил в том мгновенье, когда эта язвительная, неугомонная женщина шагнула к нему, прижалась всем телом и коснулась губами его губ, а он не растерялся, ответил, добрался до такой твердой, соблазнительной попки, сжал ее и... и все?

Она поцеловала его, пообжималась с ним и оказалось, что после всех случившихся с ним передраг и унижений, он еще жив и может чувствовать, и загораться от одного прикосновения женской руки к его коже, может желать еще что-то кроме генеральского звания, и переживать из-за того, что эти трепетные губы и такое соблазнительное тело оторвались от него и стали жить отдельно от его губ и от его тела, что она двигается, улыбается и не умирает, как умирает без нее он...

— Спасибо вам за помощь, Сергей Александрович, — дружелюбно поблагодарила Инна, признавая, что без его помощи ей пришлось бы трудно, — дальше уж я сама как-нибудь разберусь со своими проблемами.

Она повернулась и шагнула в гостиную.

Дорохов очнулся — вот сейчас она выйдет из прихожей и в его жизни уже не будет этих карих насмешливых глаз, не будет заправленных за ухо каштановых с рыжим отливом волос, не будет ее надуманных проблем и обаятельной улыбки, не будет страстных требовательных поцелуев и нежных рук на его шее, не будет попки под его руками и непреодолимого желания... трахаться с ней без остановки всю ночь. Все его неприятности, связанные с работой, разом отступили, стали не главными, мелкими, не страшными — главным для него вдруг стала эта женщина, освободившая его сердце от ледяного панциря одиночества, вселенского позора, и поставившая во главу угла его простое, мужское желание «потрахать с бабой»...

«— Если я сейчас ее не пойму — то непременно содохну...»

Дорохов рванулся, схватил Инну за плечи, повернул к себе, окунулся в ее смеющиеся глаза, подхватил на руки и понес в спальню...

Положил на кровать, навалился, стал мять грудь, сдирать джинсы, не слушая ее возражений и мечтая только о том, чтобы «поймать ее» сею же секунду...

Она наотмашь рукой хлестнула его по плечу и заорала:

— Прекрати! Я не кусок мяса, чтобы на меня так набрасываться!

Он тут же отрезвел, слез с нее, сел на угол кровати, опустив голову — до чего дошел... на баб стал бросаться, как голодный зверь...

Нахмурившись, Инна несколько секунд смотрела на поникшего мужчину, потом встала на колени за его спиной на кровати, прижалась, обняла и стала гладить его грудь.

Дорохов замер — это что? Прощение?.. но не повернулся и не отреагировал — обиделся, и тогда Инна слезла с кровати и встала перед ним.

— Что, прямо так приспичило? — улыбаясь, спросила она.

Дорохов кивнул.

— Просто у меня джинсы одни... обязательно молнию сломал бы.

Осторожно расстегнув пуговицу, Инна за подбородок подняла его голову. Взгляд Дорохова уперся в злополучную молнию, молния поехала вниз, открывая его взору ее голый живот и полоску черных, кружевных трусиков... Его словно кипятком обдало — кровь снова закипела. Он облапил ее за попку притянул к себе и уткнулся лицом в эти кружевные трусики — пи*дец, как пахнет! обрадованно понимая, что ему дали зеленый свет. И уже не

сдерживаясь, подхватил ее, уложил на кровать, стянул джинсы и сбросил свою одежду. Трусики он снимать не стал, от одного взгляда на них член каменел, как у юнца по утрам, и, сдвинув трусики в сторону, мощно и резко взял ее и начал «иметь ее, чтоб не сдохнуть», замирая от ощущений, постепенно убыстряя темп... От его мощного входа Инна восторженно ахнула и успела подумать, что его бывшая — дура, и не просто дура, а «Дура» с большой буквы — такого «мощно-ощутимого» секса у нее никогда не было, прежде чем голова у нее закружилась от взорвавшихся внутри чувственных ощущений. Дремавшая в ней страсть и тоска по мужскому телу тут же проснулись и обрушились на мужчину бурным водопадом чувственных стонов, жарких ласк и ненасытных желаний. Она схватилась за его плечи, выгнулась, сжалась от приближения оргазма и задвигалась ему навстречу, принимая его глубоко, как только могла... И Дорохов, откликаясь на ее «тесное сопротивление», застонал от сладкой муки — его мужское естество словно «тисками зажало» по всей длине, быстрее заработал бедрами, убыстряя и без того жаркий ритм соития, и через считанный секунды, напрягаясь всем телом, подошел к финалу, обильно («до пустых яиц») извергаясь в нее и сотрясаясь волнами наслаждения. Такого бурного, чувственного секса у него сто лет не было... ну, может первые разы, о которых он уже и забыл. «Отстрелялся» и без сил повалился на спину...

— Да-а-а... — улыбаясь, расслабленно-удовлетворенно произнесла Инна, без сил лежа на кровати и с трудом подыскивая слова для его похвалы и выражения своих чувств. — Да-а-а...

— И не говори-и... — довольно улыбаясь, согласился Дорохов, чувствуя полнейший кайф — разрядился и «опустошился» на двести процентов! — Мне тоже понравилось...

— Понравилось? — подскочила Инна и замахнулась.

Руку ее Дорохов поймал, поцеловал и потянул Инну на себя.

Она расслабленно повалилась на его грудь и замерла. Большая мозолистая рука стала гладить ее по спине, по попке, замерла на внутренней стороне бедра...

— Я тебя хочу... — произнесла Инна и потерлась затвердевшими сосками о его грудь.

Дорохов задохнулся от ее признания... давно его никто не хотел!

Он просто приходил с работы, заваливал Люську на кровать или так, наклонял и трахал, шел в душ и заваливался спать, утром шел на работу, приходил с работы, заваливал Люську на кровать, или так, наклонял и трахал...

— А я, то, как хочу...

Он взял ее руку и положил на свое вздыбленное «хозяйство» — на нее оно вставало, как солдатик, да еще и лихо козырял — «всегда готов!».

— Вот это да-а-а... — вновь восхитилась Инна.

— И не говори-и, — согласился Дорохов. — Продолжим?

— Ну-у-у... — тянула она интригу.

Он неожиданно испугался, что она снова передумает и отстраниться от него и зашептал, полез на нее, подмял — таким ненасытным было его желание завладеть ее телом. Инна обняла его и жарко зашептала, чтобы он не спешил, что у них вся ночь впереди, и что она от него никуда-никуда не убежит...

Дорохов ей сразу поверил, и успокоился, и поумерил свой пыл...

— Поласкай меня... — попросила она, вытягиваясь на кровати и закрывая глаза, — а то такими темпами ты своим «орудием» меня до крови сотрешь...

— Что, было больно? — почему-то заволновался Дорохов, хотя раньше никогда не

интересовался последствиями своего интенсивного траха — хозяйство у него было немаленькое, а тут почему-то занервничал. — Прости, я не хотел...

— Хотел, хотел! — засмеялась Инна. — Еще как хотел...

— Хотел, но не хотел... — запутался Дорохов и по-военному внес ясность: — Трахнуть хотел, а больно сделать — нет!

— Я поняла, поняла, — подставляя ему губы, проворковала она. — Поласкай... только понежнее...

И он, чувствуя себя виноватым, стал нежно ее целовать (с его то солдатской грубостью и невосприимчивостью к женским желаниям), осторожно гладить ее тело (с его то жесткими ручищами и габаритами), она стонала, изгибалась от удовольствия, брала его руки и водила ими по своему телу, подсказывая, как ей нравится, что его немного шокировало (ничего то ты не умеешь) и рассердило (учить его вздумала!), а потом начало заводить... Чувствуя его поднимающееся желание, она взяла его руку и с нажимом провела у себя между ног...

— Мокро... — констатировал он.

— Ты прямолинеен, как шкаф! — засмеялась Инна и, засовывая его пальцы в «мокрую» себя, жарко зашептала: — Вот теперь можно... В атаку, мой генерал...

И «генерал» ринулся в атаку, и взял «крепость» штурмом, и покорил, заставил кричать от удовольствия и просить пощады побежденную, наполняя ее теплым, вязким «доказательством» своей победы.

Первый раз Дорохову понравился больше — привычнее, жестче, быстрее, хотя... второй раз был необычнее, волнительнее уж точно... с жарким шепотом, томными стонами, со сменой поз, с пальцами внутри нее... мокрой, его аж трясло, хотя он и не кончал... а он и забыл, что так бывает: трясет от запаха женщины, от нежных прикосновений ее губ к шее, от страстных ласк ее тела. Ему понравилось «подчиняться» ей (хотя он никому не подчинился — даже с начальством ругался матом и мог не подчиниться), исполнять ее желания, начиная понимать, что подчиняться и угождать женщине даже приятно.

11

— Что все это значит? — спросила Властелина, прибежав в кабинет на заполошный крик матери.

Девушка стояла перед открытым сейфом и не могла поверить своим собственным глазам — сейф всегда был полон документов и денег, в нем хранились и оружие отца, и шкатулка с драгоценностями матери. Теперь же сейф пугал своей пустотой.

— Что все это значит? — повторила Властелина, всем корпусом поворачиваясь к побледневшей, как смерть, матери. — Нас что, ограбили?

В дверях появилась одетая в темное платье домработница и остановилась на пороге, чтобы немного отдышаться. Пожилая женщина поправила волосы, растрепавшиеся от быстрого подъема на третий этаж, и удивленно возрилась на хозяйскую дочь.

— Что ты такое говоришь, Власа?

— Вот! — Властелина ткнула пальцем в распахнутый сейф и заорала на мать: — Ты куда смотрела, курица мокрая?!

— Как ты разговариваешь с матерью... — вдвинувшись в кабинет, возмутилась было домработница, но вид пустого сейфового нутра заставил ее забыть о поучениях и правилах хорошего тона. — А где же все содержимое? — удивилась она, еще не сообразив, что пропажа «содержимого» сейфа — «пришла беда — открывай ворота» — грозит крупными

неприятностями всем, без исключения, обитателям загородного дома.

— Мне бы тоже хотелось это узнать! — язвительно заметила Властелина, шагнула к матери и, вырвав у нее из руки телефон, позвонила в полицию. — Нас ограбили! — довольно хладнокровно сообщила она оператору о произошедшем и назвала свой адрес.

— Ой, Боже ж, мий! — хватаясь за голову, запричитала домработница, всегда так яростно отрецивавшаяся от украинских корней. — Матирь мия, родныя!

Не в силах больше выносить навалившееся на нее непонимание, Валентина Николаевна закатила глаза и, хватаясь за мебель руками, стала медленно оседать на ковер.

Шустро подхватив хозяйку, домработница вопросительно посмотрела на Властелину, ожидая от нее интенсивной помощи матери, но, не дождавшись, просто опустила Валентину Николаевну на ковер — до кресла надо было несколько метров тащить хозяйку, а в обязанности домработницы не входили заботы о здоровье хозяев.

— Я же говорила — мокрая курица! — глядя на мать, презрительно бросила Властелина и, обойдя лежащую на ковре Валентину Николаевну, вышла из кабинета.

Полиция приехала в загородный дом Ватутиных ровно через час.

Следственная бригада долго крутилась на третьем этаже в кабинете хозяина: фотографировали, измеряли, описывали, снимали отпечатки пальцев с сейфа и мебели, с хозяев и иных домочадцев, а потом «менты» по одному расползлись по всему дому: допрашивали, опрашивали, вынюхивали и выпытывали, но положительного результата так и не добились — все находившиеся в доме люди разом замкнулись, боясь навлечь на себя подозрения в краже.

Следователю удалось только выяснить, что о сейфе, спрятанном в кабинете хозяина за панелью с книгами, знали не только прислуга: домработница, кухарка, гувернантка и водитель, но и сотрудники фирмы — секретарша, охранник, водитель и прочие.

Все полезные сведения для расследования совершенной кражи начинающий следователь Антон Сvirкин почерпнул в основном из показаний дочери хозяина загородного особняка. Валентина Николаевна Ватутина ни одного вразумительного ответа на задаваемые следователем вопросы дать не смогла — ни когда последний раз видела шкатулку со своими драгоценностями, ни сколько денег и какие документы хранилось в сейфе на данный момент, а, главное, куда и на сколько дней уехал ее муж — Георгий Рудольфович Ватутин.

В доме царила скрытая паника: домработница рыдала в уголке, вытирая глаза клетчатым носовым платком; кухарка ожесточенно резала лук и также ожесточенно вытирала катившиеся из глаз слезы тыльной стороной ладони; гувернантка пряталась сама и прятала маленького Витюшу в детской, объясняя полицейским о нестабильности детской психики и последствий стресса на неокрепший организм ребенка.

Одна шестнадцатилетняя Властелина была достойна своего имени: в панику не впадала, подробно отвечала на вопросы следователя и постоянно названивала по телефону, разыскивая отца. Это именно она подсказала неопытному следователю (это было только второе самостоятельное дело Антона Сvirкина) вызвать сюда начальника охраны отцовской фирмы и выяснить у него все о новогодней «рабочей» поездке избранных сотрудников.

Начальник службы охраны транспортной фирмы тут же приехал, но ни о какой поездке он «слухом не слыхивал». Ни секретарше, ни личному телохранителю Ватутина они с Властелиной так и не дозвонились — телефоны обоих были не доступны.

Однако, через других сотрудников фирмы им все же удалось разыскать домашний

телефон личной секретарши Ватутина. Мать девушки, перепугалась, услышав слово «следователь», и, заикаясь на каждом слове, сообщила, что ее дочь еще перед Новым Годом улетела в Таиланд — с кем и на сколько дней улетела Настасья женщина не знала.

— А что случилось? — спрашивала она после каждого вопроса следователя, с тревогой ожидая неприятного сообщения, касающегося ее дочери.

— Ничего не случилось, — успокаивал Свиркин взволнованную мать секретарши и задавал новый вопрос, пытаясь выудить у родственницы хоть какую-то полезную информацию о девушке. — Дочка при вас уезжала?

— При мне. А что?

— Ничего. А кто за ней заезжал?

— Она одна в аэропорт поехала: такси вызывала по телефону и поехала. А что?

— Ничего. От вас она сразу в аэропорт ехала?

— Нет, Настенька должна была за кем-то из сотрудников по дороге заехать. А что?

— Ничего. А за кем она заезжала, не знаете?

— За кем заезжала не знаю, но адрес этого сотрудника помню — улица Бутлерова, в Беляево — мы там раньше жили, вот я и запомнила. А что?

— Ничего. Минуточку... — следователь опустил вниз руку с телефоном и повернулся к Властелине и начальнику охраны. — Улица Бутлерова вам что-нибудь говорит? — спросил он у них и добавил: — Это в Беляево.

— Там наша квартира находится, — тут же пояснила девушка, — бабушкина квартира. Только мы там больше не живем, уже давно — отец ее сдает кому-то.

— Кому? — молодого следователя Свиркина очень заинтересовала эта ситуация (квартирный вопрос в семье Антона стоял очень остро): состоятельный бизнесмен сдает кому-то дешевую квартирку в Беляево — смешно! — ему этих денег не хватит один раз в ресторан сходить! Так зачем он ее сдает? Столько хлопот с этими нанимателями: то заливают соседей снизу, то музыку громко включают, то за квартиру вовремя не заплатят!.. со всеми этими проблемами должен разбираться хозяин — вряд ли у бизнесмена есть на это время! — Назовите имя и фамилию нанимателя.

— Я не знаю! Мне это без надобности, — презрительно фыркнула Властелина.

— Может, мать знает? — предположил расспрашивать о квартире в Беляево молодой следователь, в тайне завидуя богатству Ватутиных — вот если бы у него была лишняя квартира, то уж он бы точно знал, кому и на сколько лет ее сдал.

— Может быть, мать и знает, только сейчас вряд ли что вспомнит, — беспечно отмахнулась девушка от такого незначительного, по ее мнению, вопроса.

— Ладно, разберемся. Пишите адрес квартиры, — следователь указал подбородком Властелине на лист бумаги и снова заговорил с матерью секретарши, покорно ожидающей у телефона. — Скажите, в котором часу пришло такси за вашей дочерью?

— Около пяти. А что?

— Спасибо вам за информацию, — вежливо поблагодарил Антон Свиркин — он старался всегда быть вежливым и корректным с людьми. — Если понадобится, я еще позвоню вам.

— А что случилось то?

Но отвечать на этот вопрос следователь не стал — тайна следствия! — и отключил телефон.

Прежде чем продолжить «допрос» свидетелей, он отыскал глазами свой шикарный

кожаный портфель и, успокаиваясь, мысленно погладил его кожу — дорогой бордовый с золотым замком портфель, подаренный ему родителями в первый день его работы в Следственном Комитете, поднимал его статус в собственных глазах и всегда настраивал на деловой лад. Настроившись таким образом на деловой лад, Свиркин перестал завидовать богатству семьи Ватутиных и почувствовал себя солиднее и намного старше — в свои двадцать пять и при невысоком росте и щуплом телосложении, Антон имел кучу комплексов.

— Написали? — строго посмотрел он на Властелину и осуждающе покачал головой, возвращаясь к интересующему его вопросу. — Ну, как это вы, Властелина Георгиевна, так беспечно относитесь к семейному имуществу, и даже не в курсе того, кому ваш отец сдал свободную квартиру?

— Оно мне надо?! — снова фыркнула Властелина и состроила такую презрительную гримасу, что молодой работник правоохранительных органов подивился высокомерности столь юного создания — всех, кому меньше двадцати он считал «юными созданиями» и не воспринимал всерьез. Меж тем Властелина давала ценные пояснения об имуществе Ватутиных. — Эта старая двушка Витьке достанется, когда он вырастет, а мне папулька трешку на Пироговке отдаст — там сейчас евроремонт идет.

— Сколько же у вас квартир? — опешил молодой следователь, плохо представляя себе такое роскошество.

— Не считая загородного дома, три: двушка на улице Бутлерова, трешка на Пироговке и пятикомнатная на Большой Никольской, — прилежно перечисляла девушка семейную собственность, загибая пальцы с длинными накладными ногтями.

— Хорошо живете...

Получив адрес квартиры в Беляево, Антон Свиркин заторопился «на выход» — надо было срочно ехать на улицу Бутлерова и выяснять, кому сдавал квартиру старший Ватутин, кто в ней жил все это время и с кем уехала отдыхать личная секретарша Ватутина. Но было в этом огромном загородном доме еще что-то тайное, о чем вся прислуга старательно умалчивала. Следователю очень хотелось знать, что же это за секрет такой и, вместо, того, чтобы «откланяться» и заняться расследованием, он еще раз внимательно осмотрел все комнаты и попытался снова «допросить свидетелей».

Попытка с допросом свидетелей не увенчалась успехом, а вот повторный осмотр комнат выявил интересные факты. Главным из этих фактов Антон Свиркин посчитал полное отсутствие в загородном доме вещей Георгия Ватутина: в гардеробной комнате висело всего два костюма и несколько рубашек, все коробки с обувью были пусты (даже зимней обуви в коробках не было — он проверил). Создавалось впечатление, что хозяин дома не просто уехал отдыхать на несколько дней к теплому морю, а, основательно собрав свои вещи, уехал отсюда далеко и надолго.

Свиркин достал из портфеля листок с адресом квартиры и на обратной стороне сделал пометку для себя: «осмотреть все квартиры, принадлежащие семье Ватутины на предмет обнаружения в них личных вещей хозяина».

12

Тяжело дыша, Дорохов с сожалением оторвался от жаркого тела Инны, еще находящейся во власти оргазма — вот, какой он молодец! подгадал, таки, их совместную кончину... — нет, звучит, как-то похоронно... их совместное удовольствие! откинулся на подушку и одной рукой «подгреб» ее поближе к себе. Облапил положил руку на ее грудь и

довольно улыбнулся.

— Откуда ты взял эту конфетку-барбариску? — поудобнее устраиваясь на его плече, томно улыбаясь, спросила Инна.

— Какую конфетку? — разочарованно переспросил Дорохов, ожидая услышать комплименты в свой адрес, но с этой суматошливой, ироничной женщиной он опять ошибся — нельзя было предугадать ее дальнейшие слова и поступки.

Разве это правильно, что в такие ответственные минуты она говорит о пустяках, не выражает своего восхищения им и не твердит о своей любви к нему? Может быть, для нее их отношения это просто секс и ничего больше? Хороший, здоровый секс с малознакомым мужиком! А для него?

— Так откуда ты взял эту барбариску? — настаивала Инна, приподнимаясь на локте и заглядывая Дорохову в лицо.

— Причем здесь какая-то конфета? — он пытался ответить на важные для себя вопросы, а она привязалась к нему с каким-то пустяком.

— Как это причем? — вскинулась Инна. Она легонько постучала костяшками пальцев Дорохова по лбу и засмеялась. — Эх ты, мозговой центр! Да, если бы не эта конфетка-барбариска, не видать тебе меня, как своих ушей! Я всю обратную дорогу только и делала, что гадала, чем же от тебя так вкусно пахнет — такой знакомый, далекий, детский запах, а вспомнить никак не могла.

Дорохов удивленно вскинул брови и подумал, что, если она не шутит, то эта женщина явно с другой планеты: придавать значение таким пустякам, на которые он никогда не обращал никакого внимания.

«— Возможно, именно поэтому у тебя не складываются отношения с женщинами, — вмешался в его размышления его внутренний голос и продолжил свою критику. — Возможно, для женщин секс не имеет такого большого значения, как для мужчин — им важны всякие мелочи: поцелуйчики, обнимашки, цветочки, одеколочик к памятным датам... Кстати, неплохо бы тебе запомнить какое сегодня число — вдруг пригодится...»

Почувствовав тычок в бок, Дорохов очнулся от разговора с самим собой.

— А? Откуда конфета? — забубнил он, виновато моргая глазами — вдруг обидится, что он ее не слушал — кто поймет этих женщин! — Да кто-то из ребят угостил. У меня этого добра целый карман — я все хочу курить бросить, вот конфетами и спасаюсь... Пстой, выходит, что всем этим я обязан твоему неудовлетворенному любопытству?

— А ты надеялся, что твоему неотразимому обаянию? — засмеявшись, Инна откинулась на подушки, посмотрела в сереющее окно — вот и ночь прошла: правду говорят, что «счастливые часов не наблюдают». — Расскажи мне о себе, — попросила она и тут же добавила: — Если не хочешь — не рассказывай, я не обижусь — просто заниматься сексом с незнакомым человеком мне никогда не приходилось.

— Сексом значит... — холодно уточнил Дорохов и попытался отодвинуться на край кровати, но Инна не дала: обняла и даже ногой сверху прижала — чтобы даже не помышлял о побеге.

— Сергей, не глупи и не цепляйся к словам. Вам мужикам трудно понять женщин, поэтому не придумай себе того, чего я не говорила. Отношения между людьми дело сложное, они состоят из тысячи мелочей и так просто, с налету, в них не разобраться. Поэтому, давай с тобой сразу договоримся: если что-то не понял, спроси — не терплю домыслов и непонятости. Согласен? — Дорохов кивнул и погладил ногу, прижимающую его

к кровати — кожа была нежная и шелковистая. Внутри у него что-то опрокинулось, и внутренности залила радостная, слащавая патока. — Давай сначала я расскажу... Зовут меня Инна Павловна Новикова, мне почти двадцать семь, разведена, детей нет, работаю в парфюмерной компании главным менеджером. В двадцать лет, еще в институте, выскочила замуж. Кстати, фамилию мужа я не взяла из принципа (намотай на ус: я женщина серьезная и принципиальная), а могла бы и поменять. Инна Павловна Чехова! Звучит?

— Звучит... — хмыкнул Дорохов и потянулся за сигаретами.

— Не кури в постели, — остановила его Инна. — Постельное белье пропахнет дымом мне придется его менять, потом стирать, потом гладить — видишь, сколько времени ты украдешь у меня из нашего общения одной сигаретой.

Отдернув руку, Дорохов украдкой вздохнул и поцеловал Инну в висок — ему польстило, что она дорожит каждой минутой, проведенной с ним.

— Через год я одумалась и благополучно развелась с Ленечкой, — продолжила Инна и вздохнула, вспоминая свой неудачный брак.

— Почему ты называешь его Ленечкой?

— Потому, что он до старости будет Ленечкой — мать тряслась над ним, как над грудным ребенком: супчик к его приходу грела, тапочки подносила, на ночь одеялко поправляла — только что колыбельные песни не пела. Представляешь, мы лежим — спим, а она на цыпочках входит в комнату и одеяло ему под ноги подтыкает — чтоб не дай Бог, не простудился! Ну, я и развелась с этим великовозрастным ленивцем.

Дорохову было неприятно слушать о бывшем муже Инны, но он слушал, ценя ее желание откровенничать с ним, к тому же он хотел, как можно больше узнать о ее жизни, привычках — может, когда-нибудь пригодиться. На свой вопрос «Зачем пригодиться?» он не смог дать вразумительного ответа.

— А потом почему не вышла замуж?

— Да так, — пожала плечами Инна — это было уже очень личное и болезненное, но она нашла в себе силы, чтобы ответить и на этот вопрос. — Связывать жизнь абы с кем не хотелось, разрушать чужую семью это не для меня, а разведенные мужики все какие-то меркантильные и ненадежные: квартира, машина, накопления... Один вместо предложения руки и сердца преподнес мне ипотечные расчеты — какая у нас будет квартира, если мы продадим обе наши и вложим деньги в общую квартиру на нулевом цикле, и в каком году мы с этим кредитом расплатимся. Нет, одной лучше — «хочешь ешь конфеты, хочешь пряники».

— А если серьезно?

— Серьезно... Я считаю, что связывать свою жизнь надо только с тем человеком, без которого ты не мыслишь себе дальнейшей жизни, без которого сердце твое останавливается и ты перестаешь дышать, и которому ты доверяешь даже больше, чем себе — когда тебя предают любимые это так больно, что даже жить не хочется. Такого человека я не встретила — поэтому холостая.

— Значит, мне повезло, а насчет предательства мне ли не знать о нем, — Дорохов вздохнул — страшно хотелось курить.

Но Инна истолкована его вздох по-своему и погладила Дорохова по щеке — пожалела. От неожиданной нежной жалости Дорохов снова задохнулся — раньше он думал, что жалость бывает только унижающей и оскорбительной, но оказывается... Эта женщина открывала ему новый мир чувств!

— А родители твои живы? — хрипло спросил он, выторговывая для себя небольшую

передышку.

— И родители, и две бабушки, и два дедушки. У меня есть еще младшая сестра Галина — только знакомить я тебя с ней не буду.

— Почему?

— Она моложе и красивее меня: талия у нее тоньше и ноги длиннее. Ты не знаешь, почему младшие сестры вырастают всегда такими высоченными и ногастыми?

Дорохов покачал головой и подумал:

«— А может быть так и надо вести себя после всего случившегося: не признаваться в любви, не петь дифирамбы друг другу, не строить несбыточные планы на совместное будущее, а просто быть вместе столько, сколько отмерено, говорить о пустяках и быть счастливыми оттого, что Судьба подарила нам это время...»

— А вот у меня родителей нет, — без предисловий начал рассказывать о себе Дорохов. — Сначала отец умер, потом мать — я тогда по гарнизонам мотался и взять ее к себе никак не мог, но деньги посылал. И письма писал, и в отпуск ездил только к ней — теперь понимаю, что мало всего этого было, а тогда казалось...

— Молодые жестоки к старикам, — согласилась Инна и отвернулась, чтобы не смущать его своим пристальным взглядом.

— Мне почти тридцать пять, разведен, детей вроде бы нет... Полковник, вернее, бывший полковник ГРУ.

— Так вот почему ребята из охраны так заботливо тебя отряхивали от снега — начальство берегли.

— А они отряхивали? — удивился Дорохов.

— И отряхивали, и за ноги из собачьего лаза тащили.

— А ты не врешь? — не поверил «бывший полковник». Инна замотала головой — мягкие шелковистые волосы щекотали лицо Дорохова, но он стойко терпел. — Что-то я этот момент плохо помню.

— Возможно, потому что я огрела тебя сковородкой по голове, — прыснула Инна в ладошку. — Подумала, воры в дом лезут — вот и расстаралась.

— А я все гадаю: отчего у меня голова, как чугунная.

Инна погладила Дорохова по голове и, как маленького, поцеловала в лоб, приговаривая:

— У кошки болит, у собачки болит, у Сереженьки заживет! Почему ты не позвонил в дверь, как все нормальные люди?

— Думал никого нет в доме, а ключи не нашел, — оправдывался Дорохов, хотя никогда не оправдывался перед женщинами — даже если был виноват со всех сторон. — Один раз я так уже делал, только тогда лето было и в собачьем лазе я не застрял, а сейчас про дубленку забыл... А знаешь, Инн, меня со службы турнули, — рубанул Дорохов правду-матку и почувствовал, как гора свалилась с плеч — теперь она все о нем знает (ну, почти все). — Обвинили в растрате денежных средств в крупном размере, но шум поднимать не стали — предложили уволиться из армии по-тихому.

— А ты растратил? — в лоб спросила Инна, не признавая окольных путей.

— Нет. Конечно, взятки и откаты давал — без этого сейчас никак нельзя: все хотят хорошо жить.

— И себе брал?

— Брал, — честно признался Дорохов, и Инна ему сразу же поверила, что брал, но «не растрачивал». — Но в разумных пределах, конечно, — на свою квартиру три года копил, да и

то не хватило, крестный одолжил.

— Тогда кто растратил?

— Не знаю.

— Не зна-аю! — передразнила Инна и, приподнявшись на локте, сочувственно заглянула в глаза Дорохову. — А выяснять не пытался?

— Пытался, но факты против меня.

— Неоспоримый факт для тебя должен быть только один — ты не растрачивал! — все остальные «факты» подлежат сомнению и проверке.

— Я служил в серьезной организации — там ошибок не бывает.

— Значит, они правы — ты растратил.

— Нет. Не растрачивал, — набычился Дорохов.

Инна засмеялась и потормошила «бывшего полковника» за плечи.

— Ты себя слышишь, Сереж? В этой ситуации либо врешь ты, либо врут они — третьего не дано! Вопрос в том, будешь ли ты отстаивать свою правоту. Лично меня мнение других людей мало волнует — главное для меня собственная внутренняя уверенность и сознание своей правоты, а как поступишь ты — тебе решать, вмешиваться я не буду. Военная служба, наверно, очень отличается от гражданской — там свои правила, свои порядки.

— А ты права! — Дорохов сел на кровати и сжал кулаки. — Либо вру я, либо врут они! Но я точно знаю, что я не вру... Надо бы все еще раз проверить... — он посмотрел на сигареты и вздохнул — полцарства за сигарету!

— Ладно уж, иди — кури, — засмеялась Инна и подтолкнула Дорохова к краю кровати. — Я тебя подожду.

13

Натянув брюки на голое тело, Дорохов вышел из комнаты, немного постоял в коридоре и спустился по лестнице в прихожую. Сунул ноги в ботинки, надел дубленку на голый торс, нахлобучил шапку и осторожно вышел из дома.

Огромный черный тупомордый джип, спрятавшись под рыхлыми снежинками, отдыхал от работы и на сигнализацию отреагировал довольно вяло. Дорохов не жалел машины, гонял ее по стройплощадкам и бездорожью, а теперь неожиданно проникся к нему жалостью.

— Загонял я тебя, друг, — произнес он, смахивая снег с ручки двери. — Вот сейчас быстренько слетаем в Москву и опять отдыхай.

Счищая с машины снег, Дорохов ожесточенно работал щеткой. Он не замечал таявших снежинок в ботинках, не вздрагивал от пробравшегося в дубленку морозца, все мысли его были заняты собственной реабилитацией, но садясь в машину, он почувствовал «тяжесть» во внутренних карманах, достал маленькие плоские бутылочки коньяка и, глядя на них, осуждающе хмыкнул.

«— Надо же, чуть не спился, — огорчился Дорохов, убирая коньяк в бардачок, — если бы не Инна...»

В Москву Дорохов «долетел» за полчаса, ворвался в свою квартиру и, не обращая внимание на вскинувшихся на разобранном диване Людмилу и какого-то бородатого мужчину, стал лихорадочно рыться в ящиках письменного стола.

— Где мои рабочие диски с копиями расчетов всех проектов? — поворачиваясь, взревел он, не найдя их в ящике своего стола.

— Дис-ки? — испуганно переспросила Людмила и натянула одеяло на упавшего на подушки мужчину. — Какие диски?

Пытаясь взять себя в руки, Дорохов стал объяснять, какие именно диски ему понадобились в столь неурочное для визита время. Взгляд его случайно упал на стул около дивана, и он замер на полуслове.

На спинке стула аккуратненько висел военный китель с новеньким блестящими погонами. На погонах красовались три большие звезды. Дорохов взглянул на петлицы и удивленно вскинул брови — его «заменитель в постели» был из его бывшего ведомства.

Любопытства ради Дорохов шагнул к дивану и, взявшись за конец одеяла, рванул его на себя.

Людмила вскрикнула и закрыла лицо руками. Нехотя посторонний мужчина поднялся с разобранного дивана, с ненавистью глядя на хозяина квартиры.

Дорохов подошел к мужчине, взгляделся в его лицо и...

И все понял.

Теперь ему стало ясно, кто подставил его на работе, и кто присвоил больше десяти миллионов долларов казенных денег.

— Где мои диски? — очень четко произнес Дорохов и медленно взял «постороннего» мужчину за горло.

— Ты что, Сережа! — вскочив с дивана, Людмила вцепилась в руку Дорохова и попыталась оторвать ее от шей любовника. — Ничего Вадик не брал.

— А я думаю, брал, — возразил «бывший полковник» и, размахнувшись, вlepил бывшему другу и бывшему соратнику увесистую пощечину. — Где мои диски, Вадик?

— В портфеле, — прохрипел новоявленный полковник Осипов, занявший место уволенного друга.

Дорохов убрал руку с горла бывшего друга и брезгливо вытер ее о брюки. Взял со стула новенький блестящей кожей портфель и вытряхнул все его содержимое прямо на кровать.

Его рабочие диски были сложены в прозрачную папочку и для надежности перетянуты резинкой. Дорохов выудил диски из кучи бумаг и вещей, сосчитал их и, не доверяя Осипову, по очереди стал вставлять в ноутбук — проверять.

— С моим компьютером ты поработал, а вот про диски с копиями расчетов узнал недавно.

— Это я Вадику их отдала, — всхлипывая, призналась Людмила в своей оплошности. — Вчера вечером вещи твои оставшиеся собирала, и диски отдала — думала это по работе, но поскольку ты уволен...

— Еще как по работе, — усмехнулся Дорохов и вздохнул с облегчением — все расчеты, сметы и договора не имели исправлений. — Вот теперь повоюем! Неужели вы думали, что я так легко сдамся?

— Думаешь, тебе поверят? — хмыкнул полковник Осипов, натягивая штаны. — Держи карман шире: не один я в этом деле замешан.

— Да мне плевать, кто еще меня подставлял! — Дорохов в сердцах хлопнул ладонь по столу. — Я же тебя, Вадим, другом считал!

— Другом? — взвизгнул Осипов, тут же превращаясь из солидного полковника в обиженного подростка. — Ты вечно меня за собой тянул, будто я не способен без тебя по службе продвинуться! Ты у нас Солнце, а я твоя тень! Надоело! Мне предложили дело, и я согласился!

— Ну, и гад же ты... Костя Федотов, — Дорохов качнул головой и стал складывать диски в папочку. — Теперь у меня есть доказательства ваших махинаций...

— Зачем тебе это надо? — Осипов уже надел рубашку, китель и почувствовал себя не обиженным подростком «номер два», а «настоящим полковником». — Зачем шум поднимать?

— Ты все равно не поймешь!

— Хочешь, мы тебе денег дадим? Много денег!

На Дорохова вдруг навалилась неимоверная усталость — не было сил даже презирать бывшего друга и бывшую «гражданскую любовницу».

— Нет, — устало произнес он и вспомнил слова Инны: «...когда тебя предают любимые это так больно, что даже жить не хочется».

«— Она права, — подумал Дорохов, — это так больно... но не смертельно. А что, если на месте Люськи оказалась бы Инна?..»

Представив себе эту картину, Дорохов набычился и сжал кулаки.

— Чего ждете? — не поднимая головы, спросил он у напрягшихся любовников. — Одевайтесь и на выход.

— Но, Сережа...

— Оба! — жестко уточнил «бывший полковник», боясь даже подумать, чтобы он сотворил с этими двумя, предай его другая женщина. — И побыстрее!

Когда Дорохов вернулся в Сергеевку и поднялся в спальню, Инна уже спала. Спала и улыбалась во сне.

Дорохов присел на корточки около кровати и долго смотрел на спящую женщину, думая о том, что, несмотря на все случившиеся с ним катастрофы, ему несказанно повезло — он встретил свою женщину, о которой даже уже и не мечтал.

— Чтобы я без тебя делал, мой воинствующий, неунывающий «Новогодний Подарок»...

14

Скорбное сообщение о смерти Георгия Рудольфовича Ватутина Антон Свиркин привез в семью Ватутиных за день до Рождества — разыскивая «Мерседес» пропавшего бизнесмена, он связался с ГБДДешниками и те сообщили ему об автомобильной аварии, в которой и погиб хозяин особняка. Свиркин записал все данные и пообещал известить семью, но, приехав, никак не мог сообщить семье столь трагическую весть.

В ходе следственных действий Антону Свиркину удалось разыскать большую часть сотрудников фирмы и получить сногсшибательную информацию: с первого января процветающая транспортная фирма Ватутина перешла в руки новых хозяев. Но были и другие не менее «сногсшибательные» новости: бесследно исчезли не только бывший хозяин фирмы, но и деньги с банковских счетов Ватутиных, проданными оказались их зарубежная недвижимость, все московские квартиры и даже загородный дом, в котором сейчас проживало семейство, вместе с мебелью и машинами был заложен банку за кругленькую сумму.

В общем, исчезло все!

Все что нажито было за семнадцать лет брака и с таким трудом сберегаемое в семье!

Валентина Николаевна Ватутина прибывала в прединфарктном состоянии — теперь исчезновение из сейфа документов и своей шкатулки с драгоценностями она считала досадным пустяком.

Куда и на сколько дней уехал сам Георгий Рудольфович Ватутин (допрос сотрудников происходил до получения известия о смерти бизнесмена) никто из сотрудников его бывшей фирмы не знал — ни о какой корпоративной поездке никто на фирме «слухом не

слыхивал». Но главное, никто не мог ответить на вопрос: «Куда делись деньги от продажи семейного имущества?» — даже Борис Яковлевич Либман, принимавший активное участие в распродаже «семейного состояния», вразумительного объяснить сие странное обстоятельство не смог.

Все предъявленные следствию документы имели законную юридическую силу, и придаться к совершенным сделкам по продаже недвижимости было невозможно.

Антон Сvirкин понимал, что оставшиеся члены семьи Ватутиных стали жертвами махинаций погибшего бизнесмена и осталась без средств к существованию, но поделаться ничего не мог: спорные имущественные претензии между супругами решаются через суд. Суд, если усматривает в сделках их неправомерность, выносит определение или решение и только на этом основании возбуждается уголовное дело. Антону было по-человечески жалко семью Ватутиных, но отстаивать имущественные права потерпевших не его дело. Его дело раскрытие кражи, но в создавшейся ситуации кражи, как таковой, не было. В соответствии с новыми фактами всем стало ясно, что документы и деньги из сейфа «изъял» законный владелец того и другого, а то, что заодно со своими бумагами он «прихватил» шкатулку жены с драгоценностями, так это их внутренние разборки — его действия, как кража, не классифицируются и под статью 158 Уголовного Кодекса не подпадают. Статья УК гласит: «Кража, то есть тайное хищение чужого имущества...» — хищения чужого имущества не было, а значит, нет состава преступления.

Дело о краже было прекращено «за отсутствием состава преступления», но Антон Сvirкин по своей инициативе вызвался съездил в загородный дом Ватутиных и сообщить о случившейся трагедии. У Валентины Николаевны он застал «семейного» юриста — разбирательства в сложившейся ситуации были в самом разгаре.

— Вы же сами, Валентина Николаевна, подписали генеральную доверенность вашему мужу на всевозможные сделки с недвижимостью! — Борис Яковлевич Либман в безупречном костюме с бриллиантовой заколкой для галстука являл собой образец деловитости и респектабельности. — Вспомните, пожалуйста! Это было в прошлый Новый Год — Георгий Рудольфович пригласил меня тогда к вам в дом, и вы подписали с ним соглашение о передаче ему всех прав на фирму.

— Я подписала? — вдова перестала стонать и вытаращила на мужчину покрасневшие от слез глаза.

— Вы, вы, уважаемая Валентина Николаевна! — юрист стоял напротив постаревшей вдруг женщины, скрестив на груди руки, как непогрешимый обвинитель.

— Ах, да, вспомнила... Мы тогда все очень болели гриппом, и я плохо помню, что подписывала.

— Георгий Рудольфович ни о чем таком не упоминал.

— Что же теперь мне делать? — Валентина Николаевна теребила в руках носовой платок и по очереди с надеждой смотрела на мужчин.

— Обратитесь в суд, — со знанием дела посоветовал Борис Яковлевич. — Возможно, он сочтет убедительными ваши доводы, отменит существующие сделки купли-продажи недвижимости и вынесет решение вернуть стороны в первоначальное состояние. Но положение ваше, Валентина Николаевна, это вряд ли спасет: ваш муж обязан будет возратить покупателям деньги за проданную недвижимость, а поскольку вы не разведены с Георгием Рудольфовичем, то его долговые обязательства, после его исчезновения, ложатся на ваши плечи. Есть у вас средства выкупить свою недвижимость?

— Выкупить? — опешила вконец убитая горем вдова. — Но как же... выкупить?

— Полагаю, что средств у вас нет.

— Борис Яковлевич, может, вы возьметесь за мое дело? — Валентина Николаевна умоляюще сложила руки на груди. — С моей стороны я гарантирую любые проценты!

— Боюсь, это будет не совсем этично с моей стороны, — безжалостно отказал «семейный» юрист, — ведь я тоже являюсь, в каком-то смысле, вашим противником: я приобрел у Георгия Рудольфовича вашу квартиру на Большой Никольской.

— Что?! — в один момент из забитой овечки вдова превратилась в разъяренную тигрицу. — Вы купили нашу квартиру на Никольской и не сообщили мне об этом?!

— Вот в этом меня упрекнуть нельзя! — Борис Яковлевич явно не признавал обвинения и даже искренне обиделся. — Еще в начале декабря я разговаривал с вами по поводу вашей квартиры на Большой Никольской. Вы рассказывали, какой хороший вы сделали в ней ремонт три года назад и назвали оценочную стоимость вашей квартиры.

— Но я же не знала, что Георгий ее продает! — яростно отбивалась женщина.

— Это уже не ко мне, а к вашему мужу! Мне предложили купить квартиру — я купил! Знали вы или не знали о продаже вашей квартиры, меня это не касается: доверенность от вас на все сделки с недвижимостью у Георгия Рудольфовича была — а это значит, что он имел право от своего и вашего имени заниматься продажей недвижимости. Другое дело, что половину суммы от совершенной сделки по закону он должен был передать вам, но это уже ваши внутренние «разборки».

— Ничего он мне не передавал! Вы, как друг семьи, могли бы сообщить... — у Валентины Николаевны вдруг иссякли силы, и она залилась слезами.

Женские слезы не произвели на присутствующих мужчин должного впечатления: хотя следователь еще не привык к столь бурным реакциям «посетителей» своего кабинета — он не верил слезам, особенно женским, а многоопытный юрист не относился к людям мягкосердечным и впечатлительным.

— Откуда мне было знать, — попытался оправдаться, таки, «друг семьи», тяготясь присутствием полицейского чина — в его глазах ему хотелось выглядеть кристально чистым человеком. — Мне ваш муж сказал, что вы всей семьей переезжаете в Англию: Властелина будет там учиться, а у Георгия там появился новый бизнес — так какой прок иметь столько недвижимости в стране, в которой ты не живешь и в которую не собираешься возвращаться.

Уже не хозяйка этого роскошного загородного дома продолжала рыдать, и мужчины чувствовали себя неловко.

— Мы нищие! У нас ничего нет! — периодически восклицала обманутая женщина, прерывая рыдания и вытирая слезы промокшим насквозь носовым платком. — Нас выгонят на улицу, как бездомных собак!

— Ну, не все так плохо, Валентина Николаевна, — попытался успокоить ее Антон Свиркин, не решаясь усугубить состояние женщины новым трагическим известием. — За вами сохранена квартира на улице Бутлерова — вы с детьми прописаны именно в ней. Думаю, это органы опеки и попечительства заставили вашего мужа обеспечить несовершеннолетним детям хоть какое-то место жительства, а то бы...

— Вы что, издеваетесь! — вскочив с кресла, закричала Валентина Николаевна. — После всего, что у меня было возвращаться к нищенскому плебейскому существованию!

— Многие даже квартиры не имеют...

— Какое мне дело до многих! — женщина театрально заломила руки. — Лучше смерть!

— Не скажите! — вздохнул следователь и, наконец-то, решился сообщить трагическую весть: театрализованные представления его не интересовали — насмотрелся в кабинетах прокуратуры и Следственного Комитета. — Валентина Николаевна, простите, что приходится сообщать вам еще одну скорбную весть, но тело вашего мужа вчера обнаружено в его сгоревшей машине.

Валентина Николаевна Ватутина — теперь уже официальная вдова погибшего бизнесмена — резко вздохнула и «замертво упала» в кресло.

15

Адрес загородного дома, в котором проживало на данный момент семейство Ватутиных, Дорохов раздобыл за одну минуту: позвонил на фирму Ватутина, сообщил о его смерти в автомобильной аварии и спросил, где проживает вдова бизнесмена, чтобы поехать и выразить ей свои соболезнования и, если понадобится, помочь с похоронами Георгия Рудольфовича. Секретарша Анастасия охнула, схватилась за сердце и, тут же выложив адрес загородного дома собеседнику, побежала по отделам сообщать столь скорбную весть о хозяине фирмы.

— Твоя затея обречена на провал, — ворчал Дорохов, останавливая джип у ворот загородного дома Ватутиных. — Как ты объяснишь хозяевам свое появление в их доме?

— Скажу, что мне надо поговорить с Валентиной Николаевной Ватутиной по личному вопросу, — настаивала Инна. — Я должна рассказать о странностях аварии ее мужа.

Ей очень не хотелось лезть к вдове со своей откровенностью в Рождество, но другого времени у нее, похоже, могло и не быть — начальство парфюмерной фирмы, отпраздновав Рождество, Новый Год и еще одно Рождество, решило сократить новогодние каникулы своего «загулявшего» персонала и перенесло выход на работу с четырнадцатого на девятое января.

— Она подумает, что ты приехала за вознаграждением: свидетели всегда чего-нибудь требуют, — не сдавался Дорохов.

— Чепуха! — возразила Инна и решительно распахнула дверь машины. — Не суди всех по себе!

— Ну, знаешь!

Дорохов обиженно отвернулся и полез из джипа, хотя на самом деле несколько не рассердился на Инну — ему просто было жаль терять полдня на сомнительную поездку и ненужные объяснения с вдовой погибшего бизнесмена. Он считал, что затея Инны чистый блеф — ей никто из родственников не поверит, а если поверит, то, что дальше?.. Дальше они начнут частное расследование смерти Ватутина и будут дергать Инну по пустякам: выяснять у нее подробности и просить вспомнить все новые и новые детали увиденных событий — поэтому ее энтузиазма по поводу поездки к вдове бизнесмена он не одобрял. У них осталось так мало времени, чтобы побыть вместе, и он тоже стал дорожить каждой минутой.

— Ну, не дуйся, — подойдя, Инна подсунула руку под локоть Дорохова и прижалась щекой к его плечу. — Как не крути, а родные должны узнать правду о гибели этого человека. По мне лучше горькая правда...

— Сомневаюсь, что это хорошая идея. У людей горе, а ты приезжаешь и подливаешь масло в огонь — дай им время пережить утрату.

Но в своем решении Инна была непреклонна: это ее гражданский долг!

А раз «гражданский долг», то никакие возражения и уговоры не принимаются в расчет — Дорохов это уже запомнил и смирился.

Дом Вагутиных встретил гостей парадной мраморной лестницей и белыми колоннами, поддерживающими большую открытую террасу, на которую выходили все двери спален второго этажа. Большие сводчатые окна придавали дому легкость и изящество и «насыщали» комнаты светом и солнцем.

В дом «гости» попали совершенно свободно: никто из охраны их не остановил, не спросил, кто они и по какому вопросу сюда приехали.

Дорохов указал Инне на несколько машин представительского класса, стоящих перед входом — видимо в гости к вдове бизнесмена приехали не только они — про себя же Дорохов порадовался, что не послушал Инну, и они поехали к Вагутиной на его «серьезном» и представительном джипе. Ну, как бы он сейчас выглядел, выбираясь из крошечного дамского «Пежоута»?!

Войдя в дом, Инна сразу же почувствовала витающую в воздухе беду — запах валокордина успел пропитать гостиную.

В отличии от Инны, переживающей за овдовевшую хозяйку, Дорохов ничего такого не почувствовал и с интересом стал рассматривать дом.

Дом был не большой, но добротный и светлый, в классическом стиле, два этажа и мансарда, с большим ухоженным участком, крытым бассейном по диагонали от дома, отдельной стоящей баней и беседкой с мангалом для шашлыка и барбекю. Свой дом Дорохову нравился больше, и не из-за того, что от сам его проектировал и строил, просто, предпочитая простоту и прямолинейность, ему не нравились колонны и весь этот «дворянский» стиль.

Первым встретившимся им человеком в доме был деловой представительный мужчина, с хозяйским видом распоряжающийся рабочими в фирменных комбинезонах, перетаскивающих в прихожую поближе ко входу заклеенные скотчем большие одинаковые коробки.

— Вы по поводу покупки дома? — поинтересовался мужчина, окинув гостей профессиональным оценивающим взглядом.

— Нет, мы бы хотели поговорить с хозяйкой... по личному вопросу, — Инна опередила Дорохова, и тому ничего не оставалось делать, как кивнуть головой в знак подтверждения — да, дескать, мы к хозяйке по личному вопросу.

— К бывшей хозяйке, — надменно уточнил мужчина в костюме и потерял всякий интерес к «не своим гостям».

— Как это к бывшей? Сегодня на работе Георгия Рудольфовича нам дали именно этот адрес — именно здесь проживал с семьей Георгий Рудольфович Вагутин — ныне погибший...

— Вот как? Георгий Рудольфович погиб?

— А вы не знали?

— Не знал, — равнодушно признался мужчина, проследил взглядом за рабочими и повернулся к гостям. — Честно говоря, меня мало интересует судьба бывших хозяев особняка — вы правильно сказали «проживал».

— Та-ак... — Дорохов взял Инну за плечи и отодвинул в сторону. — Разрешите поинтересоваться, что здесь все-таки происходит?

— А вы, собственно говоря, кто? — мужчину уже начинали раздражать досужие вопросы посторонних людей.

— Сергей Александрович Дорохов — полковник ГРУ, — веско представился Дорохов,

но в карман за удостоверением не полез — вспомнил, что он «бывший полковник» и удостоверение свое сдал. — Мы, так сказать, знакомые Ватутиных, — уже мягче произнес он, стараясь придать лицу скорбное выражение. — Приехали выразить вдове свое соболезнование по поводу трагической безвременной кончины Георгия Родионовича.

— Рудольфовича, — из-за спины поправила его Инна.

— Ну да, Жоры, — соглашаясь, опять покивал головой Дорохов. — Так что же, собственно говоря, здесь происходит?

— Как что происходит? Выселение, на вполне законных правах.

Мужчина пустился в долгие объяснения о залоге под недвижимость, о графике выплат и его нарушении, о предупреждениях и напоминаниях, но главное «гости» поняли: дом перешел во владение банка, и вдова вынуждена была съехать.

— В Рождество? — ужаснулась Инна. — Неужели нельзя было отложить процедуру до конца праздников?

— Уведомление было вручено Георгию Рудольфовичу еще в декабре — к первому января он должен был освободить дом. Мы и так взяли на себя упаковку и перевозку личных вещей этой семьи — похоже, нам придется несколько раз гонять машину по их новому адресу, а это поверьте немалые деньги.

— И куда же она переехала? — поинтересовался Дорохов, в душе надеясь, что мужчина пожмет плечами и не ответит, и на этом закончатся их с Инной мытарства.

Но, видимо, представление Дорохова сыграло свою роль, мужчина порылся в бумагах рабочих и назвал указанный в путевом листе адрес:

— Москва, улица Бутлерова...

Инна старательно записала адрес и умоляюще посмотрела на Дорохова.

— Ведь мы поедem к ней? Да?

Дорохов вздохнул — когда женщина начинает командовать, ни к чему хорошему это не приведет! — и, конечно же, согласился.

16

Квартира в Беляево разительно отличалась от загородного дома Ватутиных — обыкновенная панельная девятиэтажка, такая же, как у Инны, с шестиметровой кухней и крохотными комнатками.

Хотя Инна была очень довольна своей квартиркой — компактно, все под рукой и от метро в двух шагах, а главное, отдельно от родителей, но контраст между загородным домом, блистающим паркетными полами, хрустальными люстрами и позолотой лестниц, и убогой квартиркой в панельном доме был настолько разителен, что она невольно посочувствовала семье Ватутиных.

— Да-а, — пренебрежительно протянул Дорохов, заходя в лифт и нажимая кнопку пятого этажа. — «Из князи да в грязи».

— Будь потактичнее, — предупредила Инна «медведя, бурбона, монстра», совсем не полагаясь на его такт, — им и так нелегко, а тут еще мы.

На их звонок дверь квартиры тут же открыл бледный не высокий испуганный мальчик, лишь потом сообразивший, что на врачей стоящие у двери люди совсем не похожи.

— Вы кто? — затравленно спросил он слезливым фальцетом.

В квартире, как и в доме, пахло валокордином: по всему видать и тут вдову отпаивали сердечными лекарствами — беда перебралась за семьей на «новую» квартиру.

Дорохов шагнул вперед.

— Мы ищем семью Ватутиных. Ты Ватутин?

Мальчик кивнул головкой на тоненькой шейке и спрятался за дверь.

— А мама дома? — ласково спросила Инна мальчика и, войдя в квартиру, заглянула за дверь. — Валентина Николаевна дома?

— Она там, — указал подбородком мальчик в сторону коридора и жалобно добавил: — У нее с сердцем беда: Власка ей «Скорую помощь» вызвала.

Инна пошла по коридору в комнату, а Дорохов остался в прихожей — пугать своим видом больную женщину он не захотел, а может быть, тактично пожалел Инну, не желая быть свидетелем ее фиаско.

В розовом кружевном пеньюаре Валентина Николаевна Ватутина с закрытыми глазами лежала на разобранной кровати поверх неопрятно застеленного одеяла на куче разномастных подушек и холеной рукой держалась за сердце. Рядом на стуле сидела ее «горем убитая» дочь и безучастно смотрела в угол комнаты — глаза у нее были заплаканы.

— Здравствуйте, могу я поговорить с Валентиной Николаевной? — спросила Инна, распахивая шубку.

Девушка на стуле никак не отреагировала на слова гостьи, а женщина на кровати с короткими выбеленными волосами на открыла глаза и чуть-чуть пошевелилась.

— Вы врач? — медленно повернув голову в сторону вошедшей, тихо поинтересовалась она.

— Нет, я не врач. Мне необходимо поговорить с вами о вашем погибшем муже...

Реакция Валентины Николаевны была столь неожиданной и бурной, что Инна пожалела, что затеяла этот разговор.

— О муже? Слышать о нем ничего не хочу! Вон отсюда! — вдова села на кровати и театрально указала рукой на дверь. Глаза ее лихорадочно горели, губы мелко тряслись. — Он убил нас! Разорил! Что ему еще от нас надо?

— Вы меня не так поняли, — растерялась Инна и отступила к двери. — Я приехала рассказать вам о странных обстоятельствах смерти вашего мужа...

— Куда как странных, — нервно скривилась Валентина Николаевна, — все наше имущество продал и исчез!

— Не знаю, что у вас тут произошло, но я стала невольным свидетелем аварии, в которой погиб ваш муж. Около машины я нашла документы...

— Документы? — вскинулась доселе не участвующая в разговоре девушка. — А деньги? Деньги вы не находили? Много-много денег...

— Деньги? — опешила Инна. — Нет, деньги не находила. Возможно, они были в машине и сгорели... А может, их забрали те двое мужчин с канистрами перед тем, как подожгли автомобиль вашего мужа.

Услышав предположения про деньги, мать и дочь с изменившимися лицами уставились на гостью, ожидая объяснений. Инна присела на свободный стул и рассказала все, что видела в ту злополучную новогоднюю ночь.

— Значит, денег вы не нашли... — обреченно подытожила Валентина Николаевна и, откинувшись на подушки, снова взялась рукой за сердце. — Так ему и надо подлецу, что сгорел — ограбил собственную семью! Вот пусть теперь его за государственный счет и хоронят — денег у меня на его похороны нет!

— Может, у него долги были? — вновь высказала Инна свое предположение. — Или кто-то ему угрожал — вот он и продал все имущество, чтобы расплатиться.

— Какие долги, женщина? — снова вмешалась в разговор Властелина. — У папульки было столько денег, что он любые долги заплатил бы и не заметил эту потерю!

— Тогда зачем же он все продал?

На этот вопрос никто не ответил.

Женщины помолчали, думая каждая о своем, и Инна, поднявшись со стула, попрощалась — гражданский долг она свой выполнила: рассказала обо всем увиденном, но, похоже, семью не заинтересовали странности смерти Ватутина, их волновали только пропавшие семейные деньги.

«— Возможно, и я на их месте волновалась бы о том же, — засомневалась в себе Инна, не став осуждать мать и дочь за такое неуважительное отношение к погибшему человеку — «Не суди, да не судим будешь!», — но как-то все это не по-людски...»

Пройдя по коридору, Инна вошла в прихожую и застыла от удивления: Дорохов в распахнутой дубленке сидел перед мальчиком на корточках и делал ему лодочки из газет. На полу образовалась целая флотилия из разных по величине «кораблей». Витек во все глаза следил за ловкими пальцами «бывшего полковника» и пытался повторить все его действия.

— Теперь складываем так, вот тут и тут загибаем, а теперь раскрываем, — комментировал свои действия Дорохов, мимоходом подправляя «кораблики» мальчика.

— О, да у вас тут целый флот! — подыграла Инна и увидела совершенно счастливые глаза обоих кораблестроителей.

— Ага! Сергей Александрович обещал мне еще флажки разноцветные сделать, чтобы различать корабли, и можно будет сражаться друг с другом!

— Ты уже?.. — смутился Дорохов, застигнутый за таким «не мужским» занятием. — А мы тут с Витьком строим...

— Вижу, — улыбнулась Инна и подумала о том, что Дорохов будет замечательным отцом — вон как с чужим ребенком «разыгрался», а уж со своим то...

— Вы уже уходите? — растерялся вдруг мальчик, и губы его мелко затряслись, как совсем недавно у его матери.

— Да, брат, пора, — поднимаясь, с сожалением произнес «Главный кораблестроитель».

— А флажки? Вы же обещали... — хватаясь за соломинку, пытался оттянуть расставание мальчик

— Обещал, — согласился Дорохов и вздохнул. — Это, брат, как-нибудь в другой раз.

— Вы больше ко мне не приедете... — плечи Витька опустились — весь вид его выражал уныние и обреченность на одиночество.

— Ты что?! — бодрился Дорохов. — Конечно, приеду. Обязательно приду!

Инна умильно смотрела на прощанье двух «мужчин» и слезы непроизвольно наворачивались на глаза.

— А пойдете, как все вместе в Макдоналдс? — неожиданно предложила она, и Дорохов, притянув ее к себе за шубейку, поцеловал в висок.

— Умница! Отличная идея! Ты как, Витек?

— Я согласен, — обрадовался мальчик. — Только маму предупрежу.

Витек убежал, в прихожей повисло неловкое молчание.

— Жалко пацана, — тихо произнес Дорохов, пряча глаза — он никогда не показывал людям свои слабости, считая это вредным и глубоко личным. — Не сладко ему придется в этой новой жизни.

— Всех их жалко, — согласилась Инна и прижалась к Дорохову. — Страшно терять

близких, но когда близкие так тебя подставляют: этот человек все семейное имущество продал и пропал с деньгами — у них даже нет денег на его похороны...

— Власка мне разрешила, — обрадовано закричал мальчик из коридора, и Инна быстро отстранилась от Дорохова.

Они втроем поехали в Макдоналдс, накупили всякой всячины, наелись до отвала, прошлись по многолюдным улицам города, немного посмотрели представление артистов — Рождество все-таки, поучаствовали в развлечениях нарядных клоунов и клоунесс и даже получили приз — Дорохов и Витя обогнали всех участников в беге в мешках.

Столько счастья было на лицах «ее мужчин», что стоящие рядом женщины искренне позавидовали Инне.

— Как ваш сыночек похож на отца!

— Какие они у вас ловкие!

Инна почувствовала, как внутри у нее что-то переворачивается. Ей страстно захотелось, чтобы слова женщин стали правдой, и чтобы на самом деле это была ее семья — ее сын и ее муж. Ей захотела вставать утром и готовить завтрак «своим мужчинам», встречать их с работы и из школы, по вечерам слушать их разговоры и засыпать с сознанием собственного семейного счастья...

Большую часть обратной дороги до дома Ватутиных они молчали: Витек держал Дорохова за руку с одной стороны, Инна с другой, и все были счастливы — слова ни к чему, когда сердце поет.

— Вы честно еще ко мне придете? — закрывая дверь, в десятый раз спрашивал мальчик, все еще не веря в обещание Дорохова.

— Честное военное, — козырнул «бывший полковник».

Витек встал по стойке «смирно» и козырнул в ответ.

Лифт приехал, открылись двери, Инна и Дорохов вошли в кабину — мальчик стоял в дверном проеме с поднятой к виску рукой и смотрел, как его друг со своей женой на прощанье машут ему рукой.

Двери лифта закрылись, кабина пошла вниз.

— Не знаю, как ты к этому отнесешься, — садясь в машину, с усталой досадой произнес Дорохов, — но я попытаюсь выяснить, что там случилось с этим Ватутиным. Нельзя, чтобы дети оставались убогими сиротами!

— Выясняй, а я не могу, — опечалилась Инна и вздохнула, — послезавтра мне на работу...

— Как послезавтра? Ты же говорила, что до четырнадцатого свободна!

— Так вышло.

— Эх! — рубанул воздух рукой Дорохов. — А я думал, что Старый Новый Год встретим вместе.

Инна пожала плечами и ничего не ответила — если он захочет, то они обязательно встретят Старый Новый Год вместе.

Если захочет...

17

Целую ночь Дорохов не отпускал от себя Инну, «имел ее, чтоб не сдохнуть» и не мог остановиться.

Ему почему-то казалось, что, усни он надолго, она обязательно исчезнет: убежит от него, раствориться в ночи, словно призрак, и не будет в его жизни больше ее лучистых глаз,

смотрящих на него с любовью и обожанием, ее нежных рук, от прикосновений которых его закаленное, тренированное тело вздрагивало, наполнялось истомой и желанием, их страстных поцелуев, взаимных жарких ласк, траханья до одури и совместного бурного «кончания», за которое она всегда благодарила: в изнеможении, тяжело дыша, проводила рукой по щеке, или плечу, по груди — благодарила без слов. Они неистово занимались любовью, как в последний раз, а потом он становился нежным и податливым, словно извинялся за свою силу и страсть, и засыпал, обхватив ее руками и уткнувшись в ее волосы. Но через какое-то время он вздрагивал от осознания потери, просыпался и снова обнимал ее, целовал, теперь уже зная, что ее заводит: целовал ее с языком, ласкал груди и посасывал соски, одновременно хозяйничал пальцами внутри нее, разжигая в ней страсть и подводя к границе оргазма...

— Хочу тебя... — стонала она. — Пальцы поглубже...

«— Похоже, ей мой «солдат» совсем без надобности, — усмехнулся Дорохов и взялся пятерней за свое «стоящее во фрунт» мужское достоинство. — Только мне ты и нужен мой «бравый солдат»...»

Но он ошибся, Инна прервала свои удовольствия и «занялась» телом любовника, уделяя особое внимание его стоячему «солдату» — теперь настала его очередь стонать под ее ласками — он в жизни не стонал, а тут... Инна перекинула через него ногу и стала неспешно насаживаясь на его каменную плоть, обхватывая ее мышцами, крутя бедрами и постанывая, принимая его в себя все глубже и глубже, до самого конца, замирая от наслаждения и начиная быстро двигаться вверх-вниз... Дорохов замер от новых ощущений, усмехнулся — «Оседлала, мать твою!», взял ее за бедра и включился в процесс, убыстряя ее движения... «Сладостный процесс» (под командованием настоящего полковника) закончился одновременно, к удовольствию обоих, она рухнула ему на грудь, наполненная им во всех смыслах этого слова... потом они долго лежали на кровати, обнявшись, не имея сил и желания шевелиться...

Он забылся тревожным сном, выпустил ее из своих объятий, но она не убежала, просто отодвинулась на край кровати и смотрела на него, стараясь запомнить каждую черточку его лица и не веря, что он здесь, рядом и стоит только протянут руку, все начнется сначала...

Вздрагнув, Дорохов проснулся и, не ощутив ее в своих объятьях, снова заволновался, схватил ее, прижал к себе и стал жадно целовать, но она уперлась ладонями в его вздымающуюся грудь и попыталась оттолкнуть, и отстраниться, и сказала «нет», а он продолжал напирать, и тогда она его слегка укусила за плечо, он охнул и обиженно замер, отстранился...

— Сережа, так нельзя! — недовольно сказала Инна, пытаясь заглянуть в его опущенные глаза. — Ты занимаешься со мной любовью, как будто хочешь «насытиться» мной на год вперед.

— Просто я... — вздохнул Дорохов и замолчал, признаваться в своей слабости ему не хотелось, а Инна молчала, понимая, что ему трудно говорить о своих чувствах, но облегчать ему признание не собиралась. — Просто я боюсь тебя потерять. Я как-то не думал, что это все когда-то закончится... Ну, ты, я, этот дом...

— Конечно, закончится, — подтвердила Инна и погладила его по плечу, где остался след от ее зубов. — Через несколько дней вернутся хозяева, и мне все равно придется уехать. Новогодняя сказка закончится.

— Ты права, а я и забыл, — согласился Дорохов и вздохнул. — Я почему-то думал, что

так будет всегда.

— Это уже от нас зависит, как дальше будет...

— Ты снова права, — снова согласился Дорохов и удивился своей уступчивости — он же почти никогда не уступал — пер, как носорог, не замечая препятствий, а тут... соглашается и соглашается, как будто нет своего мнения.

Он осторожно притянул ее к себе и стал гладить по спине, а ему так хотелось погладить ее ниже, по такой соблазнительной, маленькой и твердой попке, но он не позволил себе это сделать, помня о ее несогласии, и разочарованно вздохнул, а она засмеялась и положила его руку к себе на попку, и он понял, что ему снова все можно и обрадовался, и стал нежным и внимательным, поцелуи и ласки его стали осторожными и чуткими, а когда она вскрикнула, сжалась и затряслась на пике удовольствия, он улыбнулся и понял, что секс может быть не только страстным и неистовым, но и нежным и радостным...

— Сереженька, ты лучший в мире мужчина, — по достоинству оценила она его старания, поторопила, подтолкнула к действию, потянув на себя. — Возьми меня...

И он взял ее, быстро и напористо двигаясь в ней, довольно слушая ее чувственные стоны, восторженный шепот своей мужской силе и желая снова вместе «удовлетвориться» на пике наслаждения...

Хотя для него уже не так важна была своя часть удовольствия, ибо полученная от нее оценка его стараниям была много выше эйфорийного завершения «процесса». Дорохов почувствовал себя почти волшебником, доставляющим удовольствия своей женщине, одновременно взяв на себя ответственность за нее: за ее слезы, удовольствия, проблемы, да и за саму жизнь...

Они уснули в объятиях друг друга и, если бы не телефонный звонок, проспали бы до самого обеда.

— Дорохов, — вскочив с кровати и взяв телефон, представился Сергей и, услышав знакомый голос, привычно вытянулся по стойке «смирно». — Здравствуйте, Василий Иванович.

— К двенадцати жду тебя у себя — могу уделить тебе ровно час.

— Есть, прибыть к вам в двенадцать ноль ноль.

Закончив разговор, Дорохов виновато посмотрел на лежащую в кровати Инну, сел на край кровати, наклонился, поцеловал.

— Прости, начальство вызывает...

— Иди уже, Сереж, — махнула рукой Инна, — доказывай свою невиновность, а я подожду.

— Поспи и за меня часок, — улыбнулся «настоящий полковник» и с сожалением поднялся.

— За тебя, мой дорогой полковник, я посплю даже два часика...

— Вернись, разберемся со всеми проблемами.

18

Но прежде, чем разбираться с чужими проблемами, Дорохов должен был разобраться со своими делами: реабилитировать себя «в глазах общественности» и восстановиться в должности.

— Мне все равно, Василий Иванович, каким образом вы это сделаете, — расхаживая из угла в угол по генеральскому кабинету, обставленному в классическом стиле: письменный стол с «зеленым сукном» и настольная лампа с зеленым абажуром, красная ковровая

дорожка, длинный стол для заседаний, горячился Дорохов. — Доказательства своей невиновности я вам предоставил, и, если для моего восстановления, требуется обвинить и уволить из армии полковника Осипова — действуйте! Жалеть не стану!

— Не торопись, Сергей Александрович. Надо спокойно во всем разобраться — проверить все факты.

— Не торопиться? Да для меня без службы каждый день, как пытка! Я почти двадцать лет «верой и правдой, не жалея живота своего», а меня в грязи вывалили и под зад коленом из армии выкинули! Нет у меня времени на разбирательства, дорогой Василий Иванович!

Седой генерал-лейтенант тяжело поднялся из-за массивного письменного стола. Был он кряжист и грузен и лишних телодвижений не любил, но Дорохов был сыном его давнего друга, и после его смерти «на боевом посту» Василий Иванович посчитал себя обязанным «присматривать» за Сергеем — взял его к себе, контролировал, помогал.

— Ладно, — после короткой паузы произнес он, хорошо представляя, каких трудов ему будет стоять восстановление Дорохова в армии и в должности, но ради справедливости, чистоты рядов и, конечно же, ради «крестника» решил побороться. — Сегодня же напишу приказ о твоём восстановлении в армии, ну, а насчет должности не обессудь — придется подождать. Твои доказательства надо еще и еще раз проверить, сопоставить с документами и сделать соответствующие выводы. На это уйдет несколько дней. Ты смотри, дров не наломай за эти дни — мне уже звонили сверху, проинформировали о твоём недостойном поведении: что ты дебошир и пьяница, ворвался в квартиру любовницы, устроил там погром и выгнал бедную женщину из квартиры среди ночи. К тому же, избил Вадима Осипова — своего друга и в пьяном виде разъезжаешь по городу. Смотри, Сергей — добром эти пьянки не кончаются! А пьяный за рулем — угроза жизни, не только своей, но и жизни окружающих.

— Да не пил я, Василий Иванович! — энергично возразил Дорохов и вспомнил, как прятал бутылки с коньяком в карманах дубленки, а потом забыл про них — появились другие приоритеты. Вспомнил и покраснел, как мальчишка — надо же, чуть не спился! Если бы не Инна... — И Вадьку Осипова я не бил — так, врезал ему один раз, чтоб чужого не брал.

— Врезал один раз! — передразнил генерал и, вздыхая, посмотрел на один из телефонов на письменном столе. — Мне доложили — избил, чуть ли не до полусмерти! Ох, Сергей, Сергей! Ты же знаешь, что у Вадима отец в Генштабе не последний человек и с рук тебе эта драка просто так не сойдет! Так зачем же руки распускать?

— Подлецов учить надо! — не сдавался Дорохов.

— О-хо-хох! — вздыхая, покачал седой головой генерал. — Ну, вылитый Сашка: тот бывало все правду отстаивал... Умнее надо быть, Сергей! Умнее! Подлецов можно и по-другому наказать. А теперь что? Придется тебе объяснения давать по поводу драки. Я, то тебя понимаю — приехал к любовнице, а там...

— Да не в любовнице дело, Василий Иванович! Он через нее к моему домашнему компьютеру подбирался — хотел проверить, что в нем хранится и если хранится, то подправить кое-что.

— Это еще доказать надо. Ты, Сергей, лучше этого пока никому не говори — факты не проверены, да и свидетелей у тебя нет: вряд ли твоя бывшая подтвердит твои обвинения. Советую эту драку свести к простой разборке между мужиками: застал, дескать, другого мужика у своей пассии — это всем понятно и доказательств не требует. Ну, повздорили два мужика из-за бабы, что ж тут особенного. Выяснить, кто из вас в этом деле больше виноват,

вряд ли станут — это чистая бытовуха, а вот если ты Осипова в мошенничестве и похищении улик обвинишь, а тем паче в подлоге и присвоении казенных денег, то его папаша всех на ноги поднимет. А так мы его с другого бока прижмем — не отвертится!

Дорохов подумал, повздыхал и согласился.

— Ну, вот и ладно, с этим вопросом разобрались, — успокоился генерал — он то хорошо знал, что сражение выигрывает не сильнейший, а умнейший. — Теперь скажи мне, мил друг, ты, почему мою Нину Максимовну с Новым Годом не поздравил?

— Да, я... — замялся Дорохов и вспомнил, что день рождения крестного тоже «прогудел». — Я и не помню, как Новый Год встречал, да и твой день рождения пропустил...

— Значит, все-таки горе заливал! — усмехнулся Василий Иванович и, подойдя к «крестнику», приобнял его за плечи. — Мы с Ниной Максимовной за тебя переживали.

— Заливал, — покаялся Дорохов, — но с Вадькой Осиповым разбирался на трезвую голову... хотя и гудящую.

— Ты, Сергей, это дело бросай — веди себя сейчас потише и понезаметнее, а лучше уезжай на недельку подальше из Москвы, к морю, например. Заведи там курортный роман или напейся — вольному воля, только без звонка моего в Москву носа не показывай.

— Так я уже.

— Что уже?

— Ну, роман завел, — Дорохов расплылся в довольной улыбке, как чеширский кот. Спящий солдат в его брюках тут же проснулся от воспоминаний о ней, подскочил и в полной боевой готовности замер — жду приказа, готов «в атаку... в тепленькое... тесненькое... нутро моей сладкой девочки»... Дорохов аж зубами скрипнул, от того, как захотелось ему туда... назад к своей «сладкой девочке».

— Когда же ты успел? — удивился генерал.

— Да сразу после Нового Года — приехал в Сергеевку, а она там.

— О, как! Приехал домой, а тебя уже ждут. «Пришел, увидел, победил!» — генерал хлопнул Дорохова по плечу — одобрил. — Ну, и хват ты, брат!

— Не все так просто, Василий Иванович.

— А вот это, Сергей, хорошо!

— Чего ж хорошего?

— Поверь мне, старику: когда все просто и гладко, человека до конца не узнать, а вот когда наваливается на вас все сразу, то человек в трудной ситуации раскрывается полностью, до самого доньшка — чтобы преодолеть трудности, ему силы нужны: и физические, и душевные. А если нет у человека характера и души, то трудности его обязательно сломают. «Человек без характера слаб, а вот без души...»

— «Без души он не человек», — продолжил Дорохов любимое выражение своего отца.

— Правильно. Так что, если женщина стоящая — женись на ней, времени не теряй.

— Так сразу и женись?! — ершился «крестник». — Один раз уже попробовал — что из этого вышло, сами знаете! Нет, не везет мне с женщинами, Василий Иванович.

— О, да ты никак серьезно влип, друг мой, раз так неуверенно себя чувствуешь, — генерал улыбнулся и по-отечески ткнул Дорохова в бок. — Ты вот, что, Сергей, привози свою знакомую к нам, в гости — скажи, мол, заехать к старикам надо: поздравить с Новым Годом, а уж мы с Ниной Максимовной тебя не подведем — присоветуем. Вот сегодня вечером и приезжайте! Хорошего человека, его сразу видно и время знакомства здесь роли

не играет. Вот мы с Ниной Максимовной натретьи день в ЗАГС побежали и ни одной минутки не пожалели об этом, а уж нас Судьба помотала по стране — об одном жалею, что детей у нас нет: молодые были все думали успеем — не хотели детей с места на место таскать, а вышло...

Генерал склонил голову, чтобы скрыть заблестевшие влагой глаза.

— Василий Иванович, у меня к тебе еще одно дело, — Дорохов пошел к шкафу и стал рыться в карманах дубленки, давая время «старика» справиться с нахлынувшими эмоциями. — Я решил тут мальчонке одному помочь... — и он рассказал всю историю семьи Ватутиных. — Представляешь, каково детям — столько прислуги в их доме было, а теперь они совершенно одни: мать дни и ночи стонет, шестнадцатилетняя девица не знает, как яичницу приготовить — консервами питаются, а мальчонка совсем перепугался. Носом чувствую, что дело здесь не чистое — оставил папаша семью без копейки. Собрался развестись, поступи, как мужик: оставь все семье и начни новую жизнь. Ну, в крайнем случае, подели имущество пополам, но детей малолетних обеспечить — это же твои дети! Нет, все отнял у них, сволочуга!

— Да-а, подлецов среди нашего брата много... Но вот, что я тебе скажу, Сережа — не вмешивайся ты в это дело! Если уж очень пацаненка жалко — дай денег семье, но не влезай ты в эти криминальные разборки. Все они очень плохо кончаются, поверь старику.

Дорохов был упрям и привык не менять своих решений.

— Прости, Василий Иванович, но я уже все решил.

— Ну, раз так, — генерал взял со стола кожаную визитницу, перевернул несколько страничек с визитными карточками, — присоветую я тебе человека — это его профессия: разбираться в делах такого рода. Ты же со своим неумением и медвежьей прямолинейностью столько дров наломаешь, что потом тебя из-под завала спасать придется.

— Если этот человек опытный, то я буду только рад его помощи.

Генерал хитро прищурился и промолчал. Дорохов не придал этому значения и взял визитную карточку «опытного человека».

19

Дело, «упавшее» сверху, было Федину совсем не «в жилу». Он расследовал четыре убийства, и на «частный сыск» времени совершенно не хватало, но «просьба» начальства почти приказ для подчиненного и отказать «чужому» генералу не было никакой возможности.

Чертыхаясь про себя, Федин покорно выслушивал «заказчика» в своем кабинете в Следственном Комитете, изредка делая пометки в блокноте, и одновременно строя планы относительно своего отпуска:

«— Вот закончу неотложные дела — попрошусь в отпуск. Заберу Машку и Катерину, и поедим мы все вместе к теплему морю. После смерти жены прошло уже полгода — пора налаживать свою семейную жизнь. Налаживать, пока дочка не понимает происходящего: Машке нужна любящая мать, а мне жена. Конечно, теща будет против того, чтобы Катерина стала моей женой и матерью Машке — на место своей дочери она прочит другую женщину, но сердцу не прикажешь. Хотя я и не люблю семейных разборок, но ничего не поделаешь: придется убеждать и уговаривать Наталью Григорьевну — неправильно будет, если из-за взрослых разборок и непонимания Машка лишится еще и родной бабушки. А Наталья Григорьевна внучку свою любит — после смерти дочери она только для нее и живет...»

— Да вы меня не слушаете, — в упор глядя на понурого, вяловатого следователя,

напрягся Дорохов — такого невнимания к собственной персоне он не выносил.

Прежде чем ответить раздраженному полковнику ГРУ, Федин немного помолчал — хоть ты и старше меня по званию, а в своем кабинете я хозяин.

— Ну, это вам только кажется, Сергей Александрович, — растягивая слова, произнес он, заглянул в блокнот и пробежал глазами свои пометки. — По ходу вашего рассказа у меня к вам возникло несколько вопросов. Во-первых, где труп сгоревшего мужчины? И доказал ли кто-нибудь, что это труп именно Георгия Рудольфовича Ватутина? Во-вторых, почему вы приехали ко мне без единственного свидетеля этой так называемой аварии — мне необходимо расспросить эту женщину о подробностях увиденного. В-третьих, я должен знать: почему вы — именно вы, помогаете семье Ватутиных разобраться в этом «криминальном» деле.

Дорохов оторвал недовольный взгляд от серого усталого лица следователя и уставился в пол — он все равно не поверил в то, что его внимательно слушают.

Хотя оба мужчины были примерно одного возраста, но слишком отличались друг от друга по внешности и темпераменту, чтобы так сразу найти общий язык и понимание: один крупный, властный и импульсивный с короткой военной стрижкой, одетый в дорогие шерстяные брюки и кашемировый пуловер, другой высокий, худощавый, флегматичный и дотошный с торчащими на макушке непокорными вихрами, одетый в серый поношенный костюм с не выводимым масляным пятном на лацкане.

Поборов желание выйти из кабинета — рекомендация генерала кое-что да значила, Дорохов взял себя в руки и постарался говорить спокойно.

— Отвечаю на ваши вопросы, Константин Александрович: первое — где труп сгоревшего мужчины я не знаю — обратитесь в ГИБДД; второе — свидетельница в данное время работает, и поехать со мной к вам не смогла, а вот почему я — именно я, помогаю этой семье установить истину и найти пропавшие семейные деньги, не имеет к делу никакого отношения.

Гладко выбритая щека Федина едва заметно задергалась, но на его усталом лице раздражение не проступило — двум «медведям» было явно тесновато в одном кабинете, к тому же ни один, ни другой не желали принимать правила противника.

— Напротив, — не согласился «хозяин берлоги», испытывая к «гостю» двоякие чувства: уважение к поганам (ему служить до полковника еще ох как далеко) и умственное превосходство: нераскрытых криминальных дел для него не существовало (ну, почти не существовало). — Не зная мотива, по которому вы помогаете этой семье, Сергей Александрович, я вынужден буду включить вас в число подозреваемых, а это, как понимаете, мое затраченное на выяснения время, оторванное от нашего расследования.

— Меня в подозреваемые? — удивился Дорохов и внимательно посмотрел на следователя — не шутит ли? Следователь не шутил — усталость в его глазах никуда не ушла.

— Да, именно вас, — очень серьезно подтвердил «хозяин берлоги» — показал, таки зубы противнику.

— Но каким же боком вы присоедините меня к этому делу? — иронично поинтересовался полковник, широкой грудью наваливаясь на выдавший виды письменный стол — стол покачнулся под напором «медведя»: силы Дорохову было не занимать.

— Да очень просто, — старшему следователю Следственного Комитета даже не пришлось задумываться над таким простым вопросом: он с ходу придумал вполне правдоподобную версию — на то он и профессионал! — Вы, Сергей Александрович, вполне

можете оказаться любовником жены этого самого Ватутина. И именно вы могли заказать мужа своей любовницы — ну, мешает он вам наслаждаться жизнью — к тому же материальная заинтересованность: жениться на богатой вдовушке — это ли не мечта «настоящего полковника», а для того, чтобы отвести от себя подозрения вы сделали вид, что очень заинтересованы в поимке убийцы.

— Неплохо, — искренне восхитился Дорохов и протянул большие сильные руки через письменный стол. — Так арестуйте меня, Константин Александрович! Перед вами преступник — дело раскрыто!

Федин встал из-за стола, подошел к окну и приоткрыл форточку — несговорчивость «гостя» задевала его за живое.

— Это признание? — вяло спросил он, присаживаясь на широкий подоконник и закуривая сигарету.

— Это шутка!

— В отличии от вас, Сергей Александрович, я шутить не люблю — профессия, знаете ли, накладывает свой отпечаток: дело имеем все больше с трупами и с их плачущими родственниками, а они, знаете ли, как-то не расположены к шуткам.

— Но, обвиняя меня, вы же пошутили? — не сдавался Дорохов.

— Вовсе нет, к порученным делам я подхожу очень серьезно, — следователем Федин был опытным и поэтому быстро справился со своим раздражением и заговорил спокойно. — Вы же не сказали мне ваш мотив помощи этой семье — значит, я волен строить собственные предположения на этот счет. Хотя, сведения о вас мне все же придется собрать.

— Ну, хорошо, — Дорохов откинулся на спинку стула и «шутейно» поднял руки вверх. — Сдаюсь. Давайте будем считать, что моя помощь этой семье чистое меценатство. Семейю Ватутиных я раньше не знал и не имел к ней никакого отношения.

— Положим, что так, — Федин загасил в пепельнице сигарету, закрыл форточку и вернулся за стол. — Вы ведь понимаете, Сергей Александрович, что в ходе расследования многое выяснится и, если вы солгали...

— Я не лгал, — рыкнул «гость». — Ни я, ни Инна к семье Ватутиных отношения не имеем.

— Вот об этом я поговорю с вашей Инной... — «хозяин берлоги» заглянул в блокнот и перевернул назад одну страничку, — поговорю с Инной Павловной Новиковой. Кстати, вы не назвали ее рабочий телефон.

— Рабочий телефон ее я не знаю, — холодно произнес Дорохов и поднялся со стула.

Ему очень не хотелось вмешивать в свое расследование Инну — зачем ей все это: допросы, выяснения, поездки на место аварии и к вдове Ватутина — хватит того, что он во всем этом участвует. Он ни за что не хотел признаться себе, что попросту ревнует Инну к этому въедливому следователю в сером помятом костюме, да и к любому другому мужчине тоже. От одной только мысли, что она будет посвящать свое свободное время еще кому-нибудь кроме него, кровь закипала у него в жилах (почему-то Дорохов на сто процентов был уверен, что на работе Инна именно работает и там нет места симпатиям и флирту — к работе Инну он не ревновал, признавая за ней такое же право на увлеченность и занятость).

— Ладно, разберемся, — Федин не понял, почему так вдруг замкнулся полковник, но дал себе слово разобраться и в этом.

Попрощались они довольно холодно: доверительных отношений между ними так не возникло — да и не удивительно: две серьезные личности с трудом уживаются рядом, как

двум камням требуется долгое время для притирки.

Дорохов поехал в Сергеевку, а Федин, отложив текущие дела, поспешил выяснить все о трупке «неизвестного человека», сгоревшего в машине Георгия Рудольфовича Ватутина.

20

Местный морг не спешил избавиться от привезенного тела, если можно назвать телом обгоревшие останки, мало напоминающие человека, надеясь на то, что семья все же заберет «тело» и захоронит останки по-человечески.

— А что, отказываются? — поинтересовался Федин у пожилого служителя морга убирая в карман свое служебное удостоверение.

— Звоню им, звоню — все без толку.

Федин понимающе покивал головой и сделал пометку в своем блокноте: «выяснить, почему жена не спешит с похоронами?».

— Вы уж поберегите останки какое-то время — вдруг семья одумается и захоронит тело. Да и в интересах следствия не спешить с кремацией... Давайте, ка, я оплачу вам содержание тела, — предложил он, вынимая из кошелька и придвигая к служителю морга пятитысячную купюру.

— Да что вы... гражданин следователь, — растерялся служитель, с жадностью глядя на деньги и в то же время понимая незаконность даваемой «взятки».

— Берите, берите, — подбодрил Федин, усмехаясь комичности возникшей ситуации: старший следователь Следственного Комитета предлагает взятку должностному лицу. — Будем считать это добровольным пожертвованием работника правоохранительных органов на захоронение невостребованных покойников. Есть же у вас такие, невостребованные?

— Есть, гражданин следователь, — подобострастно закивал пожилой плотный мужчина. — Полно.

— Покажите? — сам не зная почему поинтересовался Федин — покойников он не жаловал.

— С большим удовольствием, — служитель смахнул тысячную купюру со стойки и изобразил на лице подобие улыбки.

После экскурсии по моргу и изъятию образцов тканей сгоревшего мужчины (для проведения соответствующих анализов и установления личности без протокола и понятий — для частного расследования оных не требуется, лишь свидетель служитель морга) Федин поехал к Ватутиной Валентине Николаевне в Беляево.

Но Валентину Николаевну дома он не застал — по словам дочери, она еще с утра ушла в магазин — и Федин вынужден был довольствоваться разговором с детьми Ватутина. Поскольку расследование смерти Ватутина велось частным образом, он посчитал для себя возможным получить показания от детей без надлежащих формальностей: присутствия родителей или взрослого, соблюдающего интересы ребенка.

Узнав, что Фебина к ним прислал Сергей Александрович Дорохов, мальчик так обрадовался, чуть ли не на шею бросился следователю и готов был рассказать обо всем, что его интересовало.

— Так значит, вы теперь здесь живете, — обвел взглядом небольшую комнату Федин, сплошь заставленную одинаковыми заклеенными скотчем коробками.

— Ага, здесь. Мама все никак коробки с нашими личными вещами не разберет — вот и приходится жить всем в одной комнате. Маленькая комната аж до потолка заставлена коробками, — похвалился Витек.

Мальчик был такой щупленький и болезненный на вид, что Федин невольно пожалел его — такие серьезные испытания выпали на его долю, что и взрослый то человек согнется, а он ничего, держится. Хотя, похоже, мальчик еще плохо понимал, что последует за их переездом из загородного особняка в эту «халупу» — по словам Властелины, а то бы не говорил об этом с таким энтузиазмом.

— Мне надо поговорить с вашей мамой, но раз ее нет... Может, вы ответите на несколько моих вопросов? — Витек и Властелина в разной закивали головами. — Вспомните, пожалуйста, когда последний раз вы видели своего отца?

— Да тут и вспоминать нечего, — вмешалась в разговор стоящая в дверях Властелина — в отличие от брата она хорошо понимала, чего лишилась с переездом в Беляево: ее тонкое лицо с правильными чертами было серо и недовольно. — Это было тридцать первого декабря в три часа дня, сразу после обеда, когда папулька уезжал на своей машине в город — мама с Витькой ему еще из окна на прощание махали. Помнишь?

— Ага, — мальчик кивнул головой и глубоко вздохнул — вспоминать об отце было грустно.

— И больше вы его не видели? — все же уточнил Федин, привыкший во всем добиваться точности.

— Нет, не видели, — совсем опечалился мальчик. — Он потом мне позвонил, поздравил с Новым Годом и сказал, чтобы я не очень расстраивался — подарок за ним. Мы хотели с папой в кино сходить на «Пиратов», а у него опять дела образовались, но он твердо пообещал, что после Нового Года сразу же в кино пойдем.

— Сделал нам папочка подарочек на Новый Год — на всю жизнь запомним!

Федина насторожила взрослая ненависть в голосе и глазах шестнадцатилетней девушки — в ее возрасте думают о нарядах и мальчиках, а не с таким сарказмом обсуждают поступки родителей. Эта неприкрытая ненависть девушки спугнула какую-то важную мысль в голове Федина: что-то он собирался спросить у мальчика...

Но вот что?

Поговорив еще немного с детьми и угостив их жевательной резинкой (от которой Властелина презрительно отказалась, а Витек взял сразу три), Федин засобирался в прокуратуру — ждать Валентину Николаевну он больше не мог.

— Когда ваша мама придет, передайте ей мой телефон и попросите ее позвонить. Мне все же хотелось бы с ней поговорить — дело касается вашего отца.

— А вы его найдете? — Витя наивно верил, что его отец просто пропал. Пропал на время, но обязательно вернется — ведь он обещал сходить с ним в кино, а обещания свои «папулька» всегда выполнял.

— Я постараюсь, — нехотя пообещал Федин, хотя несбыточных обещаний старался не давать.

— Кому он нужен, твой папочка! Лучше деньги найдите, — язвительно потребовала Властелина. — Деньги, которые он у нас украл!

— Деньги искать сложнее, чем человека, — задумчиво произнес Федин, стараясь вспомнить, о чем же он хотел спросить мальчика. — Существуют множество способов превращения денег в драгоценности и ценности, в предметы искусства и коллекционирования, вывоза наличных денег за границу и перевода в зарубежные банки — проследить такие операции практически невозможно: на купюрах не указано имя прежнего владельца, что затрудняет поиск.

— Вы меня за дурочку держите, да? — злобно оскалилась Властелина, моментально превратившись из агрессивно настроенной девушки в молодую агрессивную волчицу (Федин, как медведь, тут же почувствовал перевоплощение в зверя). — Такую огромную сумму в чемодане через границу не перевезешь, да и ценности через границу вряд ли пропустят, так что если он сбежал, то деньги перевел через банк. Проследить эту операцию не составит труда — папулька имел дело только с одним банком: «РусКэпиталБанк» — там его закадычные друзья-приятели верховодят. Вот там наши денежки и ищите! Кстати, в этом году я поступаю на юридический факультет — значит, мы с вами, господин следователь, почти коллеги, поэтому не надо мне морочить голову всякими сказками. Не знаю, как матери, а мне нужны только деньги! Вы поняли, гражданин следователь? Деньги!

«— Вот так смена подрастает! — не то с сожалением, не то с восхищением подумал Федин — иметь эту ушлую девицу в коллеггах ему почему-то не хотелось».

21

Валентина Николаевна Ватутина домой не спешила.

Зачем?

Что она забыла в этой убогой крошечной квартирке на краю света?

Разве что детей!

Но о детях она сейчас не думала...

Как-то так получалось, что о детях она вспоминала в самый последний момент, когда черная пелена безысходности почти смыкалась у нее перед глазами. Вспоминала и понуро тащилась к так называемому дому, не затем, чтобы накормить детей и позаботиться о них, а потому, что так надо... Кому надо?... Зачем надо?..

Целые дни она без цели бродила по городу, заходя греться в доступные для нее теперь магазины и подолгу простаивая у нарядных витрин бутиков — раньше она входила туда, как хозяйка, обдавая вполосившихся продавщиц шлейфом дорогих французских духов и поражая количеством драгоценностей на руках и шее, а теперь... Теперь она находилась с другой стороны привычной шикарной жизни и с завистью смотрела через стекло, как эта недоступная для нее жизнь теперь проплывает мимо.

О чем думала Валентина Николаевна в такие моменты лучше никому не знать — отчаяние охватывало ее мозг, безысходность заполняла ее душу и разогнать эту серую тягучую массу могла лишь бутылка водки. С водкой беспросветная жизнь Валентины Николаевны становилась не такой беспросветной и тяжелой: пропорционально выпитому алкоголю настроение поднималось, уходили проблемы, и казалось, что в ее нынешнем безвыходном положении еще не все потеряно, и что еще можно вернуть ту ушедшую, привычную ей жизнь — надо только собраться с мыслями, постараться и придумать, как это сделать.

Но собраться с мыслями и придумать что-то конкретное у Валентины Николаевны не получалось: после третьей рюмки воспоминания о прошлой жизни обрушивались на нее, как горный поток, унося ее из реальной жизни от навалившихся проблем и нищенского существования к далеким берегам прошлого. Ей бы перестать убиваться по утерянной жизни, разобраться в себе, определить цель в жизни и чем-нибудь заняться — постараться сдвинуться с мертвой точки, сделав хотя бы крошечный шаг вперед, если не ради себя, то хотя бы ради детей.

Но нет! Отречься от прошлых воспоминаний и смириться со своим нынешним положением Валентина Николаевна не хотела! Не хотела понимать, что все изменилось в ее

жизни и что для того, чтобы получать деньги — надо работать! Валентина Николаевна почему-то думала, что ее нынешнее положение, это не настоящая ее жизнь, а так, игра, что кто-то обязательно придет ей на помощь, пожалеет ее, взмахнет волшебной палочкой и все обязательно станет на свои места, и все будет, как раньше: появится и дом, и деньги, и безбедная, беззаботная жизнь.

Однако, дни проходили за днями, но никто не приходил ей на помощь, никто ее не жалел и волшебной палочкой перед ее носом не размахивал — прошлая, сытая, денежная жизнь все отдалялась и отдалялась, а реальная жизнь с нищетой и одиночеством ей была не нужна.

Вот не нужна и все!

На какой-то стадии своих переживаний Валентина Николаевна еще хотела обратиться за помощью к друзьям, но оказалось, что настоящих друзей у нее нет! А нищие назойливые попрошайки никому не нужны! Например, ей они никогда не были нужны — раньше она просто не замечала попавших в бедственное положение людей, оставляя их мольбы без внимания. Теперь и она оказалась в таком же безвыходном положении и вынуждена была молить о помощи. Она попыталась позвонить одной подруге, потом другой, потом третьей, но телефоны подруг, словно сговорившись, не отвечали. Тогда она начала звонить друзьям мужа, оставлять сообщения с просьбой о помощи, но и они не соизволили поговорить с ней. Эта поголовная изоляция окончательно добила Валентину Николаевну — ее безвозвратно выбросили из прежней жизни!

Что ей теперь делать?

Как жить?

Да и зачем?..

22

В гости к Василию Ивановичу и Нине Максимовне Савельевым Дорохов и Инна приехали, как и было назначено, с военной точностью: ровно в восемь. Но хозяина дома не было, и поздравлять с прошедшим Новым Годом и дарить подарки ему пришлось только хозяйке (подарки для хозяина остались лежать в другом пакете — хорошо, что Инна положила их в разные пакеты, а то бы Дорохов обязательно что-нибудь перепутал).

С подарками, как всегда, у Дорохова возникла проблема: вернее, с подарком крестному он определился быстро — купил дорогие подарочные нарды из слоновой кости с инкрустацией слоновой костью по деревянной доске, а вот подарок для Нины Ивановны вызвал у него полнейшую растерянность, граничащую с шоковым состоянием. Инна тут же пришла на помощь «настоящему полковнику» и, взглянув на цену нарды, присвистнула, а потом прочитала Дорохову короткую лекцию о покупке подарков.

— Подарок жене не должен быть по цене ниже, чем подарок мужу. Некоторые женщины очень трепетно относятся к подаркам, даже обижаются, если подарок не оправдал их ожидания.

— А ты?

— При чем здесь я?

— Ну, ты любишь подарки, — поинтересовался Дорохов (на всякий случай), — или ценишь внимание, а не сам подарок.

— Конечно, приятно получать подарки, — мечтательно произнесла Инна и вздохнула — давно ей никто ничего не дарил, — а вот дорогие... лично мне получать такие подарки не очень удобно, я чувствую себя обязанной и стараюсь в ответ тоже подарить дорогой подарок

и получается, что он не от души подарен, а зависит от цены. А ты любишь подарки?

— Не знаю... Мне особо их и не дарили — Василий Иванович с Ниной Максимовной дарят все нужное: свитер, рубашки, кофеварку... на работе тоже что-то полезное: видеореги­стратор, чехлы в машину, полироли для торпеды... Ну, в общем все нужное.

— Я тоже дарю что-нибудь нужное и для души: например, подруге подарила тостер с грилем, шапочку с перчатками и лото, такое с деревянными боченочками. Мы потом с ее детишками все вместе в него играли...

— Подарки покупать — это не по мне, легче смету по строительному объекту составить.

— А мне нравится. Нине Максимовне на такую же сумму подарок будем покупать? — лукаво улыбнулась Инна.

— Не-е, это я в качестве извинения размахнулся, — пояснил провинившийся крестник. — У Василия Ивановича день рождения двадцать пятого декабря, а я пропустил.

— Отмечал свое увольнение, — догадалась Инна.

— Ну вот и ты ругаешься, — насупился Дорохов, — сказал же не буду больше.

— Не будешь, не будешь, — поверила Инна, взяла его руку и приложила к своей щеке. — Ко дню рождения Василия Ивановича ты подарок выбрал, пойдем выберем им подарки с Новому Году, Солнце мое ясное.

Дорохов сделал шаг за Инной, но услышав «солнце мое ясное» замер на месте... Откуда она узнала, что мама в детстве называла его именно так: «Солнце мое ясное»... Это «солнце» прочно прилипло к нему еще в суворовском училище и на все время учебы в военном, только в академии его так уже никто не называл, остерегался, да и «солнышком» он перестал быть: редко улыбался, ни с кем дружбу не водил и никому не помогал — в общем, как она там его называла: «Медведь! Бурбон! Монстр!». Тогда откуда «Солнце мое ясное»?..

— Ты что остановился? — тянула его за собой Инна. — Если Василий Иванович любит жарить шашлыки, то подарок ему я уже присмотрела: такой небольшой чемоданчик, а в нем шампура, ножи для разделки мяса и рыбы и топорик! Это нужное, а для души...

— Бутылку армянского, — идя за Инной проворчал Дорохов, сто процентов уверенный, что покупку горячительного она не одобрит.

— Подходит! Только ты сам выбирай, я в коньяках не очень... и сталь у ножей надо проверить, и чтобы шампура не гнулись...

Дорохов остановился, притянул Инну за руку к себе и поцеловал в губы — опять он ошибся: она не оправдывала, а превосходила все его ожидания!

— Сережа, прекрати, — отстранилась Инна, смущенно поглядывая по сторонам. — Нам еще для Нины Максимовны подарки выбирать, а ты глупостями занимаешься...

— Никакие это не глупости! — возразил Дорохов, обнял Инну и снова поцеловал. — А за подарки не волнуйся, купим — это оказывается так просто...

Прочно усевшись в кресле в гостиной в ожидании хозяина, Дорохов вытянул из стопки журналов на столике журнал об автомобилях и преувеличенно громко стал его перелистовать, а Инна пошла на кухню помогать хозяйке.

— Нина Максимовна, командуйте, что нужно делать.

— Да нет, Инна, спасибо. Все готово! Разве что на стол накрыть, мой генерал отзвонился, через минут десять прибудет.

Подхватив тарелки, Инна поспешила в столовую, поставила тарелочки с нарезкой в

центр стола и вернулась на кухню.

— Простите за нескромный вопрос, Инна, — обратилась Нина Максимовна к гостье, — а что вам Сереженька на Новый Год подарил? Люблю чужие подарки рассматривать.

— А-а-а, — замялась Инна, — ничего. Мы с ним на следующий день после Нового Года познакомились.

— Значит, ничего, — покачала головой хозяйка. — Все мужчины одинаковые — пока сама не намекнешь, они и не задумаются. Вот я Сергея отругаю!

— Нет, Нина Максимовна, не надо! — вступилась Инна за Дорохова. — Мы с ним всего-то несколько дней вместе... да и то «вместе» ли, я пока точно не знаю.

— А что ты так всполошилась? — улыбнулась хозяйка. — Я же его не бить собираюсь, а уму-разуму поучить.

— Он и так умный, — вздохнула Инна, — только непонятливый.

— Вот и бери все в свои руки, а то генеральшей никогда не станешь: если мужик один раз развелся, то в ЗАГС его затащить будет, ох, как сложно. А Сережка наш никого не слушает — все сам да сам! Вот и получил по полной...

— А меня слушает, — похвалилась Инна и, наклонившись к хозяйке зашептала: — только мне его укусить пришлось.

— Вот это по-нашему! — усмехнулась Нина Максимовна. — За подарки тебе спасибо, угодила — я давно к этим маленьким немецким кастрюлькам присматриваюсь, а то в большой кашу себе варишь, а она по дну размазывается.

— Это мы вместе...

— Ну да, ну да, — усмехнулась Нина Максимовна, — ни за что не поверю, что Сережка кастрюльки выбирал и палантин примерял. Для наших с тобой мужиков "Палантин" — это российский комплекс радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Вот так то, дорогая! Бери бокалы, а тарелки, а то мой генерал пожаловал — будет ругаться, что стол не готов.

Подаркам генерал обрадовался и на радостях предложил распить подаренный коньячок. Дорохов сначала отказывался, поглядывая на Инну, но после ее одобрительного кивка расслабился — ну, что за женщина! Клад!

Выпив пару рюмок, Дорохов вдруг вспомнил, что он за рулем и растерянно посмотрел на свою спутницу — придется вызывать трезвого водителя, но Инна напомнила ему, что она тоже умеет водить машину. От этого напоминания спина полковника покрылась липким потом — машину свою он никому не доверял, а здесь новичок! Да еще женщина! Отказать? Обидится! А обижать Инну он не хотел — она ему вон как помогла с подарками, да и вообще... Про «сладкое вообще» ему напомнил его "спящий солдат", проснувшийся при мыслях о ней, поспешивший прийти в боевую готовность — "вперед, в атаку... в тепленькое, тесненькое нутро своей сладкой девочки..." Ну, разобьет она его машину — что делать, починит!..

И опять ожидания Дорохова не оправдались! Его любимый джип стоял у ворот дома целый и невредимый (хоть и ехали они с черепашьей скоростью, и всю дорогу Дорохов сжимал кулаки и зло поглядывал на обгонявшие их машины, но до дома они добрались без приключений и аварий).

23

— Ты есть будешь? — спросила Инна, выкладывая из пакета контейнеры с едой и нарезкой. — Нина Максимовна столько всего надавала с собой!

— Конечно буду! — скидывая на пол дубленку в прихожей пробубнил Дорохов, — но

потом! Сейчас мне надо скинуть напряжение, а в этом мне поможет только секс!

— Секс со мной или с любой бабой?

На такой вопрос Дорохов слегка обиделся.

— Секс с моей сладкой девочкой — извелся весь ожидаючи этой минуты...

Он подхватил брыкающуюся Инну, закинул к себе на плечо и понес на второй этаж в спальню, поглаживая и похлопывая такую соблазнительную попку.

— Советую сдаться, — предложил он ей, укладывая ее на кровать и в нетерпении стягивая с нее платье, — а то придется покупать новую одежду.

— Сдаюсь! — засмеялась Инна, обнимая его за шею и притягивая к себе. — Плевать на одежду!..

— И еще... сразу предупреждаю... сначала я тебя «отымею, чтоб не сдохнуть», а второй раз уже поласкаю...

Инна засмеялась и с хитрющим видом согласилась.

В нетерпении Дорохов хотел взять ее резко, сразу до конца, но вспомнил, что... «больно», пожалел свою женщину и стал входить короткими толчками... на третьем понял, что что-то не так...

— Мокренькая, — разочарованно констатировал он, обижаясь, что она не предупредила, тогда бы он не осторожничал и ее не жалел. — И когда только успела...

— Когда ты меня нес и по попке хлопал... представила, как ты меня будешь жестко «иметь, чтоб не сдохнуть»... А-а-а...

Мощным толчком он вошел в нее до конца, поднажал, зарычал от наслаждения и тесноты внутри нее, и от души начал ее «иметь, чтоб не сдохнуть», доказывая ей свою мужскую силу, одновременно «мстя» за ее обман и обижаясь на вопрос о других бабах — неужели она сомневается в нем и не понимает, что только с ней он такой... открытый, ласковый, ручной косолапый мишка...

Отработал Дорохов на все двести процентов, аж «пар из ушей пошел» — вот как старался... и она оценила — два раза «удовлетворилась», он видел ее прикрытые глаза, закусенную губу, чувствовал тугое сжатие мышц... и это ему было приятно. Значит, он не подкачал, удовлетворил свою женщину на двести процентов — не зря старался. Но даже после такого «бешеного траха» и полной разрядки обида на нее осталась...

И Инна поняла это, погладила по груди — поблагодарила за доставленные удовольствия и, не приближаясь, спросила:

— Кто ж тебя так обидел, Сереженька, что ты на всех женщин обижаешься?

— Я не на всех, — проворчал Дорохов, хотел замолчать, но пояснил: — Запомни — ты для меня не все! И еще... я мужик верный и, если у нас отношения, то другие бабы мне на хрен не сдались...

— А у нас отношения? — перебила Инна и повернулась к нему, привстав на локте.

— А нет?

— По-моему, ты ничего не говорил мне о наших отношениях.

— А, что, должен был, как пацан, спрашивать — «Будешь со мной встречаться?». Или сразу — «Будешь со мной трахаться?». Секс для тебя не повод для знакомства?

— Не надо меня обижать... Мне очень хочется, чтобы у нас были отношения, но ты молчал... Вот я и подумала, что тебе нужен только секс — секс с тобой просто высший класс! А отношения со случайной знакомой не нужны...

— Не мели чепухи! Никакая ты не «случайная знакомая»... Ты моя женщина! Я

подумал, что тебе отношения не нужны, раз ты про других баб спрашивала.

— Ты тоже не мели чепухи! Я не дура — отказываться от такого классного мужика — Новогодний Подарок Деда Мороза хорошей девочке!

— Значит, я подарок? — удивился Дорохов — с его то тяжелым характером, постоянной работой, с проблемами и подарок? — он считал по другому... — Тебе виднее...

— Давай, мириться, — придвигаясь к нему и устраиваясь на его плече, предложила она. — Нам, женщинам, надо обо всем конкретно говорить, а то мы такого себе напридумываем...

— Понял.

— Ты про второй секс с ласками не забыл? Ты обещал...

Инна засмеялась, а Дорохов застонал.

— Опять? Тебе одного такого траха мало? Ты все еще меня хочешь? Дай, отдохнуть мужику и поесть принеси, для восстановления сил! Ненасытная моя...

— Хорошо, хорошо... ночь у нас дли-инная...

О том, что секс бывает многоцветным и «улетным» дожив почти до тридцати с хвостиком Дорохов тоже не знал. И дело было не в самом сексе: «механическом движении для получения удовольствия», а в том человеке, с которым ты этим «механическим движением» занимаешься... Если рядом с тобой «твой человек», который отдает тебе частичку своей души и вверяет тебе свое тело, и ты принимаешь этот дар и в ответ даришь ей себя и открываешь свою душу, то простой секс расцветивается любовью и дарит неповторимые наслаждения...

Сливаясь воедино, вы становитесь единым целом, с единой душой и телом, вы вместе дышите, двигаетесь, чувствуете, ваши сердца стучат рядом в одном ритме... Это ли не близость с другим человеком? В полноте этого слова, близость физическая и душевная, когда ты можешь полностью отдаться человеку в его власть, испытывая при этом не только наслаждение, но и счастье от близости с ним, не требуя ничего взамен и не прося никаких обещаний, когда ты можешь открыться ему, доверяя даже больше чем себе, рассказав самое тайное и выстраданное, что прячется в потаенном уголке твоего сердца. «Занимаясь любовью» радуется не только тело, но и поет душа...

Ее безграничное доверие к нему Дорохов чувствовал — она полностью отдалась в его власть и была счастлива. Это немного пугало и восторгало его одновременно. Он был горд и счастлив этим доверием и хотел, чтобы так было всегда!

А Инна была просто счастлива в эти минуты близости с ним, потому что влюбилась, по уши, как девчонка, в этого большого, умного и грозного на вид мужчину, с его служебными проблемами, житейскими неурядицами, напускной строгостью и сиротливой независимостью. Влюбилась и не желала расставаться с ним ни на минуту, понимая, что за этой последней, колдовской ночью любви и страсти наступит утро, и она вынуждена будет покинуть этот дом, ставший для нее почти родным, а главное, она должна будет расстаться с ним — со своим Новогодним Подарком, выпрошенным ей в волшебную, новогоднюю ночь, посланным ей в награду милостивым, зимним Чародеем, услышавшим ее мольбы и сжалившимся над ее безрадостным существованием. Сколько продлится эта прощальная ночь любви? Она хотела, чтобы эта «ночь любви» никогда не кончалась!

Когда за окном посерело, они все еще не могли оторваться друг от друга: поцелуи были такими же страстными, объятия жаркими, ласки возбуждающими.

— Подожди, — вспомнив об очень важном: «бери все в свои руки, иначе никогда не

станешь генеральшей», с трудом разомкнула она свои объятия и отстранилась от жаркого мужского тела, решив проверить слова Нины Максимовны. — Сережа, а что такое «палантин»?

— Палантин? — Дорохов замотал головой, пытаясь «включить мозг». — Это российский комплекс радиоэлектронной борьбы... А тебе это зачем?

— У меня для тебя подарок... — решила она сделать первый шаг и «взять все в свои руки».

Завернувшись в плед, на носочках Инна сбежала на первый этаж отыскивала в сумке приготовленный подарок и бегом вернулась в спальню. Сбросила плед и нырнула под одеяло, прижалась к своему мужчине всем телом и застыла на минутку, стараясь запомнить это радостное мгновение и ощущение его тепла.

— Я купила их еще вчера, когда ты уезжал по делам к своему генералу... — Инна достала из коробочки две связки ключей с разными брелками. — Это ключи от моего дома, — пояснила она, — вот эти с солнышком я возьму себе — глядя на брелок-солнышко буду всегда вспоминать тебя, Солнце мое ясное, а эти с луной твои — глядя на брелок-луну будешь вспоминать меня и наши волшебные, новогодние ночи. Приезжай, когда захочешь или когда сможешь... Я тебя всегда буду ждать!

Дорохов опешил — так просто она решила проблему, над которой он размышлял уже два дня.

— Я не хочу расставаться, — прошептал он ей на ухо и поцеловал.

— И я не хочу, — вздохнула она, — но у нас работа...

— А ты не можешь бросить эту работу к чертовой матери? — он хотел, чтобы она принадлежала только ему и зависела только от него — тогда бы она от него никуда не далась.

— И что я буду делать?

— Ждать меня. Я приду, и мы опять будем вместе!

— Сережа, я не рабыня, чтобы сидеть взаперти и ждать своего господина — у меня есть своя жизнь, да и на роль рабыни я не согласна.

— А зря, — вздохнул Дорохов — она опять не подчинилась и захотела все сделать по-своему, — мне было бы куда спокойней, сиди ты под замком в моей квартире.

— Даже не мечтай! — рассердилась Инна — такого мужского эгоизма она не понимала, хотя, с другой стороны, она с большим удовольствием стала бы затворницей, если бы он «затворился» вместе с ней. — Завтра и у тебя много дел — тебе надо решить свои вопросы. Поэтому, откладываем разговоры и спать!

— Я не хочу спать! Я хочу тебя!

— Товарищ полковник! Руки по швам!

— Ну, уж нет! В этом вопросе я твой командир!

— Ладно, подчиняюсь, Солнце мое...

И, конечно же, они проспали, и Инна быстро-быстро покидала в сумку свои вещи, и побежала в душ, а Дорохов пошел следом, скинул одежду, вошел в душ, прижал ее к себе, и она, почувствовав его «твердое желание», засмеялась, прижалась к нему всем телом и отдалась в его власть, и через полчаса она уже не просто опаздывала, а опаздывала катастрофически, но даже это катастрофическое опоздание не смогло сделать ее менее счастливой и менее удовлетворенной.

Инна поцеловала Дорохова на крыльце и побежала к машинке, и он снова пошел

следом, и она бросила сумку на снег, и вернулась к нему, и обняла за шею, и прижалась, и целовала, целовала, целовала, не в силах оторваться от него... такого родного, близкого и любимого...

24

Вернувшись в огромный дом, построенный по его собственному проекту (домом он гордился: все было продумано и рассчитано под него, каждая комната, лестницы, даже двери были больше стандартных), Дорохов почувствовал одиночество и, как медведь-шатун, забродил по пустым комнатам: включил телевизор в гостиной, порылся в холодильнике на кухне, посидел на кровати в спальне...

— Нет, это совсем никуда не годится! Она должна быть здесь! Рядом со мной! Иначе, что же это за жизнь будет?!

Но собраться и поехать к Инне просто так, без повода, он почему-то не мог. Если без повода, значит он не выдержал разлуки, и приехал, и сдался, а мужская гордость не позволяла ему быть слабым, зависимым от нее и разнюнившимся.

Дорохов взял со стула ее халатик, понюхал, жадно вдыхая ее запах — пи*дец, как пахнет! подержал его в руках и улыбнулся — разве это не повод для поездки к ней: она забыла свою вещь, а он, как заботливый хозяин, увидел и привез. И он снова, но уже с энтузиазмом, «забродил» по комнатам, собирая забытые ей вещи. Вещей собралось немного, но это было уже не важно — повод был, и Дорохов засобирился в Москву.

Ему вдруг захотелось сделать ей подарок, и он заехал в торговый центр, прошелся по этажам, разглядывая витрины. В одной из витрин он и увидел его — большого бурого мишку с красным бантом на шее.

— Это для души, — улыбнулся Дорохов, заходя в павильон, — теперь надо выбрать для пользы...

Он посмотрел по сторонам и понял какой вещицы не хватает в квартире его избранницы.

С букетом, с подарками, забытыми вещами и пактами с продуктами Дорохов вошел в подъезд, поднялся на лифте на седьмой этаж, открыл дверь ее квартиры своими ключами и осторожно вошел в прихожую. Осмотрелся...

Крохотная стандартная двушка с маленькой прихожей, крохотной кухонькой и такими же крохотными комнатками — куда ей до его новенькой стометровой трешки с двумя балконами и двумя туалетами на Мичуринском проспекте, но приглашать Инну жить с ним в его квартире, где еще недавно обреталась другая женщина, Дорохов не решился, если честно он даже не предложил ей жить вместе, как-то не подумал о том, что надо будет что-то решать: его вполне устраивало их совместное житье в его загородном доме. О том, что дом не полностью его, он тоже не подумал, и не подумал о том, что скоро приедут его бывшая жена с нынешним мужем и ему, возможно, тоже придется уехать из этого, ставшего «их», дома.

Вздыхая и «примеряя» все для своей «габаритной» фигуры, Дорохов прошелся по квартире.

— Да-а-а, маловата квартирка... — покачал он головой.

Правда, диван в «гостиной» был большой и кресло его размера, а вот кровать в спальне рассчитана была на одного человека, хотя, если потеснее прижаться... От этих мыслей Дорохова бросило в жар, «спящий солдат» в его штанах проснулся, встал и запросился «в атаку... в тепленькое, тесненькое нутро сладкой девочки», и он поскорее перебрался на

кухню, стал готовить ужин для двоих.

Однако его грандиозным планам по завоеванию и освоению нового плацдарма не суждено было завершиться...

— Ты чего на звонки не отвечаешь? — набросился на Дорохова Василий Иванович. — Все милуешься?

— Да нет... Я тут в Москве... — оправдывался бывший полковник перед бывшим начальством. — По делам.

— Это хорошо, что в Москве! Пулей ко мне! Завтра в верхах твое дело будут рассматривать... Так что у нас с тобой на все-про-все шестнадцать часов и два на сон.

— Уже завтра?

— Поторопись, Сергей, и материалы все привези — подумаем, как за тебя побороться и восстановить в должности...

Дорохов поспешил выполнять приказ, но на пороге кухни остановился — романтический ужин на двоих (со всеми вытекающими из него последствиями) отменяется... Служба!

Написав записку на салфетке, Дорохов выключил газ и спешно покинул завоеванный, но не освоенный плацдарм, то бишь квартиру.

Вернувшись с работы в начале десятого, Инна открыла дверь квартиры и ахнула: в прихожей на круглой табуреточке сидел большущий коричневый мишка с красным бантом на шее, а на столе на кухне красовался букет алых роз. Рядом с вазой стояла пепельница, а под пепельницей записка:

«Прости. Срочно вызвали. Завтра рассматривается мое дело. Ужинай без меня. Ночью не приеду. Люблю! Целую!»

Инна опустила на стул и прижала к груди записку...

25

— Дяденька следователь, мне страшно, — заныл в трубке тоненький мальчишеский голосок, и Федин сразу же узнал Витюшу Ватутина — других детей в его расследованиях просто не было.

— Здравствуй, Виктор. Что у вас там случилось?

Федин специально назвал мальчика взрослым именем для придания тому уверенности — прием сработал: Витек «выразительно» шмыгнул носом последний раз и перестал ныть.

— У нас, дяденька следователь, мама пропала, — вполне разборчиво произнес мальчик, и Федин понял, какого труда ему стоило сдерживать рвущиеся наружу слезы беспомощности. — Позавчера утром ушла в магазин и до сих пор не вернулась.

— А до этого она всегда домой ночевать приходила?

— Всегда приходила... — голос мальчика совсем ослаб, — только пьяная совсем.

— Та-ак, а сестра твоя старшая где?

— К Борису Яковлевичу поехала: в нашу московскую квартиру на Никольскую — может, он знает что-нибудь о маме. Вот она и поехала...

«— С чего бы это посторонний мужчина должен что-то знать о его матери? — удивился про себя Федин, но спрашивать у мальчика ничего не стал».

— Дяденька следователь, — вновь раздался в трубке слезливый мальчишеский голосок, — скажите, пожалуйста, как мне Сергея Александровича найти? Он мне прошлый раз сказал: «если что случится, парень — звони» и номер своего мобильного дал, только Власка его номер выбросила, сказала, что нам чужой дядька не нужен. А я думаю, что

Сергей Александрович мне совсем не чужой: мы с ним и с Инной Палной в Макдоналдс ходили, и на праздничные развлечения тоже и даже приз выиграли за бег в мешках... А еще кораблики строили — целый флот. Вот я и подумал, какой же он мне чужой, раз мы с ним подружились.

— Сейчас, Витя, я найду его телефон... — Федин поискал в записной книжке телефон Дорохова и продиктовал его мальчику — он всегда дублировал свои записи: мало ли что случится с телефоном, а лишаться нужных номеров довольно неприятно. — Хочешь, я сам позвоню Сергею Александровичу и обо всем расскажу?

— Не, я сам, — довольно бодро ответил мальчик, быстро учась самостоятельности.

— Ну, смотри, сам — так сам. Только пообещай мне позвонить, Виктор, как только что-нибудь станет известно о твоей маме.

— Ладно, дяденька следовательно, позвоню.

Пожалев, что за эти несколько дней он так и не поговорил с вдовой Ватутина, Федин положил трубку, но сосредоточиться на работе уже не смог: предчувствие беды ледяной рукой сжимало его сердце — ох, не к добру эта Валентина Николаевна бросила детей одних! Не к добру!

Достав из ящика стола свой блокнот с записями, он полистал странички.

— Борис Яковлевич у нас кто? Ага, нашел... Борис Яковлевич Либман — юрисконсульт транспортной фирмы Ватутина. Зачем Валентина Николаевна могла поехать к юристу, да еще на свою бывшую квартиру? И почему Властелина решила искать мать именно у Бориса Яковлевича? И главное, какое отношение юрисконсульт фирмы имеет к семье хозяина?

Эти вопросы не давали Федину покоя.

Он вспомнил свою недавнюю встречу с Либманом — типом весьма ушлым и скользким, хотя Федин сразу же отметил его холеное обаяние и вежливую небрежность — дамы должны любить такого мужчину.

После вежливых расшаркиваний Борис Яковлевич во всех красках обрисовал ему картину случившегося в семье Ватутиных, ссылаясь при этом на других людей, имена и телефоны которых Федин тщательно записывал в свой блокнот. Ничего в словах и действиях юриста не насторожило Федина, ничего, кроме его реакции на генетическую экспертизу останков мужчины, сгоревшего в машине Ватутина.

— Зачем нужна эта экспертиза? — искренне удивился Борис Яковлевич — профессиональная сдержанность на этот раз его подвела. — Разве без нее не все ясно?

Сидящий напротив Федин явственно ощутил испуг, волнами исходивший от преуспевающего юриста. Что за странные вопросы он задал — ему ли не знать, для чего нужна генетическая экспертиза.

— Надо быть уверенным на сто процентов, что Георгий Рудольфович Ватутин именно тот сгоревший в машине человек.

— Ну да, ну да, — забубнил Борис Яковлевич, стараясь придать лицу безмятежное выражение, — только подвергать детей такой процедуре, по-моему, бесчеловечно.

— Не согласен — ничему болезненному подвергать детей не надо: для экспертизы достаточно волоска или немного слюны ребенка.

— И вы уже взяли... образцы тканей сгоревшего в машине человека?

— Нет, не успели... — Федин соврал, желая посмотреть на реакцию Бориса Яковлевича, в одну минуту попавшего из добропорядочного свидетеля в главные подозреваемые по делу. — Надо поехать в морг при местной больнице, да времени не

хватает. Может, составите мне компанию?

— Я??? — Борис Яковлевич, как ужаленный, подскочил в кресле, бледнея прямо на глазах. — Простите великодушно, но занят. Очень занят.

Наглое и циничное вранье Федина в этот же день дало неожиданный результат: вечером ему позвонил служитель морга и сообщил, что тело сгоревшего в машине человека в этот же день кремировали.

— Кто же это разрешил? Помнится, мы с вами договаривались, что вы тело побережете.

— Так не моя смена была, гражданин следователь! Я бы вам обязательно позвонил! Но из полиции насчет тела никаких официальных указаний не поступало — вот мой напарник и распорядился... К тому же сама жена приезжала, гражданин следователь. Санек сказал, что спешила очень — вот в этот же день и кремировали.

— Точно жена?

— Жена, жена — я лично квитанцию смотрел.

«— Хорошо, что я образцы тканей с тела взял и соответственно оформил, а то бы... Чего же ты так испугался Борис Яковлевич? И как же тебе так быстро удалось заставить обиженную на мужа вдову столь поспешно действовать... в твоих интересах? — размышлял тогда Федин, но ни одной стоящей версии в голову не приходило».

И вот спустя два дня ему снова приходится возвращаться к этим же вопросам.

Что могло связывать Бориса Яковлевича Либмана и Валентину Николаевну Ватутину? Уж точно не дела компании мужа. Кто на кого имел влияние? Скорее всего мужчина на женщину — в этот же день тело погибшего супруга кремировали. Вот поэтому дочь Ватутина на поиски матери поехала именно к юрисконсульту компании — даже ребенок знает об их тесном «сотрудничестве».

26

Звонок от Бориса Яковлевича лишь обострил ситуацию.

— Константин Александрович! — волнение лишило голос юриста привычного обаяния: он стал резким, каркающим. — Скорее приезжайте на Большую Никольскую! Валентина повесилась у меня в квартире, и меня теперь могут обвинить в убийстве! А вы могли бы разобраться с приехавшими ментами, объяснить им что я совсем ни при чем и, в конце концов, поручиться за меня... Меня же теперь посадят!

— Она жива? — выходя из кабинета, на ходу спросил Федин, с сожалением признавая, что оказался прав: беда снова пришла в семью Ватутиных.

— Жива? Нет, что вы! Валентина повесилась ночью, а мы обнаружили тело только утром — рабочие вошли в гостиную, а она там висит... Как же мне теперь жить то в этой квартире?!

— Конечно, Борис Яковлевич, я сейчас же приеду к вам, только советую говорить правду... приехавшим ментам.

— Я всегда готов сотрудничать со следствием! Вы же знаете!

Дальше слушать Федин не стал, отключил телефон и поехал на Большую Никольскую.

В шикарной пятикомнатной квартире поселился запах беды: стойко пахло лекарствами и дорогим коньяком.

— Что за вонь? — поморщился Федин, войдя в гостиную.

— Хозяин пьет, — пояснил Антон Сvirкин, пожимая руку коллеге — узнав из сводки о происшествии на Большой Никольской, он упросил начальство передать ему это дело: обосновывая свою просьбу тем, что, расследуя кражу в доме Ватутиных, он уже был в курсе

всего происходящего в этой семье, а новому следователю придется начинать все сначала: знакомиться с потерпевшими и свидетелями и входить в курс дела. — Хозяин все никак не решит на чем остановиться: на успокоительном или на коньяке. Руки у него трясутся — вот и проливает периодически на ковер то одно, то другое. А вы, Константин Александрович, здесь какими судьбами?

— Попросили проверить одно дело... — Федин выразительно поднял глаза кверху и состроил кислую мину — мол, ничего не поделаешь, приходится подчиняться.

— Понятно. Значит, господина Либмана вы знаете?

— Да как сказать... — ох, как не хотелось Федину фигурировать в этом деле. — Вы разбирайтесь, Антон Петрович, как надо, а там посмотрим, — понизив голос, с досадой произнес он и обернулся в сторону юрисконсульта — тот сидел на диване, держа в одной руке плоскую рифленую бутылку с дорогим выдержанным коньяком в другой пузатый стакан, и с радостной надеждой смотрел на Федина. — Что можно сказать о случившемся на первый взгляд?

— На первый взгляд суицид, — весомо произнес Свиркин — ему льстило внимание опытного коллеги и то, что его называют по имени отчеству. — Очень удачное время для суицида: с трех до пяти утра.

— Допросить бы его как следует, пока он в таком состоянии...

Молодой следователь понимающе кивнул и двинулся в глубину комнаты к Либману. Федин пошел следом, мысленно потирая руки — против его вопросов юрисконсульт сейчас был беззащитен.

— Расскажите, ка, Борис Яковлевич, все еще разок для Константина Александровича.

— Конечно, конечно. Я с удовольствием... — Борис Яковлевич лихо опрокинул в рот остатки коньяка из стакана. Проглотил, откашлялся. — Значит так, Валентина... Валентина Николаевна вчера вечером приехала сюда: рабочие выносили мусор из квартиры и оставили дверь открытой — вот она и вошла в квартиру. Вошла и устроила тут настоящий скандал! Начала обвинять меня Бог знает в чем, требовала вернуть ей ее квартиру и даже выплатить какие-то деньги!

— Вы договаривались об этой встрече? — как бы между прочим поинтересовался Федин.

— Нет, нет, что вы! — замахал рукой с бутылкой возбужденный юрисконсульт. — Ни о чем мы с ней не договаривались! На днях Валентина Николаевна мне звонила — советовалась по поводу похорон мужа, но мы не встречались.

— Это вы ей присоветовали побыстрее кремировать мужа?

Вопрос был задан не «по теме», и Либману потребовалось какое-то время, чтобы его осмыслить.

— Я высказал недовольство по поводу затягивания похорон Георгия Рудольфовича — его давно уже надо было похоронить.

— И денег дали на похороны? — не унимался Федин — Антон Свиркин смотрел на коллегу с нескрываемым непониманием, но Федин делал ему выразительные знаки не вмешиваться.

— Разве это возбраняется — помогать друзьям деньгами? — вскинулся Либман и плеснул из бутылки в пустой стакан немного коньяка. Выпил и не почувствовал крепости напитка.

— Да что вы, Борис Яковлевич, только приветствуется, — Федин говорил ласково,

усыпляя бдительность «подозреваемого». — Одно плохо — обманывать следствие опасно: вы же сказали, что не встречались с Валентиной Николаевной — так, как же вы ей деньги на похороны передали?

— Властелина приезжала, — просто ответил юрисконсульт, и Федин понял, что Либман не врет: Властелина действительно приезжала. — Она девушка взрослая, ответственная — ей вполне можно доверить деньги.

— Ответьте, честно, Борис Яковлевич, что же так тесно связывает вас с этой семьей? — вопрос в лоб требовал прямого правдивого ответа, но прямого правдивого ответа не последовало.

— Чисто деловые отношения.

— У нас другие сведения, — осуждающе покачал головой Федин.

— Откуда вы узнали? — удивился юрисконсульт и, не смотря на выпитое количество коньяка, понял, что прокололся. — Ладно, сознаюсь — был грех, но это было очень давно: больше десяти лет назад, когда мы только познакомились с Георгием Ватутиным. Никто не может осуждать меня за минутную слабость — Валентина Николаевна женщина привлекательная... была...

— Значит, госпожа Ватутина пришла к вам требовать назад квартиру, — попытался Антон Сvirкин вернуть разговор в нужное русло. — А вы что?

— Я? Отказался, разумеется! — Борису Яковлевичу эти вопросы нравились больше, и он пустился в долгие разъяснения. — О каком возврате может идти речь, когда я полностью заплатил за эту квартиру ее мужу. Так почему я должен возвращать ее? Это же не справедливо, господа!

«— О справедливости вспомнил, — про себя усмехнулся Федин. — Почему же ты о ней не думал, когда твой дружок Ватутин жену с детьми грабил! Помешал бы ему, и это было бы справедливо».

— Когда вы расстались с госпожой Ватутиной? — с молчаливого одобрения коллеги, продолжал задавать вопросы молодой следователь.

— Тогда же вечером, — Либман старался быть точным и правдивым. — Валентина покричала еще немного в квартире, но поняла, что на ее условия я не согласен, и ушла, громко хлопнув дверью напоследок. У меня есть свидетели этого скандала — рабочие все видели и слышали, можете у них спросить.

— Обязательно спросим. А у подъезда она вас не ждала?

— Нет, не ждала. К тому же я не сразу уехал — может, через час или даже через полтора — надо было решить кое-какие вопросы с бригадиром.

— И больше вы Валентину Николаевну не видели?

— Нет, не видел, — отрицательно качнул головой юрисконсульт. — И по телефону с ней не разговаривал — можете проверить.

Взяв с низкого овального столика мобильный телефон, Борис Яковлевич с готовностью протянул его Антону Сvirкину.

Следователь посмотрел журнал звонков, сделал несколько пометок у себя в тетрадке и вернул мобильник.

— Скажите, Борис Яковлевич, а ключи от этой квартиры могли быть у Валентины Николаевны — как-то она вошла сюда после вас.

— Конечно, были, — с радостью подтвердил Либман. — После покупки квартиры я замки менять не стал, думал после ремонта поменять — так экономичней, — и, понизив

голос, добавил, кивнув головой в сторону рабочих в другой комнате, — да и безопасней.

— Значит, ключи от квартиры у нее были... — Федин вспомнил разговор с мальчиком и тут же уточни у юриста: — А могла она в прошлую ночь прийти переночевать в квартире?

— Могла, рабочие в десять уходят, а приходят в восемь.

— А в каком состоянии была Валентина Николаевна, не припомните?

— В каком состоянии... — Либман на секунду задумался. — Очень возбужденная. Мне даже показалось, что Валентина немного выпила — для храбрости, что ли.

— Это мы скоро узнаем, — подытожил молодой следователь, — вскрытие покажет.

Борис Яковлевич передернул плечами и выразительно посмотрел на свой пустой стакан.

— Вскрытие... — пробубнил он и, плеснув в стакан немного конька, предложил. — Хотите? — следователи дружно отказались, и юрист выпил коньяк в гордом одиночестве. — Что оно может показать ваше вскрытие? Вы мне лучше скажите, господа хорошие, как мне теперь в этой квартире жить прикажите? Мне же теперь ее дух покоя не даст — станет во сне являться, вопить, руками махать и все портить. Нет! Я на это не согласен! Столько денег за эту квартиру заплачено и все коту под хвост! всю жизнь мне Валентина своим «подарком» испортила!

— Вы бы лучше о своем алиби волновались, — напомнил Федин, скептически относясь к такого рода высказываниям и не веря ни в какие потусторонние силы. — Вы еще запросто в этом деле в подозреваемые можете попасть.

— Ну, уж нет! Это просто ни в какие ворота, Константин Александрович! Я и так пострадал в этом деле, а меня еще и в подозреваемые! Нет, так нельзя! — юрисконсульт вскочил с дивана, посмотрел на бутылку в своей руке и поставил ее на инкрустированный овальный столик рядом с телефоном и успокоительным — все, с алкоголем пора завязывать! — Я вам больше скажу, господа следователи — Валентина это нарочно сделала! Пишите, пишите: специально повесилась в моей квартире, чтобы мне досадить: я ей эту квартиру не отдал, так она вот что удумала — пришла ночью и повесилась в гостиной! Выжить меня захотела из своей бывшей квартиры! Но ничего у нее не выйдет!

— Опомнитесь, Борис Яковлевич, — Федин подошел к расстроенному мужчине, взял из его руки пустой стакан и поставил на столик рядом с бутылкой. — Что вы такое говорите? Как можно кому-то назло повеситься?

— Очень даже можно! — не унимался опьяневший вконец юрисконсульт. — Валентина еще та женщина — своего не упустит! Она на меня еще своих деток повесит — вот увидите!

Следователи выразительно переглянулись и мысленно покрутили пальцем у виска — видать крыша у Бориса Яковлевича окончательно поехала от алкоголя и удручающих впечатлений.

27

За Витей Ватутиным Дорохов послал машину Василия Ивановича — сам он поехать не смог: в верхах рассматривалось его «дело» и сбежать из-под пристальных недоверчивых взоров и каверзных вопросов «заседателей» было равноценно признанию своей вины.

Утром Инна прислала ему сообщение, не решаясь позвонить и отвлечь его от важных дел:

«Волнуюсь за тебя. Позвони, когда сможешь. Люблю!»

Но Дорохов не позвонил...

Водитель генерала был умный малый и использовал образовавшееся свободное время с пользой для обоих: заехал с мальчиком в Макдоналдс, потом угостил себя и его мороженым

(все это за генеральский счет, разумеется) и вернулся в «контору» к концу разбирательства.

Дорохова выслушали и отпустили, а «разбирательство» продолжилось без него.

«Решают...» — написал он сообщение Инне, решив позвонить, когда ясен будет результат «разбирательства».

Но на нервах позвонил, хотел услышать ее голос, а получилось...

— Инка, я тебя хочу... — сам от себя такого не ожидая, выдохнул он. — Я без тебя сдохну!

— И я без тебя сдохну! — всхлипнула Инна и, прикрывая трубку рукой (хотя в кабинете была одна), зашептала: — Я тебя тоже хочу... всю ночь хотела...

— Обещаю отработать на двести процентов...

— А когда?

— Ну, не знаю... Тут одна проблемка образовалась... Попозже перезвоню, когда разберусь.

— Я буду ждать...

Пересаживаясь из крутого генеральского «Мерседеса» в не менее крутой полковничий джип, Витя был почти счастлив, если бы не мать, счастье его было бы полным: все эти дни он снова и снова вспоминал те волшебные часы, проведенные с Дороховым, и мечтал о его продолжении. И вот его мечты осуществились!

— А мы куда? — для порядка поинтересовался мальчик, хотя ему было абсолютно все равно, куда ехать с Дороховым — лишь бы ехать вместе.

— Поедем ко мне домой, а там посмотрим.

— Согласен, — кивнул головой мальчик, хотя согласие его на это никто не спрашивал. — А играть будем?

— Обязательно поиграем, только сначала узнаем, что с твоей мамой случилось. Властелина не звонила?

— Не-а, — с заднего сиденья беспечно отозвался Витек, с интересом перебирая диски с фильмами. — А нам долго ехать?

— Долго.

— Целый час?

— Как придется.

— Тогда можно я посмотрю «Роботов-убийц»?

— А не рановато ли тебе про убийц? — засомневался Дорохов — что смотрят дети в десять лет, он понятия не имел. — Поищи получше в этой куче дисков, там вроде какие-то мультики были.

— Что я маленький чтобы мультики смотреть, — обиделся Витек. — Я у Власки все взрослые фильмы пересмотрел: и про убийства, и про секс.

— Ну, если про секс все пересмотрел, смотри про убийц, — хохотнул Дорохов, ловко вклиниваясь между двумя грузовиками. — Только сначала позвони сестре — вдруг она про маму что-нибудь узнала.

Вздыхнув, мальчик полез в рюкзак, вытащил мобильный телефон и позвонил Властелине — Властелина не ответила.

— Я же говорил, что про маму она ничего не знает, — обрадовался Витек, боясь, что при обнаружении матери им срочно придется менять такие заманчивые планы и возвращаться в Беляево. — Если что узнает, то сама обязательно позвонит.

— Почему же твоя мама так долго домой не возвращается? — вслух стал размышлять

Дорохов. — И сестра куда-то запропала — тебя одного оставила.

— Не знаю, — беззаботно пожал плечами мальчик, включая видик и засовывая в щель диск с «Роботами-убийцами». — Власка теперь, наверно, долго не придет — до самой ночи.

— Что так?

— Любовь у нее, — скривился Витек, будто съел что-то кислое. — Вот она его и караулит. С самого Нового Года ему названивает, а он не отвечает. Вчера даже к нему домой ездила и сегодня, наверно, поехала. Только вряд ли этот Танк на нее теперь посмотрит — денег то у нас теперь нет!

Взрослые рассуждения мальчика про любовь и про отсутствие денег очень заинтересовали Дорохова.

— Танк — это прозвище какого-то парня? — спросил он, желая знать о семье Ватутиных, как можно больше.

— Ага, прозвище батиного телохранителя. У моего папы личный телохранитель был и личный шофер, — похвалился Витек и завозился на заднем сиденье, устраиваясь поудобнее. — А у вас, Сергей Александрович, почему телохранителя нет?

— Я сам себе телохранитель и сам себе шофер, — задумчиво произнес Дорохов, анализируя услышанную информацию. — Значит, у твоей сестры с отцовским телохранителем роман?

— Ага, роман. Они с ним ото всех все прятались и по углам шептались — смех один, думали никто о них ничего не знает.

— Многие в доме знали? — причастность к разведке завала о себе знать — Дорохова так и распирало любопытство, но любопытство не праздное, а сыщицкое: для пользы общего дела.

— Все знали, кроме отца и матери — им не до нас: у них дела.

Дорохов подивился с каким уважением десятилетний ребенок говорит о «делах» родителей и подумал, что не хотел бы, чтобы его будущий ребенок (ну, будут же когда-нибудь у него свои дети) так по-взрослому рассуждал бы в столь юном возрасте. У Дорохова в детстве было совсем не так: в свои десять лет он с утра до ночи гонял в футбол и хоккей, и главной заботой его были вечно спускающийся мяч и сломанная хоккейная клюшка, основательно перемотанная изолентой — денег купить новые, конечно же, не было.

— Наверно, этот телохранитель твоего отца здоровый малый, раз прозвали его Танком.

— Ага, здоровый, — Витек раскинул руки в стороны, показывая какие широкие плечи у личного телохранителя отца, — но тупой, как танк — пять цифр запомнить никак не может: у меня все время спрашивал код сейфа в кабинете папы.

Упоминание о личном сейфе Ватутина и интересе к нему личного телохранителя настораживало и настраивало на криминальный лад.

— А зачем ему код от вашего сейфа? — осторожно поинтересовался Дорохов, вспомнив рассказ Инны об «ограблении» семьи Ватутиных — подробности оного Властелина описала во всей красе, чтобы показать гостям степень циничности собственного отца.

— Папа его часто домой посылал за документами или за деньгами, — не отрываясь от экрана, обстоятельно объяснял мальчик, — а документы и деньги в сейфе хранятся — вот я ему код и подсказывал.

— А ты сам сейф открывал?

— Сколько раз!

— И родители об этом знали?

— Не, не знали, — торжественно засмеялся Витек. — Они думали, что я еще маленький и ничего не замечаю, а я один раз видел, когда мама свою шкатулку в сейф убирала, какие цифры надо в окошечках набрать, чтобы сейф открыть и сразу же эти цифры запомнил.

— Молодец, — похвалил Дорохов память ребенка, но от его действий был не в восторге — впрочем, к чему относилась его похвала, он уточнять не стал — вдруг мальчик замкнется и колодец полезной информации иссякнет, а ведь Дорохов старался не ради собственного любопытства, а ради благополучия семьи Ватутиных — но разве это объяснишь десятилетнему мальчику. — Вить, а Властелина знала, что ты знал код сейфа?

— Не-а, она не знала, что я знал, но она тоже код знала — я видел, как она деньги из сейфа брала.

— Может, ей мама или папа сказали взять деньги, — подзадорил мальчонку Дорохов.

— Нет, Сергей Александрович, — затряс головой Витек, — Власка деньги украла. Потом она их под подушку в своей кровати спрятала, а я подкараулил, когда она вышла из спальни, и одну пачку у нее стырил.

— Как стырил? — искренне удивился Дорохов — вот это семейка: вор на воре сидит и вором погоняет. — Зачем?

— А просто так... — Витек немного подумал и добавил: — Чтоб не обзывалась! А тс все обзывает меня: малявка, да малявка! А я не малявка! Я уже большой и все понимаю.

— И что же ты на эти деньги купил? — перевел Дорохов разговор с опасной криминальной темы.

— Ничего не купил — я их «на всякий пожарный» берегу, — оторвавшись от экрана телевизора, встроенного в крыше джипа, мальчик порывлся в своем объемистом рюкзаке, вытащил из него пачку пятидесятирублевых купюр в банковской упаковке и, потянувшись к переднему сиденью, помахал ей около Дорохова.

Увидев его сбережения, Дорохов охнул и вильнул рулем — едущий рядом «Вольво» испуганно засигналил.

— Вот это да! — выправив джип, восхитился полковник ГРУ, даже не представлявший себе, что маленький мальчик может обладать такими деньжищами — полмиллиона рублей в школьном рюкзаке! — и заинтересованно спросил: — Сколько же пачек взяла из сейфа Властелина?

— Четыре.

— И все по пять тысяч?

— Ага.

— А куда она их дела?

— Танку отдала.

Переваривая такую важную информацию, Дорохов, не спеша, перестроился правее и сбросил скорость — вдруг услышит еще что-нибудь эдакое и дернет рулем, а в такой толкучке такие эксперименты очень опасны.

— Вить, это же большие деньги! — назидательно произнес он. — Очень большие деньги!

— Я знаю, Сергей Александрович. Только в сейфе у родителей еще много таких же пачек было — папа, наверно, и не заметил, что Власка деньги из сейфа взяла.

Такой расклад Дорохову явно не нравился — дочь ворует у отца деньги из сейфа и отдает телохранителю — зачем? Какие денежные дела могут быть у шестнадцатилетней

девушки с доверенным лицом ее отца?

А то, что личный телохранитель пользовался доверием Ватутина, не вызывало сомнения — Георгий Рудольфович часто посылал Танка за нужными ему документами и деньгами, не опасаясь, что тот увидит хранящиеся в сейфе сбережения и у него возникнет желание их присвоить.

Чем обусловлено было такое доверие?

Возможно, тем, что личный телохранитель знал о своем «охраняемом объекте» куда более ценную информацию, чем деньги?..

Но это были лишь предположения Дорохова, которыми он просто обязан был поделиться с Фединым, радея за скорейшее раскрытие их общего «дела».

28

Вернувшись в квартиру на улице Бутлерова (по молчаливому соглашению семья Ватутиных не считала эту квартиру домом, а лишь временным жильем), Властелина раздраженно скинула норковую шубку на табуретку в углу крошечной прихожей и, не снимая сапоги, прошла в комнату.

Увидела оставленную братом записку, прочитала и раздраженно швырнула ее на пол.

— Маленький засранец, — процедила она сквозь ровные белые зубы и сжала кулаки. — Дождешься ты у меня, гаденыш! Теперь звони — разыскивай его! Как будто у меня дел других нет! Что за дурная привычка у этих мужиков пропадать в самый не подходящий момент?!

Властелина достала из сумки дорогой мобильный телефон и принялась названивать по нему, расхаживая по комнате из угла в угол.

Услышав знакомую мелодию, Витя Ватутин испуганно обернулся: не слышит ли Сергей Александрович? — Дорохов не слышал, он разговаривал в комнате по мобильному телефону со следователем Фединым. Мальчик облегченно вздохнул и засунул свой рюкзак поглубже в шкаф, для надежности прикрыв его своей теплой курткой на меху — ему ужасно не хотелось сейчас разговаривать с сестрой: она обязательно потребует возвращаться домой! А возвращаться домой в такой многообещающий момент это такая несправедливость!

Нужный абонент не отвечал, и девушка готова была от злости грохнуть бесполезный телефон об пол, но вовремя удержалась — во-первых, мобильник был очень и очень дорогой, а во-вторых, она не могла остаться без жизненно необходимой связи, когда все вокруг рушится прямо на глазах.

Немного подумав и успокоившись, Властелина отыскала в телефоне другой номер — с хозяином этого номера у нее были связаны большие надежды, но, набирая номер Бориса Яковлевича, она и не предполагала, какое страшное известие обрушится на ее хрупкие плечи.

Услышав звонок мобильного, Борис Яковлевич дернулся к телефону и сразу же сник — говорить в присутствии полицейских чинов ему не хотелось.

— Берите, берите, — подбодрил Федин — интересно было послушать разговоры юриста, конечно, потом он обязательно возьмет распечатку звонков, проверит и выяснит звонившего.

Медленно подойдя к столику, Борис Яковлевич взял в руку мобильный телефон, надеясь, что звонивший абонент устанет ждать ответа и отключится, но абонент попался терпеливый.

— Слушаю, — устало произнес Либман и отвернулся от следователей, с интересом

прислушивающихся к разговору и пристально наблюдавших за подвыпившим юрисконсультантом.

— Мама не у вас? — без предисловий поинтересовалась Властелина у юриста, уверенная, что ее голос тут же узнают.

— Вы кто? — делано строго спросил Борис Яковлевич, поворачиваясь к следователям — пусть себе слушают, этот разговор опасности для него не представлял.

— Как это кто? — опешила девушка. — Я Властелина Ватутина.

— А это вы, Властелина. Спрашиваете о маме... — делано сник Борис Яковлевич. — Передаю трубку человеку, который хочет с вами поговорить по этому поводу.

Вскочив с кресла, он с облегчением сунул телефон в руку Антону Свиркину и самоустранился — ему нет дела до семьи Ватутиных, у него своих проблем хоть отбавляй!

Удивленно посмотрев на оказавшейся в его руке телефон, молодой следователь перевел вопросительный взгляд на Федина — может вы? — и не получив поддержки, вздохнул: сообщать неприятные вести родственникам он не любил.

— Властелина Георгиевна, — не очень уверенно начал он и снова вздохнул, — с вами говорит следователь Следственного Комитета Антон Петрович Свиркин. У меня для вас очень трагичное сообщение — ваша мама сегодня умерла.

— Как это умерла? — вскинулась Властелина, и рука ее невольно рванула ворот водолазки. — Что вы такое говорите? Этого не может быть!

— К сожалению, такое иногда случается.

— Нет, это неправда! — закричала Властелина и, оторвав телефон от уха и поднеся его к лицу, с ненавистью уставилась на сверкающий пластик. — Неправда! — снова закричала она в мобильник. — Слышите, вы? Она не могла бросить меня одну в таком дерьме!..

Отбросив телефон на диван, девушка сжала руки и закрыла глаза, пытаясь примириться с обрушившимся на нее новым несчастьем.

— Как мне теперь быть? — шептала она, стоя посреди комнаты. — Отца нет! Матери нет! А мне еще нет восемнадцати! А раз я не совершеннолетняя и без родителей — это, значит, что меня обязательно упекут в приют. Нет! Не хочу в приют! На фиг мне это надо! — злость придала ей силы смириться со смертью близкого человека и заставила подумать о себе. — Что же мне теперь делать со всем этим дерьмом?.. Думай, Власочка, думай — ты же умница... Для того, чтобы не попасть в детдом, есть два пути: устроиться на работу и добиться через суд эмансипации или выйти замуж и таким образом автоматически приобрести дееспособность в полном объеме. Работать мне не хочется, значит, остановимся на замужестве. Только вот вопрос за кого мне выходить замуж... Танк на такое вряд ли пойдет — без денег я ему совсем не нужна, остается Борис Яковлевич Либман — этот старый козел давно ко мне клинья подбивает, хотя после его развода мне придется долго уговаривать его жениться на мне. Но как же быть с Витькой? Неужели мне придется тащить его на своей шее всю жизнь? Ну, граждане родители — удружили! Нет, не на такую лохушку напали! Ему помочь я уже не в силах — самой бы выкарабкаться из этого дерьма. Как там говорят в таких случаях: «Боливар не выдержит двоих»...

Решив для себя столь сложную задачу, Властелина подошла к дивану, взяла в руки мобильный телефон и тщательно проверила — не повредился ли. Телефон был в порядке, и девушка, посчитав это хорошим предзнаменованием, начала осуществлять задуманное: времени на «раскачку» у нее практически не было.

Чтобы не переживать за Дорохова, Инна с головой ушла в работу, с удвоенным рвением отслеживая поступление парфюмерной продукции на склады компании, стараясь не отвлекаться и не думать о постороннем. Но в минутки перерыва на нее накатывала такая тоска по упоительному чувству единения с другим человеком и радости от его присутствия рядом (проще говоря, хотела «иметь его, чтоб не сдохнуть» без него до самого утра, и чтобы каждую ночь он возвращался к ней, и чтобы так было всегда), что Инна, опасаясь, что «зеленая тоска» перерастет в депрессию и помешает работе, отпросилась с работы и поспешила домой, готовиться к встрече с «долгожданным гостем». Но он не звонил...

Инна лежала на диване, зажав в руке телефон и глядя в не задернутое шторами окно, и старалась ни о чем не думать.

День был чудесный — солнечный, морозный, небо ярко голубое с полупрозрачными, невесомыми облаками.

Облака медленно двигались из одного угла окна в другой, иногда, сливаясь, полностью скрывая радостное небо. Инна терпеливо ждала, когда в рыхлой молочно-белковой массе вновь появится просвет, и в него глянет на нее небесная голубизна. Она попыталась разглядеть в облаках какие-нибудь фигуры, но облака проплывали бесформенным караваном, и скоро Инна смирилась со своими неудачными попытками и оставила напрасное занятие.

Возможно, если бы Дорохов был рядом, она дорожила бы каждой минутой, а так...

Здесь Инна вздохнула и отвернулась от окна, в низу живота приятно заныло, сжалось... истома начала растекаться по всему телу...

Нет, она не станет об этом думать!

Дед Мороз исполнил ее просьбу — сделал ей «королевский» новогодний подарок: «подогнал» страстного, неутомимого мужика, с которым она «трахалась, чтоб не сдохнуть» от тоски все эти длинные, новогодние ночи и который дал ей почувствовать себя (хоть на короткое время) обольстительной красавицей, по мимо своей воли, влюбившейся в свой «Новогодний Подарок»... Ну, и довольно — праздники кончились, пора возвращаться к прежней отлаженной жизни. Но возвращаться «к прежней отлаженной жизни» без «Новогоднего Подарка» совершенно не хотелось — ей хотелось новой жизни!

Жизни вместе с Дороховым!

А он все не звонил и не звонил...

А она все ждет и ждет...

Ждала вчера вечером (не смотря на записку), ждала, страдала и томилась ночью, ждала утром, получив сообщение, ждала в обед, когда он позвонил! Ну сколько можно еще его ждать?..

Ночью ей пришлось особенно тяжело его ждать: она чувствовала на своей коже тепло его мозолистых рук, слышала рядом мужское, размеренное дыхание, ощущала его в себе, страстно желая ощутить в себе еще и его и мощное, ритмичное движение, заканчивающееся оргазмом обоих, чувствовала запах его разгоряченного тела, будоражащий воображение и заставляющий быстрее биться сердце, и запах конфетки-барбариски неотступно преследовал ее... — все это, и еще тысяча запомнившихся «мелочей» мешало ей заснуть. Она заставляла себя не вспоминать о Дорохове, но помимо своей воли вспоминала, даже дух захватывало от этих сладостных воспоминаний...

Еще у них было общее на двоих настоящее детективное расследование...

И что?

Может, она все неправильно поняла? И он к ней никогда не вернется?

А его приезд был просто жестом хозяйской вежливости — он привез ее забытые вещи, подарил подарки и уехал.

— Если он не придет сегодня... Выброшу его из головы! — прикала себе Инна, но у нее ничего не получалось: этот большой и сильный мужчина прочно «застрял» у нее в голове и сердце. Если из головы во время работы Инне все же удавалось его изгнать, то вот из сердца... — Сдохну без него до завтра... И он без меня сдохнет...

А чего она хотела? Остаться на всю жизнь в этом тихом, покинутом хозяевами доме?

Этого хотела она, но никак не Дорохов — у него были совсем другие планы, о которых она не знала, но догадывалась: в первую очередь вернуться на службу и на свою должность.

А как же она?

Он написал в записке «люблю», сказал по телефону, что хочет ее и сдохнет без нее...

И что дальше?

Может быть, пора ей уже трезво посмотреть на вещи — у него своя жизнь, у нее своя... У них нет ничего общего: ни интересов, ни работы, ни увлечений — ну, что-то же должно объединять живущих вместе людей кроме секса. Конечно, секс дело хорошее (особенно с ним!), но это еще не все — для того, чтобы жить вместе мало одного полового влечения (даже такого ненасытного и страстного), надо обладать еще чем-то очень важным...

О том, чтобы это могло быть, Инна не додумала — зазвонил телефон.

Тут же забыв все свои рассуждения и решения выбросить Дорохова из головы и сердца, Инна быстро ответила.

В телефонном пространстве она услышала шепот Дорохова. Инна не поняла, о чем он говорит — просто слушала его голос, наслаждалась растекающейся по жилам радостной нежностью и улыбалась.

— Сергежа, это ты? — все еще улыбаясь, спросила она. — Тебя плохо слышно, говори громче.

— Не могу громче, — снова зашептал Дорохов, прикрывая телефон рукой. — Пока Витек в ванной моет руки, решил тебе позвонить. Я, наверно, не смогу сегодня приехать к тебе...

— Почему? — сердце Инны упало куда-то вниз — предчувствия ее не обманули: ни о какой жизни вместе он не думает! — А когда?

— Потому, что у меня Витек. А когда — не знаю...

— Какой Витек? — удивилась Инна и вскочила с дивана.

— Витя Ватугин, — тихо уточнил Дорохов и вздохнул. — Инн, у меня плохие новости: Валентина Николаевна умерла.

Пребывая в совершеннейшем сомнении от слов о «не приезде» ее «Новогоднего Подарка», Инна постаралась прогнать пессимистические мысли, и сосредоточиться на разговоре: несколько секунд пыталась вспомнить кто же такая эта Валентина Николаевна, а когда сообразила, что речь идет о вдове Ватугина, ужаснулась.

— Как умерла?

— Повесилась в своей бывшей квартире на Никольской. Мне Федин только что сообщил: он поехал туда по просьбе нового хозяина квартиры — идет расследование.

— А как же дети? — обмерла Инна.

— Не знаю, — вместе с Инной огорчился Дорохов. — Витю я пока взял к себе, не знаю насколько — ему страшно было оставаться одному дома без матери и сестры, вот он и

позвонил мне. Но что делать с Властелиной ума не приложу — она взрослая девушка... Должны же быть у них какие-нибудь родственники — надо бы их разыскать, сообщить им о смерти родителей этих несчастных детей.

— Должны... — безрадостно согласилась Инна, понимая, что их совместная жизнь с Дороховым так и не успев начаться уже откладывается на неопределенное время, и потащила на кухню — она срочно должна выпить чего-нибудь горячего, а то превратится в сосульку. — Но вопрос в том — захотят ли эти родственники взять к себе детей.

— Ну, не в детский же дом их отдавать? — во весь голос возмутился Дорохов — едва сдерживаемое раздражение прорвалось, таки, наружу.

— Кого в детский дом отдавать? — раздался за спиной Дорохова испуганный тоненький голосок. — Вы про кого говорите, Сергей Александрович?

Дорохов замер — и как это он потерял бдительность? когда думает о ней, забывает обо всем на свете — и всем телом повернулся к двери.

— Вить, Инна Павловна звонит, — постарался он перевести разговор на более приятную тему. — Спрашивает, когда мы к ней в гости приедем. Ты как на это смотришь, может, сегодня поедем?

— Поедем, — не очень уверенно согласился мальчик и подошел ближе. — А вы разве с Инной Палной не вместе живете?

— Нет, не вместе, — неожиданно смутился Дорохов и подумал о том, что народная мудрость права: «устаи младенца глаголит истина». Они с Инной должны жить вместе — это ведь так просто.

— А мы в кино пойдеш? — заглядывая снизу в лицо Дорохова, спросил Витек.

— В кино? — Дорохов с трудом оторвался от поразившей его истины и натянуто улыбнулся. — Сейчас спросим... Инна Павловна, вот тут от нашего юного друга поступило дельное предложение: может, мы все вместе в кино сходим?

— На «Пиратов», — прокричал Витек в трубку, прыгая вокруг Дорохова. — Ура!

— Пойдем, — согласилась Инна и посмотрела на часы на микроволновке. — Ой, только мне надо немного времени...

— Ты не спеши, — успокоил Дорохов — их снова объединяло одно дело (кроме секса), одни заботы, они снова стали союзниками. — Нам с Витьком еще надо найти кинотеатр, где идут его «Пираты», приехать за тобой по пробкам...

— Может, я лучше на метро к кинотеатру подъеду? — предложила Инна, мечтая побыстрее встретиться с Дороховым, посмотреть в его глаза и понять: они вместе или пока еще нет — она умрет от ожидания в квартире, вернее, сдохнет, как одинокая, брошенная собака... — Так быстрее получится.

— Договорились — мы обзваниваем кинотеатры, находим фильм и сообщаем тебе. Встречаемся у кинотеатра.

— Ребенка покорми! — вместо прощания прокричала Инна, устремляясь в ванну.

— Есть, покормить ребенка! — лихо козырнул Дорохов и подмигнул мальчику — все у них будет хорошо. Просто замечательно будет!

Все опять встало на свои места без всяких разговоров, выяснений и объяснений: они снова были вместе, как будто не было тех безрадостных, серых часов, полных сомнений и терзаний.

держались за руки, как настоящая семья. Витя с Дороховым увлеченно смотрели «пиратов», а Инна, держа любовника под руку, все еще сомневалась вместе они ли нет и строила «коварные планы о заманивании» Дорохова и Вити на свою территорию.

После фильма Дорохов повез их в ресторан ужинать, а потом все они поехали к Инне.

— Вы у меня останетесь? — сидя рядом с Дороховым, тихо с замиранием сердца, спросила Инна. — Или меня до дома подвозите?

— Останемся, — так же тихо ответил Дорохов. — Только вот кровать у тебя для двоих маловата — сегодня на ней Витек поспит, а завтра купим новую.

Инна так обрадовалась, что забыла уточнить «вместе ли они или пока нет».

— Это здорово! — положив свою руку на его, тихо произнесла она.

— Ты лучше меня не трогай, — убитым голосом попросил Дорохов и посмотрел на нее темнеющими от разрастающегося внутри огня страсти глазами. — В кино еле досидел до конца...

— Хорошо, — кивнула головой Инна, руку убрала и заговорила о другом. — Ой, а как там «твое дело»? С тебя сняли обвинения? Восстановили?

— Сняли и восстановили...

— Так что ты молчишь! Поздравляю!

— Да, не важно это, Инн — главное, мы вместе!

И не стесняясь Витька, Дорохов обнял Инну и поцеловал в губы.

А Витек, досматривая «Роботов-убийц», подумал о таких странных взрослых, занимающихся разными глупостями, например: поцелуйчиками и обнимашками, и не желающие смотреть такие страшные, но жутко интересные фильмы — его бы воля он сидел бы у телевизора сутки напролет, даже без перерыва на обед! — зачем отрываться от фильма, когда поесть можно прямо в кровати или на диване.

«Роботов-убийц» Витя Вагугин так и не досмотрел — уснул под конец фильма, и Дорохову пришлось нести его на руках в квартиру Инны, а Инна с гордостью несла небольшую сумку «своего мужчины» и уже не сомневалась «вместе ли они». Они вместе!

Уложив в кровать мальчика, Дорохов позвонил Властелине по телефону Вити и предупредил ее, что мальчик остается у него на ночь.

Разложив диван, Инна разделась, забралась под одеяло и стала ждать Дорохова, но тот, как нарочно, не спешил лечь рядом с ней — заглянул к мальчику, достал из сумки полотенце, пошел в душ, долго поливался прохладной водой остужая свои желания и не позволяя себе думать, что она его ждет (голая) и надеется на страстную ночь после разлуки (целую ночь «трахаться, чтоб не сдохнуть» друг без друга), потом снова заглянул в спальню к Виктору, пошел на кухню, покурил в форточку, потом снова в ванну чистить зубы, а когда все-таки лег рядом с Инной, отстранился, повернулся на спину и, заложив руки за голову, преувеличенно равнодушно произнес:

— Что-то я сегодня подустал. Давай, спать.

— Спать??? А как же снять напряжение сексом? — лукаво спросила Инна, не поверив в его усталость — ей ли не знать, какой он неутомимый любовник, и положила ему руку на живот. Дорохов напрягся, и Инна почувствовала под рукой накаченные мышцы пресса, погладила пресс, рука заскользила к паху, накрыла его вздыбленное хозяйство... — Мы тихонечко и быстренько, дверь я закрою на защелку.

— Ну-у, если по-тихому... — воспрянул духом «неутомимый любовник» и, обхватив Инну, прижал к себе.

Тратить время на ласки он не стал, навалился, впился в ее губы, сунул язык ей за зубы, подчиняя себе, провел пальцами и, почувствовав вязкую влажность, мощно и резко вошел в нее сразу на всю длину... Она восторженно охнула под его напором, застонала, раскрываясь ему навстречу, задвигалась вместе с ним, отдаваясь ему и получая от него награду за доставляемые ему удовольствия...

Они не слышали ничего, отдаваясь своим ощущениям, они принадлежали друг другу — и пусть все идет на... Их вместе накрыла волна оргазма, их тела вместе сотрясались волнами наслаждения, они вместе без сил лежали на кровати, на выпуская друг друга из своих объятий...

Это уже потом, когда они немного отдохнули и решили «по-тихому и по-быстрому» повторить все еще раз, но уже с ласками, начались проблемы: диван скрипел, и они шикали друг на друга, и улыбались, и даже смеялись над своей неловкостью, это мешало и не давало сосредоточиться, и, остановившись, Дорохов быстро нашел выход: сбросил одеяло на ковер и потянул за собой Инну на пол. На полу было жестко и непривычно заниматься любовью, но пол не скрипел, и это уже была удача.

— Нет, заниматься сексом в твоей квартире просто невозможно! — успокоившись после общего «удовлетворения», сделал вывод Дорохов и, набравшись смелости, предложил: — Давай, жить у меня! У меня квартира в три раза больше, да и до «конторы» мне всего пятнадцать минут на машине. Только, как ты отнесешься к тому, что раньше там я жил... не один...

— Ты о другой женщине? — догадалась Инна, ведь она тоже была умная, иначе не сделала бы такую карьеру. — Сереж, не переживай — у тебя была своя жизнь, у меня своя, и ревновать к прошлой жизни глупо — главное, что сейчас мы вместе, а где жить с тобой для меня не важно, хоть на Северном Полюсе или на Луне.

— Тогда решим так, — обрадовался Дорохов, что она опять с ним согласилась, — сделаем ремонт в моей квартире, ты там все по-своему обустроишь, и мы переедем, а пока у тебя проживем. А когда ко мне переедем, у тебя ремонт забабахаем. Согласна?

— Согласна, Солнце мое ясное...

С ней было легко и просто, она все понимала и уступала, наверно потому, что очень хотела быть с ним вместе! И он хотел!

Дорохов снова сбросил одеяло на пол.

— Пойдем, моя ненаглядная, закрепим наш договор о переезде ко мне.

— Опять? — улыбаясь, удивилась Инна, — Ты же сказал, что «подустал», а сам на третий заход пошел.

— Я вот тоже думаю: и откуда у меня только силы берутся тебя трахать... ненасытная моя, сладкая девочка...

И они снова занялись любовью, и снова были вместе, и наслаждались близостью, и любили друг друга...

31

Похороны Валентины Николаевны Ватутиной взял на себя Дорохов.

Они с Инной несколько дней крутились, как заведенные, но все заказали, все оплатили, всех обзвонили.

За этой суетой и прошел Старый Новый Год — их первый совместный праздник, но в связи с трагическими событиями, в которые они «окунулись с головой», прошел он тихо с ноткой грустинки и без загадывания желаний (просто каждый про себя подумал об их

совместном будущем и пожелал, чтобы оно было светлым и радостным)...

Хоронили Георгия Рудольфовича и Валентину Николаевну Ватутиных в один день на семейном кладбище.

Отпевать Валентину Николаевну в церкви при кладбище священник отказался, но Дорохова это не смутило: он заказал заочную заупокойную службу в другой церкви, не вдаваясь в подробности ее смерти. Свой поступок он объяснил Инне очень просто: никто не доказал ему, что Валентина Николаевна Ватутина сама покончила счеты с жизнью, а если так, то оставался малюсенький шанс на то, что ее все-таки убили, а раз убили — значит, она не самоубийца и заслуживает всех церковных обрядов наравне со всеми.

Людей на похоронах было немного — «друзья» у богатых людей убывают с уменьшением денег у их владельцев.

Не было роскошных траурных венков из живых цветов и еловых лап с траурными черными лентами и банальными надписями золотом от «огорченных» родственников и сослуживцев, не было охапок роз и гвоздик, приправленных траурными равнодушными речами и воспоминаниями, не было шикарного гроба с золотом и шелком, но люди, собравшиеся у могилы, искренне переживали безвременную смерть Ватутиных. Смерть делает жизнь невыносимой для любящих сердец — особенно страдали дети, прощаясь с родителями.

Что с ними теперь будет?

Этот вопрос мучил всех взрослых, собравшихся проводить Георгия Рудольфовича и Валентину Николаевну в последний путь.

Надежды Дорохова и Инны на родственников Ватутиных не оправдались. Федин по своим каналам быстро разыскал родственников с обеих сторон: и близких, и дальних. Но ни двоюродные и не пятиродные родственники Ватутиных, узнав, что ни процветающей транспортной фирмы, ни недвижимости, ни денег у «богатых» наследников-сироток нет, после похорон быстро собрали свои пожитки и возвратились восвояси — среднестатистическая двушка в блочной девятиэтажке в придачу к двум несовершеннолетним избалованным детям никого из родственников не вдохновила на «подвиги». Дети остались «бесхозными» и надо было срочно решать, куда же их все-таки определять.

Если с Властелиной вопрос о ее самостоятельности можно было как-то решить: девушка через суд потребовала признать ее дееспособной, предоставив контракт с косметической фирмой (Инна уговорила руководство помочь девушке-сироте, взяв ее на работу на неполный рабочий день), то с Виктором дело обстояло много хуже — органы опеки и попечительства начали оформлять мальчика в детский дом.

Допустить такого «безобразия» Дорохов не мог и всеми правдами и неправдами затягивал оформление, оставляя мальчика у себя и Инны. Посоветовавшись с юристами, он решил усыновить Витю и взять на себя столь тяжкое бремя воспитания ребенка, но для осуществления задуманного ему срочно надо было жениться — по нашим российским законам усыновить ребенка можно только в полную семью.

Получив вердикт органов опеки и попечительства, Дорохов долго сидел в машине, думая о своей жизни и на разные лады представляя себе свое будущее — жить одному ему больше не хотелось. Он прекрасно понимал, что ему будет очень трудно создавать настоящую семью — в его случае его семья будет состоять из трех совершенно разных, чужих по крови людей, но Дорохов верил, что у него все получится — у них все получится!

Уж он постарается, приложит все силы и не подведет!

О том, что для создания «настоящей семьи» потребуются усилия не только с его стороны, но и со стороны других членов этой самой семьи, Дорохов как-то не подумал. Не подумал он и о том, что в основе любой семьи должна присутствовать любовь — о любви он вообще старался не думать.

Решив для себя трудный вопрос с усыновлением, Дорохов поехал к себе домой, по дороге выстраивая в голове макет идеальной семьи, к которому ему стоит стремиться. Дома он облачился в парадный китель — форма безотказно действует на женщин — и поспешил к Инне на работу.

Когда Дорохов при полном параде с огромным букетом красных роз ввалился к ней в кабинет, Инна разговаривала по телефону. Увидев Дорохова с цветами и во всей военной красе, она похлопала глазами, извинилась перед собеседником и, положив трубку, замерла в ожидании дальнейших событий.

Боясь передумать и робея, как мальчишка, Дорохов с порога выпалил:

— Выходи за меня замуж!

Инна открыла рот, закрыла его, потом снова открыла — такого стремительного поворота событий она не ожидала и не была готова к жизненным кульбитам такого рода.

Да, она хотела жить вместе с Дороховым, но выходить за него замуж, да еще так скоропалительно не стремилась!

— Это из-за мальчика? — подозрительно спросила она, вставая из-за стола и подходя к Дорохову.

— Не только, — мотнул стриженной головой опешивший «жених», не ожидавший начавшихся выяснений. — Витька мне только показал, чего я лишился в своей жизни. Я хочу, чтобы у нас с тобой была настоящая семья.

Инна внимательно смотрела в глаза Дорохову и молчала.

Молниеносный «блицкриг» провалился...

Согласно идеальному плану Дорохова, «невеста» должна была тут же с радостным возгласом броситься ему на шею, и после долгого платонического поцелуя они прямиком устремятся в ЗАГС, а потом в органы опеки и попечительства, оформлять документы на усыновление Вити Вагутина, но на деле все оказалось гораздо сложнее: «невеста» на шею не бросалась, от радости не кричала, галопом в ЗАГС не бежала и, кажется, была не согласна усыновлять чужого ребенка. Его «идеальный план» разваливался прямо на глазах, и Дорохов не знал, что с этим крушением делать: то ли спасти свой «идеальный план» и искать другую «идеальную невесту», соответствующую его представлениям, то ли покорно ждать полного развала придуманного им «идеального плана» и начать составлять новый «идеальный план», только уже вместе с выбранной «невестой». Искать другую «идеальную невесту» Дорохов не хотел — Инна была первой женщиной после его развода, с которой он сам, первый, заговорил о браке, поэтому он успокоился и не стал препятствовать крушению своего придуманного «идеального плана» — придет время, и они вместе составят новый.

А Инна никак не могла поверить в предложение Дорохова — уж очень скоро он решился на этот брак: без просьб с ее стороны, без упреков и скандалов, без уговоров и ультиматумов — вот просто взял и предложил ей выйти за него замуж.

С чего бы это?

Неужели любовь?

Но о любви Дороховым не было сказано ни одного слова!

Значит, причина его предложения в другом!

И она, кажется, догадывается, кто явился тем «ускорителем» в вопросе о браке!

Прежде чем ответить на предложение, Инна хотела быть уверена, что именно она нужна Дорохову для создания семьи, а не любая другая женщина, согласившаяся на роль мачехи. Она хотела быть для него настоящей женой, сначала женой, а уж потом матерью их детям или мачехой усыновленному ребенку — это уж, как получится, поэтому стала выяснять и задавать вопросы, на которые надеялась получить правдивые ответы.

— Значит, Витя тут совершенно не причем?

— Витя причем, — честно признался Дорохов, — но решение жить вместе с тобой пришло гораздо раньше, чем мое решение усыновить мальчика.

— А своих собственных детей ты хочешь иметь?

— Конечно.

— А если своих детей у нас не будет? — этот вопрос особенно волновал Инну: ее сестра не могла иметь детей и ее муж, несмотря на взаимную любовь и красоту Галины, доводил ее до слез упреками и периодически подумывал о разводе.

— Если у нас не будет своих детей, то у нас будет один Витька.

— А если у нас и Витьки не будет, тогда как? — Инна решилась на крайнюю меру: исключив всех, она оставила только его и себя — предложит ли ей Дорохов брак в такой ситуации? — Будет ли в силе твое предложение, если органы опеки и попечительства не дадут разрешение на усыновление мальчика?

Дорохов набычился.

— Что ты хочешь услышать?

— Правду! — Инна подошла совсем близко и снизу вверх посмотрела в глаза Дорохова, надеясь увидеть там ответ на свои сомнения, но Дорохов смотрел в сторону. — Я должна знать, почему ты предлагаешь мне это.

— Скажи прямо, что не хочешь выходить за меня замуж, и покончим с этим.

Чувствуя себя отвергнутым и обиженным, Дорохов все же посмотрел на Инну — нет, он не мог на нее злиться, огромное желание быть вместе затопило обиду. И Инна увидела в его глазах то, что хотела увидеть. Увидела, но теперь хотела еще и услышать — услышать, чтобы уже не сомневаться! Никогда не сомневаться!

— Так почему ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж? — «напирала» она на Дорохова, чтобы тот уж точно «не отвертелся» от признания.

— Потому что, я тебя люблю! — все-таки он признался в «своей слабости» и попытался поцеловать «невесту», но «невеста» согласия своего пока не дала и отступила.

— Я тоже тебя люблю, — сдерживая радостную улыбку, призналась Инна, — но, можно жить вместе и без брака...

— Нет! — упрямо мотнул головой Дорохов. — Я хочу, чтобы у нас все было по закону: я твой муж, а ты моя жена!

— Ты спросил «хочу ли я выйти за тебя замуж?». Очень хочу! — улыбнулась она, глядя на Дорохова сияющими от счастья глазами. — Я согласна!

— Ты согласна? — с подозрительностью в голосе переспросил Дорохов — может, он все не так понял.

— Конечно, согласна! — засмеялась Инна, забирая букет роз из рук растерявшегося жениха и вдыхая восхитительный малиновый аромат. — Разве можно отказать настоящему полковнику!

Дорохов притянул Инну к себе и, смятая букет, крепко поцеловал ее в губы, совершенно забыв о запланированном платоническом поцелуе.

— «Медведь, бурбон, монстр», — отрываясь от Дорохова, пропела Инна, пряча лицо в огромный букет роз. — Определенно ты не принц на белом коне — где твои манеры?

— Я лучше принца, — счастливо улыбнулся Дорохов, — я хочу на тебе жениться, а он еще не известно — женится ли!

32

Результаты генетической экспертизы перечеркивали все сделанные ранее выводы Фебина. Он долго вертел в руках бумажку, несколько раз перечитывая результаты экспертизы, и не знал, как относиться к полученным заключениям.

В заключении экспертов было ясно сказано, что сгоревший в машине человек не имел никакого отношения к Виктору Ватутину: Фебин не зря угощал мальчика жевательной резинкой — одну он потом незаметно забрал для экспертизы.

— И что из этого следует, — в слух рассуждал Фебин, сидя за столом в своем кабинете. — А следует одно из двух: либо человек, сгоревший в машине Ватутина, не Георгий Рудольфович Ватутин, либо сгорел все-таки Ватутин, но его сын на самом деле не является его кровными ребенком. Да-а, как работать с такими противоречивыми выводами?! Если Ватутин не сгорел в машине, то, скорее всего, он жив и где-то прячется, а если сгорел именно он, то Ватутин стопроцентно мертв! «Пациент скорее жив, чем мертв! Нет, пациент скорее мертв, чем жив...». Ну, что ж, придется проверить обе версии, а для этого мне просто необходимо еще раз поговорить со свидетельницей.

Разговаривать по телефону, как в прошлый раз, Фебин не стал. Он поехал к Инне на работу и, вызвав ее из офиса, предложил поговорить в небольшом кафе в соседнем доме.

— Я же уже вам все рассказала, — без энтузиазма произнесла Инна, залпом выпивая горячий кофе, показывая этим, что очень спешит — после отгулов, взятых в связи с похоронами Ватутиных, у нее накопилось уйма работы.

— Мне хотелось бы еще раз услышать ваш рассказ.

— Ну, я ехала в Сергеевку по Пятницкому шоссе, неожиданно в машине запахло горелым, я подумала, что в машине какая-то неисправность и выскочила из «карапузика», но пахло горелым совсем не в машине. Я решила посмотреть, что происходит: оказалось, что в кювете горит машина. Я хотела спуститься туда, но увидела отходивших от горячей машины непонятных людей — одеты они были очень странно. Меня они не заметили, вышли на дорогу, сняли противогазы и комбинезоны, затолкали их в пакеты, сели в машину и уехали.

— А их внешний вид и их разговор? — напомнил Фебин.

— Разговор... — Инна нахмурилась, пытаясь сосредоточиться. — Это были два молодых крепких парня — я тогда еще подумала, что стала свидетельницей криминальных разборок местной братвы — и говорили они... Говорили о новогодней ночи: что никто мол не остановится в такую ночь и не станет дожидаться пожарных — Новый Год же.

— Вы их хорошо рассмотрели? — Фебин раскрыл блокнот и нашел свободную страничку для записей. — Может, вспомните их лица, особые приметы?

— Не-ет, — медленно покачала головой Инна. — Лиц я их не рассмотрела — было темно, но один говорил про свою семью: меня, мол, семья дома ждет, и Новый Год хорошо бы дома встретить.

— А второй что говорил? — чистая страничка в блокноте так и осталась чистой — эта информация у Фебина уже была.

— Второй был чем-то недоволен: говорил, что зря поспешили... Нет, не так — он переживал из-за того, что они нарушили какой-то приказ. На что первый сказал, что в таком деле несколько часов роли не играют. Вот как было, а потом уже про семью заговорил.

Федин оживился и быстро застрочил ручкой по бумаге.

— Значит, был приказ поджечь машину в определенное время, — начал он размышлять вслух, — а они его нарушили... Так я понял?

— Вроде так, — пожала плечами Инна.

— И что это нам дает?

— Не знаю, — снова пожала плечами Инна и посмотрела на часы — начальник опять начнет ворчать, что ее нет на рабочем месте. — На сколько могла, я вспомнила разговор молодых людей, больше я ничего не помню. Машина у них была какая-то большая иномарка, я с боку машину видела, вроде черная, но не «Жигули» и не «Волга» точно, но это все я уже вам говорила.

Федин допил остывший кофе и немного помолчал. Инна сидела, как на иголках, но побоялась нарушать мыслительный процесс следователя.

— Та-ак, — наконец произнес Федин и закрыл блокнот, показывая, что разговор подошел к концу. — А время, когда вы увидели пожар, было около девяти?

— Да, без чего-то девять, — засуетилась Инна, — в девять двадцать пять я была уже в Сергеевке. Ехала до поселка я минут двадцать.

— Время, время... — в раздумье произнес Федин. — Какое оно могло иметь значение для всего этого?

— Не знаю. — Инна поднялась из-за столика и взяла сумку с соседнего стула. — Может, что-то должно было произойти за эти несколько часов.

— Но что? — Федин поднял указательный палец вверх. — Должно было произойти что-то важное, иначе не назначалось бы точное время. Исполнители нарушили этот приказ и, возможно, в следствии этого появилось какое-то несовпадение, которое нежелательно для преступников... Для нас теперь главное вычислить это несовпадение и все встанет на свои места.

— Легко сказать, — усмехнулась Инна — она всегда была далека от разгадывания кроссвордов, считая это занятие пустой тратой времени.

— В этом и состоит работа следователя: искать ошибки преступников и с их помощью раскрывать преступления.

Они попрощались, но разговор Фебина не удовлетворил.

И он начал опрашивать прислугу, коллег, службу безопасности и детей Ватутина. Свои вопросы и ответы «свидетелей по делу» он тщательно записывал, а потом внимательно перечитывал, но какая-то деталь головоломки все время ускользала от его внимания.

Он снова и снова чертил «схему преступления», напоминающую ромашку, сердцевинкой которой был Георгий Рудольфович Ватутин, а лепестками — люди, имеющие к нему хоть какое-то отношение. Подозрительные, по мнению Фебина, «люди-лепестки» были жирно обведены красным маркером и от них шли многочисленные стрелочки, заканчивающиеся многочисленными вопросами. Если в показаниях «людей-лепестков» Федин не находил исчерпывающих ответов на поставленные вопросы, то он ставил напротив вопроса восклицательный знак и подчеркивал его. Такими восклицательными знаками пестрела вся «схема преступления».

В главные «подозреваемые» по делу попали несколько человек: секретарша Анастасия

— молодая высоченная красotka, скрывающая, с кем она провела новогодние каникулы и зачем заезжала перед своим отъездом на улицу Бутлерова; личный водитель Ватутина Иван, многое видевший и о многом догадывающийся, но по каким-то причинам не желающий откровенничать; личный телохранитель Ватутина — Тайнинцев Никита Кириллович (по прозвищу Танк), уволившийся с работы сразу же после «новогодних каникул» и уехавший из города в неизвестном направлении; дочь Ватутина Властелина, не желающая отвечать на вопросы об украденных деньгах из сейфа отца. К тому же серьезные подозрения у Федина вызывали «бизнесмены», купившие транспортную фирму Ватутина — уж очень маленькую сумму заплатили они за доходную процветающую фирму.

В общем, каждый опрашиваемый что-то утаивал, скрывал от Федина, чем настраивал его против себя и заставлял докапываться до истины. Все эти «копания» отнимали уйму времени, и Федину приходилось работать до поздней ночи.

Когда он возвращался домой, его крошечная дочка Маша и ее няня Катерина видели уже десятый сон, а когда просыпался, то спешил на работу — в общем, никакой личной жизни у Федина не было... Здесь Федин немного лукавил — совсем уж личная, ночная личная жизнь у него все-таки была: да няня спала, но всегда просыпалась, когда он приходил; Катерина кормила его ужином, садясь напротив и глядя на него с любовью огромными черными глазами, потом она мыла посуду и ложилась к нему в кровать... об этом теща не знала, но кое о чем догадывалась и обижалась и ревновала за свою дочь и всеми силами противилась этой связи, желая устроить личную жизнь зятя по своему усмотрению).

Да, ему давно уже пора было «разбираться со своими женщинами» — Машка уже начала говорить и называла Катерину «мамой», чем вызывала огромное недовольство тещи: Наталья Григорьевна не желала видеть «няньку» заменой своей дочери — только не она!

— Костя, прими меры! — требовала она от зятя, приезжая к нему домой. — Поставь на место эту иногороднюю...

— У меня к Катерине нет никаких претензий: она хорошо справляется со своими обязанностями.

— Знаю я, эти обязанности, — двусмысленно ухмылялась теща, намекая на то, что Катерина, даже не смотря на свои почти сорок лет, была очень привлекательная женщина. — Пожилая женщина, а туда же! Смотри, Костя, окрутит тебя эта «бесприданница» — света белого невзвидишь!

— Что вы такое говорите, Наталья Григорьевна, — вяло протестовал Федин.

— Знаю, что говорю! Не уж то я не вижу, какими голодными глазами ты на нее смотришь? Все я вижу, только не пара она тебе! Ты меня послушай! Не па-ра! Во-первых, она тебя старше.

— На пять лет.

— А хоть бы и на пять — жена должна быть младше мужа, тогда и слушаться будет. А во-вторых, нищая она! Толи дело Кирочка Чичерина: молодая, богатая и Машеньку любит — вон как о ней заботится: и подарки каждый месяц, и золота надарила, и няньку твою оплачивает, и ко врачам девочку возит. Это ничего, что у нее свои две дочки — маленькие они всегда любимее старших.

— Кира замуж за меня не пойдет, — как мог, отбрыкивался Федин. — У нее свои дела: после продажи конюшни она в Москве редко бывает — у нее то сборы какие-то, то тренировки, то соревнования, еще тренерская работа.

— А ты добейся! — напирала теща. — Мужик ты или кто?

— Да есть у нее жених!

— Жених — это еще не муж! — отрезала теща. — Ты ей подарочек купи да подари — женщины подарки любят! Колечко там какое, подороже!

— Ей мое колечко без надобности — ей жених на помолвку коня подарил!

— Коня? Это лошадь, что ли?

— Ну да! Огромного, черного! Вот на нем Кира новогодние соревнования какие-то выиграла и стала «мастером спорта». Она от своего жениха уж точно не откажется — скоро у них свадьба! Так что вы, Наталья Григорьевна, сватать меня за Киру прекращайте — у нее своя свадьба, у нас своя!

Федин переводил разговор на другое, находил неотложные дела, сбегал на работу, но разговор о его женитьбе на «Кирочке Чичериной — умнице и красавице» снова и снова возникал в его доме. И Федин, наконец, решил, что с него хватит — вот закончит это дело и займется своей личной жизнью!

Но частное дело никак не заканчивалось — открывались все новые и новые факты, появлялись новые версии, требующие проверки — вот, например, «РусКэпиталБанк». Проверка банка заняла не один день — Федин оказался «должником» сразу у трех хакеров: одному хакеру не под силу было незаметно «взломать» банковскую охранную систему и получить нужную информацию (ведь расследование велось частное!) — и что в результате? В результате пустышка: деньги с общих счетов Ватутиных никуда не переводились — их просто сняли и все! Легко Властелине говорить: «Найдите деньги!» — попробуй, проследи путь наличных денег!

33

Танк объявился неожиданно — она звонила ему, искала, караулила у подъезда, а он вынырнул из темноты прямо перед носом Властелины.

— Соседи сказали, что ты меня искала. Зачем? — тихо спросил он, вновь отступая в темноту из освещенного фонарем круга.

— Искала, — кивнула головой девушка, совсем не радуясь неожиданной встречи — столько всего произошло после их последней встречи, что чувства ее притупились и прежнего, радостного возбуждения не вызывали.

— Отойдем, — предложил бывший телохранитель Ватутина и, не оглядываясь, направился в сторону сигаретной палатки — уверенный, что она обязательно пойдет за ним, куда она денется.

Властелина понуро потащила следом, думая о том, что еще неделю назад она до смерти хотела его видеть! — стояла у палатки и покорно ждала, пока ее «бывший парень» покупал сигареты.

— Так чего тебе надо было? — закуривая, недовольно поинтересовался высокий плечистый парень.

— Мама умерла, — безрадостно сообщила Властелина и сжала кулаки, чтобы не расплакаться — ей стало ужасно жалко себя.

— Знаю, на фирме только об этом и говорят. Дура твоя мать! — выругался Тайнинцев, совершенно не считаясь с чувствами девушки. — Всегда была дурой — дурой и померла!

— Это не тебе судить! — неожиданно обозлилась Властелина за мать. — Она, по крайней мере, никого не убивала!

— Что ты этим хочешь сказать? — ошетинился Тайнинцев, надвигаясь на девушку.

— Сам знаешь! — Властелина толкнула его в грудь и пошатнулась — вряд ли так просто

можно оттолкнуто ручкой надвигающуюся на тебя массу в сто с лишним килограмм.

— Ладно, не будем ссориться, — неожиданно сменил парень гнев на милость и отодвинулся от девушки. — Так зачем ты меня искала?

— Хотела предупредить, что один полковник нанял частного сыщика, чтобы найти наши деньги, украденные отцом.

— Что за полковник? — равнодушно поинтересовался Танк и внутренне напрягся — копание в этом деле его явно взволновало.

Властелина смотрела себе под ноги и напряжение в лице телохранителя не заметила — хотя, если бы она смотрела ему прямо в лицо, то кроме квадратного, увесистого подбородка и темных холодных глаз вряд ли что-нибудь разглядела бы — влюбленным женщинам свойственно не замечать недостатки любимых.

Девушка вздохнула — разговаривать об этом ей не хотелось.

— Полковник этот знакомый одной женщины, которая видела аварию, в которой погиб отец. Она приходила к нам на улицу Бутлерова и говорила с матерью.

Брови Тайнинцева нахмурились — откуда взялась эта свидетельница?

— Что за женщина? — все также равнодушно спросил он и прикурил новую сигарету. — И что она могла видеть?

— Не знаю! — обиженно поджала губы Властелина, уязвленная тем, что разговор идет о какой-то посторонней женщине, а не о выражении ей сочувствия. — Лучше скажи, где ты был все это время?

— Где был, там меня уже нет, — с каменным лицом пошутил бывший телохранитель Ватутина и выпустил вверх струю дыма. — Может, тебе еще доложить, с кем я был? И где взял деньги на поездку?

Лицо девушки покрылось красными пятнами.

— На меня больше не рассчитывай, — зло отрезала Властелина и шагнула в сторону дома. — Денег от меня больше не получишь!

— А чего на тебя рассчитывать, — скривился парень и отшвырнул в сторону недокуренную сигарету, — денег то у тебя теперь нет!

Властелина проследила глазами за полетом сигареты и подумала, что, вот так же, как эту недокуренную сигарету, этот парень также равнодушно выбросил и ее из своей жизни, а ведь она хотела «жить с ним долго и счастливо». Так долго, чтобы состариться вместе и умереть в один день...

— Деньги найдут! — стараясь придать голосу больше уверенности, заявила она, гордо скидывая подбородок — навязываться она не станет, но он еще пожалеет, что расстался с ней, пожалеет, когда у нее снова появятся деньги. — А если не найдут, то я знаю, где их взять! Только тебя это уже не касается — пусть тебя содержит теперь твоя новая пассия!

Властелина развернулась и быстро пошла к дому — и этот «тупоголовый кобель» ей когда-то нравился? Это по нему она сума сходила и мечтала выйти за него замуж?

Дура!

Такая же дура, как и ее мать...

Танк долго смотрел вслед дочери «шефа», даже когда та скрылась в подъезде, все равно смотрел в ту сторону — смотрел невидящим взглядом и думал о своем.

«— Эти раскопки в аварии мне совершенно ни к чему! Вряд ли этому полковнику удастся нарыть что-то интересное, но береженого Бог бережет...»

Бывший телохранитель Ватутина достал из кармана мобильный телефон и набрал номер

бывшей секретарши Ватутина.

— Привет, Настасья! Это Танк. Подскажи, дорогая, телефон следователя, о котором ты мне говорила.

— Тебе зачем? — поинтересовалась Анастасия. — Я ему сказала, что ты уволился и куда уехал неизвестно.

— Не хочу, чтобы меня искали по всей стране, — Тайнинцев достал из кармана ручку и какой-то клочок бумаги. — Дам показания твоему следователю и свободен, как ветер.

— И куда же полетит этот ветер? — игриво спросила секретарша, ужасно жалея, что такой видный парень больше не работает у них на фирме — с ним было так весело: иногда он угощал ее кофе, рассказывал анекдоты и забавные случаи из своей жизни и никогда не подшучивал над ее ростом — метр восемьдесят семь это такая трагедия для девушки!

— Куда захочу, туда и полечу, — уклонился Танк от прямого ответа. — Скорее всего, за границу.

— Везет же некоторым...

Искренне завидуя бывшему сослуживцу, секретарша перебрала несколько визиток, нашла нужную и продиктовала Тайнинцеву номер телефона Федина.

34

Разговор мужчин в кабинете следователя напоминал игру «Да и нет — не говорите, черно-бело — не берите»: один задавал вопрос, другой отвечал уклончиво и обтекаемо, задавая в ответ свой вопрос, на который Федин отвечать не собирался.

«Битва» длилась около получаса и ничего нового Федину не дала, ну, разве что, усилила подозрения, хотя рассказ бывшего телохранителя Ватутина выглядел довольно правдоподобно.

— Тридцать первого декабря около двух часов мы уехали из офиса, приехали в загородный дом шефа, он побыл там немного, мы с Иваном погрузили вещи...

— Вещей было много? — перебил Федин, вспомнив информацию об отсутствии в доме личных вещей Георгия Рудольфовича, любезно предоставленную ему Антоном Свиркиным.

— Нормально: чемодан и пара сумок, — Танк пригладил рукой стриженный ежик волос и продолжил: — Поехали на Бутлерова — там у него пассия живет, а потом все.

— Как все? — удивился Федин.

— Так все, — телохранитель достал пачку сигарет и закурил. — Шеф ключи у Ивана отобрал и нас отпустил.

— И вы уехали?

— Конечно! Новый Год же!

— Да, да... — задумчиво произнес Федин, услышав знакомую фразу. — Новый Год же! И куда вы поехали встречать Новый Год?

— Как куда? — Танк стряхнул пепел в пепельницу и развалился на стуле — в кабинете следователя Следственного Комитета он чувствовал себя неуютно, но вальяжной позой постарался скрыть свое волнение. — К друзьям, конечно. Приехал домой, поспал немного и поехал.

— И друзья могут подтвердить ваши показания? — Федину не понравилась показная, вальяжная поза «свидетеля».

— А то! В начале одиннадцатого мы уже сидели за столом — провожали Старый Год.

В этом месте Федин отвлекся на звонок следователя Свиркина — Антон Петрович сообщил коллеге, что возбужденное дело в связи со смертью Валентины Николаевны

Ватутиной официально закрыто — суицид однозначно и что в крови Валентины Николаевны было полно алкоголя — пила, батенька, да еще как пила! — а когда освободился, обратил внимание, что бывший телохранитель Ватутина почти заполнил пепельницу окурками.

— И вы ничего не знали, что произошло с вашим шефом? — спросил Федин, возвращаясь к прерванному разговору.

— Откуда? Мы как с ребятами тридцать первого замутили, так я только третьего числа очухался. А когда проспался, в Турцию улетел. Могу паспорт показать, — Танк достал из кармана заграничный паспорт и протянул следователю.

Федин проверил паспорт, записал в блокнот таможенные отметки и вернул телохранителю.

— А почему уволились с фирмы? — вынимая из ящика новую пепельницу и подвигая ее Тайнинцеву — тот посмотрел на гору своих окурков и перестал курить.

— А что нельзя? — с вызовом спросил молодой парень, закидывая ногу на ногу — он ничего не боится.

— Ну, а все-таки? — настаивал Федин.

— Хочу за границу съездить — там работу поискать.

— А деньги?

— Деньги дело наживное — там заработаю.

Позиция Танка была весьма обычная и подозрений не вызывала, но Федину не понравилась его манера держаться: парень всем своим видом хотел показать, что не волнуется в кабинете следователя, а по своему опыту Федин знал, что даже совершенно невинные люди в кабинетах прокуратуры и Следственного Комитета чувствовали себя скованно. Поэтому Федин на этом не успокоился и продолжил «допрос».

— А здесь вам хорошо платили?

— Не жалуюсь.

— Скажите, Тайнинцев, а кто знал, что у Георгия Рудольфовича Ватутина есть любовница?

— Да все знали, — честно признался Танк. — Шеф ее не особенно и скрывал от людей — с собой на все мероприятия таскал. Ну, не Валентину же Николаевну вести на банкет?! Та дама намного моложе, да и класс другой.

— Фамилию вы, конечно же, не знаете.

— На что мне ее фамилия? Мне с ней в ЗАГС не идти — звали ее Вероника Арнольдовна, а фамилию не спрашивал.

— И никто Валентине Николаевне не рассказывал о таком поведении ее мужа? — усомнился Федин в словах Тайнинцева.

— Рассказывал? Зачем? — удивился бывший телохранитель Ватутина. — Что мы, не люди что ли?! Не понимали разве своего шефа — у каждого свои слабости — тем более, что шеф за работу платил хорошо, никого не обижал, а если бы узнал, что его жене о его маленьких шалостях настучали, то обязательно бы уволил этого человека — кому ж охота потерять такое денежное место — вот и молчали.

— Когда вы узнали, что Валентина Николаевна умерла? — Федин был не доволен собой — ему так и не удалось подловить телохранителя на неточностях и сокрытии правды.

— Когда узнал... — поднял глаза к потолку Тайнинцев. — Недавно: на фирму заскочил за трудовой книжкой и узнал. Еще узнал о том, что следствие идет, и меня вроде разыскивают. Мне Настасья ваш телефон дала — вот я и позвонил.

— Кстати, какие отношения были у секретарши и Ватутина, — Федин попытался прощупать парня с другой стороны.

— Ну, сначала лямурные, — усмехнулся Танк, — а потом шеф посерьезнее и покрасивее мадам нашел и Настьку бортанул.

— Анастасия переживала.

— Да вроде нет, — дернул накаченным плечом телохранитель. — При мне скандалов не устраивала, а там кто ж знает. Это вам лучше у девчонок спросить про переживания — я в офисе мало бывал.

— Скажите, Никита, а Георгий Рудольфович вам доверял?

— А то! Сколько раз к себе домой за документами посылал.

— А какие отношения у вас были с домашними Ватутина.

Танк напрягся, и Федин это тут же почувствовал — попал в цель.

— Какие отношения могут быть у личного телохранителя с женой шефа — нормальные, рабочие.

— Вообще-то, я имел в виду ваши отношения с Властелиной — все работающие в загородном доме Ватутина утверждают, что у вас были романтические отношения: шептание по углам и все такое.

— С такой соплячкой? Брехня! — Танк сжал кулак и стукнул себя по колену. — Бегала она за мной — это факт, но, чтобы отношения! Я что похож на идиота? Мне проблемы с малолетками не нужны — я закон знаю! К тому же, она дочь шефа.

— У меня есть сведения, — выдержав паузу, продолжил Федин, — что Властелина Георгиевна передавала вам крупную сумму денег.

— Что? — подскочил на стуле Тайнинцев — он совсем не ожидал «удара» с этой стороны — откуда это стало известно? — Это вам сама Власка сказала?

— Ответьте на вопрос.

Танк взял себя в руки, прямо посмотрел в глаза следователю и четко произнес:

— Никаких денег Властелина Георгиевна Ватутина мне не передавала.

— Вы уверены? — хищно оскалился Федин. — Может, вы у нее в долг денег просили?

— Нет.

Федин понял, что парень насторожился и больше не скажет ничего интересного.

— Ладно, на сегодня закончим, но, если в ближайшее время вы соберетесь уезжать за границу, сообщите мне — осталось еще несколько невыясненных вопросов и не хотелось бы разыскивать вас за границей, чтобы получить на них ответы.

— Если буду уезжать за границу — обязательно позвоню.

На этом разговор закончился — Федину следовало лучше подготовиться к его продолжению.

35

Потеряв цель в жизни, Властелина замкнулась в себе.

В новую школу она ходила неохотно, хотя уровень ее знаний позволил ей стать лучшей ученицей из всех выпускных классов. Учителя радовались новой ученице и прочили ей золотую медаль.

Властелина же воспринимала свои успехи довольно равнодушно, вечерами она вспоминала свою прошлую жизнь в шикарном загородном особняке, веселые вечеринки с друзьями и уныние заползало не только в ее голову, но и в сердце. Ей начало казаться, что настоящая жизнь безвозвратно ушла, осталась какая-то кошмарная и нереальная — жить

такой жизнью Властелина не хотела.

Что ждет ее впереди при таком жизненном раскладе?

Все чаще и чаще задавала она себе этот вопрос и, отвечая на него, впадала в еще большее уныние.

Ну, закончит она эту дурацкую общеобразовательную школу, ну, поступит со своей медалью в средненький институт — ни Англии, ни Америки ей все равно не видать, а раз не видать, так зачем и стараться.

Властелина подсчитала, сколько времени ей придется работать, получая тысячу долларов в месяц, чтобы скопить деньги на учебу в Англии или Америке — получилось двадцать лет и десять месяцев — это только на учебу без перелетов и карманных денег, при этом, копя деньги, она не должна есть, пить, одеваться и далее по списку. Конечно, если она будет получать две тысячи долларов в месяц, то на учебу она накопит гораздо быстрее, но вряд ли в тридцать лет ее примут в Оксфорд или Гарвард.

В общем, как ни старайся, самой на учебу ей не заработать!

Оставалось только ограбить банк или какого-нибудь завалывшегося миллионера (не завалывшиеся миллионеры давно уже уехали из России). Несколько дней эта идея не давала ей покоя, но подходящего для ограбления миллионера в ее окружении так и не нашлось. Тогда Властелина снизила денежную планку до полумиллиона долларов, и выбор пал все на того же Бориса Яковлевича Либмана — раз не захотел жениться на ней, то пусть раскошеляется (услышав предложение Властелины о женитьбе, Борис Яковлевич панически замахал руками: семья Ватутиных и так порядком ему подпортила здоровье). Правда, Властелина была совершенно уверена, что нужной ей суммы в наличности у юрисконсульта нет, однако, при желании и частичной ежегодной выплате он вполне мог справиться с такой «обузой». Оставалось только заставить его согласиться финансировать ее учебу за границей — пусть даже частично, остальную сумму она постарается найти сама: продаст квартиру и кое-что из вещей.

Идея насчет вещей Властелине понравилась, и она с энтузиазмом принялась потрошить запечатанные скотчем коробки, раскладывая вещи по кучкам (себе девушка оставляла в основном практичные вещи) — и как это она раньше не догадалась устроить грандиозную распродажу своих и материнских «шмоток»!

В чем — в чем, а в нарядах Властелина знала толк: разобрав несколько коробок с вещами, она привела их в приличный вид и, принеся на работу (днем после школы несколько часов девушка работала упаковщицей на парфюмерной фирме), с успехом продала ношенные вещи. Вырученная сумма намного превышала ее месячную заработную плату, что ни мало порадовало начинающую «бизнес-вуман». Начало было положено и дальше дело с распродажей вещей приобрело систематический характер.

Работницы жалели девушку-сиротку и с удовольствием покупали у нее «гламурные» вещи, тем, более, что цены на них были вполне приемлемые.

После вещей в продажный поток попали обувь и всевозможные аксессуары: сумки, шарфы, шляпки, перчатки и украшения Властелины и оставшиеся от матери (в сейф прятались только самые дорогие). Она не жалела ни серег, ни колечек с бриллиантами, подаренных отцом или матерью, понимая, что носить их при ее нынешней жизни просто некуда, да и через чур вызывающе.

Потом в продажный поток влились дорогие безделушки, статуэтки, столовое серебро, хрусталь, вазы и прочие «обиходные» предметы. Книги Властелина продала оптом в частные

руки и выручила просто огромную сумму — она и не думала, что в их доме имеется приличная библиотека.

Количество коробок постепенно уменьшалось, и комнаты освобождались — Властелина теперь смогла пользоваться двумя комнатами: в маленькой она устроила себе спальню, хотя запечатанных коробок было по-прежнему еще много. Пристрастившись к разбирательству вещей — столько ценного, оказывается, содержалось в коробках, Властелина обыскала ящики в мебельной стенке и в комод, внимательно просматривая каждую бумажку, боясь выбросить что-нибудь нужное — в одном из ящиков она нашла список их личных вещей, упакованных и переправленных им банком, в другом — квитанции об оплате коммунальных услуг какой-то женщиной, в третьем — бабушкины незатейливые «сокровища».

В одной из коробок Властелина обнаружила фотоальбомы с семейными фотографиями — смотреть их она не стала, а сложила на полку. В той же коробке лежали стопки поздравительных открыток и писем — открытки Властелина бегло просмотрела, а письма все перечитала, надеясь отыскать в них упоминание о каком-нибудь богатом родственнике.

Богатого родственника у них с Витькой не нашлось, но в одном из писем Властелина обнаружила несколько коротких записок, не имеющих к данному письму никакого отношения. Записки она прочитала, немного подумала (зачем мать хранила их в старом письме?) и прочитала снова — содержание записок без обращения и подписи было весьма интересным: какой-то мужчина упорно отказывался от своего только что родившегося ребенка.

Заинтересовавшись записками, Властелина переложила их в пластиковую папочку, решив разузнать семейную тайну — возможно, знание этой тайны принесет ей какую-нибудь выгоду.

Но к кому она могла обратиться за разъяснениями?

Властелина отыскала в записной книжке матери телефон ее давней подруги, которая в былые времена (когда у Ватутиных не было столько денег, но существовали душевные подруги и друзья) часто навещала ее в гости, и позвонила ей, в надежде подробнее разузнать о «тайной» жизни своей покойной матери.

36

Первого февраля Инна и Дорохов поженились.

Если подумать, то их «мероприятие» вряд ли можно было назвать свадьбой в общепринятом смысле: не было длинного белого платья у невесты и черного костюма у жениха, не было лимузина с кольцами на капоте и «сборища» шумных пьяненьких гостей за столом, не было ни родственников, ни свидетелей — они просто пошли в ЗАГС (Дорохов в парадном кителе, Инна в красивом нарядном платье) и расписались в «амбарной книге». Но оттого, что у них все было не так, как у всех, счастье их не уменьшилось ни на йоту. Для них все привычные свадебные атрибуты не играли такой уж важной роли — они вполне могли бы обойтись без государственной регистрации своих отношений и были бы не менее счастливы вместе, но в виду сложившихся обстоятельств они вынуждены были соблюсти формальности. Именно формальности, ибо никакой штамп в паспорте не удержит любовь в сердцах мужа и жены — так зачем тратить кучу денег и придавать значение этим формальностям?!

Таково было убеждение Дорохова, Инна же сначала думала совсем иначе — нет, она не хотела пышной и шумной свадьбы: такая у нее тоже уже была, но родных пригласить на свадьбу она хотела, хотя бы для того, чтобы познакомить их со своим избранником.

— В первые же выходные мы пригласим твоих родных и сообщим им о нашем браке, — пообещал Дорохов, и последние доводы Инны были «побиты».

Она снова уступила и не пожалела об этом.

О том, что Дорохов переехал к Инне (на время — ремонт в его квартире на Мичуринском проспекте уже начался), пришлось жалеть соседям-автомобилистам: его огромный черный джип, припаркованный у подъезда, занимал сразу два парковочных места. Соседи малость повозмутились, даже хотели по-свойски поговорить с «чужаком», но, увидев Дорохова в военной форме, притихли — полковник ГРУ серьезная фигура и машинные страсти понемногу «устаканились».

Жизнь обоих супругов изменилась: Дорохов стал больше времени тратить на дорогу до работы и чаще в раздумье поглядывать на мобильный телефон — позвонить жене или подождать, пока она сама ему позвонит, а Инна перестала задерживаться на работе и отменять положенные выходные. В выходные они забирали Витю из детского дома (документы на усыновление они собрали и подали на рассмотрение, но решения комиссия пока не вынесла) и все вместе «развлекались», по Витиному желанию, конечно.

Начальство обоих «молодоженов» терпеливо сносило неудобства и ждало окончания медового месяца.

Но в этот злополучный день Инне пришлось задержаться на работе: она подготовила все копии с документов для получения нового загранпаспорта и требовалась лишь подпись начальства, но начальство вздумало провести общее собрание коллектива. Инна нервничала, оправдывалась перед мужем по телефону, с тревогой поглядывала на часы — стрелки подходили к восьми, а она все еще находилась на работе.

Наконец, собрание закончилось, Инна подсунула разгоряченному начальнику документы на подпись, выслушала несколько нелестных замечаний по поводу своей работы и побежала в бухгалтерию, заверить начальственную подпись печатью. Там она тоже немного задержалась, выслушивая поздравления и мудрые наставления коллег — одно радовало, что необходимые подпись и печать красовались на ее документах, и завтра с утра она отнесет их на оформление.

Согнув бумаги по пополам, Инна на бегу засунула пластиковую папочку с кипой копий документов и двумя паспортами во внутренний карман дубленки — сумка была полна всякой всячиной — и поспешила домой.

Стрелки часов показывали начало десятого, когда Инна подбегала к своей блочной девятиэтажке. Без задержки она пролетела первые два подъезда, миновала детскую площадку и, поворачивая к своему подъезду, неожиданно «притормозила» — из-за крайнего дерева, росшего у самых дверей подъезда, через равные промежутки времени выплывали яркие четкие дымные колечки.

По инерции сделав несколько шагов, Инна совсем остановилась и стала считать появляющиеся дымные колечки, одновременно пытаясь вспомнить, где и когда она уже видела столь примечательный «фокус». Она насчитала пять дымных колечек, когда сильная струя последнего, дымного воздуха пронзила расплывающиеся кольца, нанизывая их на себя.

— Ну, конечно! — вдруг отчетливо вспомнила Инна, медленно идя к своему подъезду. — Это было в новогоднюю ночь на месте аварии... я совсем забыла об этом «фокусе»...

Ругая себя за забывчивость — следовательно так дотошно выпрашивал ее о приметах «инопланетян», увиденных ей на месте аварии, а она оплошала — Инна поднялась по

ступеням, автоматически набрала код, потянула на себя тяжелую железную дверь и шагнула в подъезд. Привычного хлопка закрывающейся двери она почему-то не услышала, но не обратила на это внимания: слишком занята она была в эту минуту собственными воспоминаниями и сожалениями.

Поднимаясь по ступеням к лифту, Инна расстегнула дубленку, нажала кнопку лифта и, услышав за спиной торопливые шаги, обернулась.

Неожиданно на нее надвинулась черная бесформенная масса с человеческими глазами, глядящими через прорези маски, прижала к стене, сдавила горло, и Инна задохнулась пронзившей ее болью.

Когда боль заполнила все тело, черная смертоносная масса оставила свою жертву, начала отдаляться, таять в полутьме подъезда, и Инна смогла вдохнуть немного воздуха.

Прежде чем глаза ее заволокло красным туманом, и сознание помутилось, она еще успела увидеть раздвигающиеся двери лифта, оторваться от стены и шагнуть в него — в его спасительную глубину, подальше от той черной убийственной массы с холодными человеческими глазами.

Двери лифта закрылись, и Инна стала медленно сползать по стене на пол кабины.

37

Дорохов стоял у плиты — жарка мяса чисто мужское дело — и недовольно поглядывал на часы: обычное время прихода Инны давно прошло. Прошло, но он жене не звонил — Инна позвонила сама и предупредила о собрании. И теперь Дорохов мучился сомнениями: возможно, это собрание продлится до полуночи, но даже если так, он не станет показывать свое волнение — он вполне доверяет своей жене и, если она задерживается, значит, тому есть веские причины.

Причин Дорохов мог придумать множество, но неприятный осадок от всего этого «опоздания» все равно оставался.

— Могла бы и позвонить, — Дорохов взглянул на часы и включил телевизор — новости он смотрел обязательно.

Экран вспыхнул голубым светом, диктор поставленным голосом вещал о снегопаде в Италии и радости местной детворы, неумело лепящей снеговиков и играющей в снежки. — В Италию, значит, не поедем, — задумчиво произнес «шеф-повар» и взял со стола мобильный телефон — все-таки решил позвонить.

Но Инна не ответила.

Дорохов сунул мобильник в карман рубашки и насупился — какое может быть собрание в десятом часу ночи!

Выключив газ, он накрыл сковороду крышкой и решительно направился в прихожую — он пойдет ей навстречу, в крайнем случае, подождет у работы, но сидеть дома и ждать он больше не может. Натянул сапоги, надел дубленку.

За окном послышался надрывный приближающийся вой сирены «Скорой помощи», Дорохов поморщился — предвестник беды направлялся в их сторону — подошел к окну, посмотрел вниз. Не смотря на позднее время, около их подъезда стояли люди. Дорохов подивился этому обстоятельству и, вернувшись в прихожую, надел шапку.

В дверь несколько раз позвонили, потом, не дождавшись ответа, застучали кулаком.

— Сергей Саныч, — закричал за дверью сосед по площадке. — Выходи скорее, Инну ограбили!

Дорохов так быстро распахнул дверь, что сосед замер с поднятым кулаком.

— Где она? — каким-то чужим, придушенным голосом спросил у мужчины Дорохов и, по указанному соседом направлению, побежал вниз.

Он добежал до первого этажа в тот момент, когда Инну укладывали на носилки.

— Пропустите, — раздвинул он любопытствующих соседей, протискиваясь к медикам. — Что с ней? Она жива?

Врач бросил на Дорохова быстрый взгляд и, успокаивая, кивнул головой.

— Вы родственник?

— Муж.

— Тогда поздравляю — ваша жена в рубашке родилась: если бы не кипа бумаг да паспорта и не расстегнутая дубленка нож угодил бы прямо в сердце, а так попал в бумажно-документный щит и изменил направление.

— А почему у нее голова в крови? — ужаснулся Дорохов.

— Скорее всего, грабитель схватил ее за горло и стукнул головой о стену, чтобы не сопротивлялась — отсюда и кровь, и потеря сознания.

Инна с трудом открыла глаза и бессмысленным взглядом обвела лица людей. На лице Дорохова она задержала взгляд и попыталась подняться.

— Вот этого, голубушка, вам делать категорически нельзя, — врач силой удержал Инну на носилках.

— Я поеду с тобой, — успокоил Дорохов, пытающуюся что-то произнести жену.

— Все, поехали!

Медики подняли носилки и поспешили к машине, Дорохов рванулся вперед, распахивая тяжелую подъездную дверь.

Возвращался домой Дорохов под утро — уехать из больницы, не узнав о самочувствии Инны, он не мог.

— Ну, что можно сказать... — дежурный врач взял протянутые Дороховым купюры и сунул их в карман халата. — Мы остановили кровотечение, рану зашили — это главное, а все остальное утром.

— К ней можно?

— Она под наркозом и сейчас спит, и лучше ее пока не беспокоить.

— Я только посмотрю и тут же уйду, даже в палату заходить не буду, — настаивал Дорохов, и врач сдался.

— Что с вами поделаешь...

Честно выполнив свое обещание: с порога посмотрев на Инну и убедившись, что она действительно спит (не стонет, не кричит, не мечется), Дорохов осторожно прикрыл дверь палаты.

38

— Константин Александрович, это Дорохов, — принаравливая голос к больничной тишине, заговорил Дорохов. — Инна в больнице — ее ранили ножом в подъезде. Полиция говорит — ограбление, но чем больше я об этом думаю, тем больше сомневаюсь.

Федин отошел от коллег и стал, не спеша, продвигаться в сторону своего кабинета.

— Почему вы так думаете, Сергей Александрович? Что у нее украли?

— Да, сумку украли, — энергично объяснил Дорохов и, оглянувшись, прикрыл рукой рот и телефон, — но не в этом дело. Всю дорогу в больницу Инна ругала себя за забывчивость и твердила об увиденных дымных колечках — ну, знаете, курильщики так иногда балуются: сначала пускают несколько колец, а потом нанизывают их на струю дыма.

— Знаю, такой фокус.

— Так вот, Инна утверждает, что около дома, перед нападением на нее она заметила дымные колечки, но главное, что она вспомнила, где уже видела такие же сигаретные колечки.

— И где? — Федин подошел к своему кабинету и вставил ключ в замочную скважину.

— На месте аварии Ватутина — один из парней проделывал точно такой же фокус с сигаретным дымом.

— О, женщины! — взорвался Федин и со злостью пнул ногой ни в чем не повинную кабинетную дверь. — Как я не люблю иметь дело с женщинами! Свидетели из них никакие: цвет рубашки, расцветку галстука или запах одеколona она помнит и опишет в мельчайших подробностях, а в лицо преступнику даже не взглянет! Ну, что прикажите с ними делать?! Я же несколько раз спрашивал Инну Павловну о приметах парней, почему же она тогда этого не вспомнила?

— Да, женщины существа непредсказуемые, — с усталой досадой согласился Дорохов. — Но я вот о чем подумал, Константин Александрович, вдруг это один и тот же человек? Ну, был на месте аварии и напал на Инну.

Прячась от непонимающих взглядов коллег, Федин открыл кабинет, вошел внутрь и с силой хлопнул дверью — ну, могут и у него расшалиться нервы!

— Вы хотите сказать, что если это один и тот же человек, то вряд ли это было простое ограбление?

— И-мен-но! — согласился Дорохов. — Эти ребята устраняют свидетеля аварии, в результате которой погиб этот злосчастный бизнесмен.

— Возможно... — старший следователь Следственного Комитета почувствовал укол совести: «ты слишком долго возишься с этим делом, мил друг, и вот что произошло из-за твоей медлительности». Федин признал справедливый упрек и дал себе слово как можно скорее разобраться в этом деле. — Если вы правы, Сергей Александрович, тогда нападение на Инну Павловну переходит в совершенно другую категорию преступления: это не ограбление с применением оружия, а покушение на убийство. Однако, для того чтобы так считать, мы должны предположить, что преступники в курсе нашего расследования — иначе откуда они узнали о свидетельнице аварии. Необходимо установить круг лиц, знавших о том, что Инна Павловна стала невольным свидетелем аварии и видела парней с канистрами.

Дорохов задумался.

— Кроме меня и вас о том, что она видела на месте аварии, знали еще Валентина Николаевна и Властелина — в Рождество мы с Инной ездили на улицу Бутлерова к вдове Ватутина, где они теперь живут. Мы с Витей остались в прихожей, а Инна рассказала Валентине Николаевне о странной аварии, в которой погиб ее муж.

— А вот в этом я не уверен, — задумчиво произнес Федин.

— В чем не уверены?

— В том, что в аварии погиб именно Георгий Рудольфович Ватутин. — Федин достал из сейфа папочку с «делом», раскрыл ее и, перекладывая листы, нашел листок с результатом генетической экспертизы. Прочитал вслух результаты экспертизы.

Новость поразила Дорохова — он привык считать, что Ватутина убили именно из-за денег.

— У вас появилась новая версия?

— Да нет, — Федин потряс злополучным листочком, разрушившим такую простую и

ясную версию, — экспертиза подтвердила, что сгоревший в машине Ватутина человек не является биологическим отцом Вити Ватутина. Валентина Николаевна Ватутина — мать (мне удалось снять с расчески в прихожей несколько коротких белых волосков и отдать их на экспертизу), а вот кто отец мальчика не установлено, но уж точно не человек, сгоревший в машине.

— И что же теперь делать? — поднявшись со скамейки, Дорохов в волнении заходил по больничному коридору.

То, что Ватутин, возможно, не погиб в автомобильной аварии, озадачило и расстроило Дорохова — при живом отце он не имел морального права усыновлять Виктора. Даже если Ватутин не является биологическим отцом своему сыну, по закону он ему все же отец, а это вконец запутывало дело и процесс усыновления придется отложить до выяснения истинного положения вещей.

«Пациент скорее жив, чем мертв...»

— Я уже предпринял кое-какие действия: изъял и отдал на экспертизу «материал» матери Георгия Ватутина, — без энтузиазма пояснил Федин. — Попытаюсь получить «материал» и у дочери Ватутина.

— Понимаю, если сгоревший человек не сын Ватутиной и не отец Властелины, значит, сгорел точно не Ватутин.

— Если бы все было так просто, — вздохнул «мудрый» следователь. — Георгий Рудольфович может оказаться не родным, а приемным сыном Ватутиной или пасынком: сыном мужа от другого брака — мать Ватутина была не расположена откровенничать со мной и попросту выставила за дверь при упоминании об экспертизе, но мне удалось украсть со стола чайную ложку, которой она с наслаждением ела клубничное варенье. А Властелина, как и Витя Ватутин, тоже может оказаться не родной дочерью Ватутина — может случиться так, что Георгий Рудольфович по тем или иным причинам не мог иметь детей и Витя и Властелина рождены Валентиной Николаевной от донора. В общем, еще многое предстоит выяснить.

— Константин Александрович, как же нам обезопасить Инну? — Дорохова этот вопрос очень волновал. — Если узнают, что она жива — возможно, новое покушение на нее.

Федин помолчал, обдумывая ситуацию.

— Мы, конечно, можем сказать всем, что Инна Павловна умерла, только боюсь, это не сыграет нам на руку. Преступник успокоится, заляжет на дно...

— Рисковать жизнью Инны я не позволю! — жестко перебил следователя Дорохов.

— Да кто говорит о риске? — делано удивился Федин — мысль сделать из Инны Новиковой отличную приманку, сразу же пришла ему в голову. — Просто напротив палаты Инны Павловны посадим человека, поставим видеокамеры...

— И заберем Инну из больницы, — в этом вопросе Дорохов был непреклонен. — Я увезу ее из Москвы до окончания расследования.

Такой поворот Фебина явно не устраивал.

— Дайте мне время все обдумать, Сергей Александрович, а потом встретимся и обсудим наши дальнейшие действия.

— Договорились, — не очень вежливо произнес Дорохов, — а пока я приставлю к Инне своего человека для охраны.

На этом и порешили.

Черный сверкающий «Мерседес» осторожно отъехал от родильного дома.

На заднем сиденье счастливые родители неотрывно смотрели на новорожденного ребенка, завернутого в одеяло и упакованного в кружевной синий «конверт».

— Сын, — умиrotворенно произнес мужчина с аккуратно подстриженной бородкой и тонкими усиками и сделал ребенку козу. — Ух, ты, моя радость!

— Он еще ничего не понимает, — улыбнулась рыжеволосая женщина столь явному проявлению отцовской любви и легонько шлепнула улыбающегося «папашу» по руке.

— Ну, конечно, не понимает! — обиделся «папаша», приглаживая рукой недавно пересаженные короткие волосы (они еще топорщились во все стороны, не желая укладываться в одном направлении), но через секунду его обида прошла. Он полез во внутренний карман пиджака за подарком, достал маленькую бархатную коробочку и на открытой ладони протянул женщине. — Что угодила женушка, то угодила.

Женщина на заднем сиденье, не выпуская из рук ребенка, осторожно взяла протянутую синюю коробочку, неловко открыла, надела кольцо на палец и полюбовалась огромным бриллиантом.

— Спасибо, дорогой! Ты у меня самый лучший!

— Нет, это ты у меня самая лучшая!

— Нет, ты лучший! — капризно настаивала на своем улыбающаяся рыжеволосая женщина. — Не спорь со мной!

— Ладно, — соглашаясь, кивнул головой мужчина. — Я самый лучший.

Молодой коротко стриженный водитель «Мерседеса» скривился от такой слащавости и, отвечая на свои мысли, пожал широкими плечами.

«— Кто поймет этих богатых, — вяло подумал он, останавливая послушную дорогую иномарку на светофоре, — то друг другу глотку готовы перегрызть, а тут сюси-пусси. Может, правда, от собственных детей мужики дуреют. Хотя, кто знает от собственных ли... Говорил, что пока тест ДНК не подтвердит его отцовство не женится, а потом вдруг сам предложил... Странно все это...»

40

Весь день на работе Дорохов промучился от сознания того, что должен сообщить неприятные известия своим новым родственникам — родителям жены.

Родители Инны ему понравились: интеллигентные, образованные люди со вполне лояльными взглядами на новую жизнь — Лариса Егоровна и Павел Ильич дочь любили и желали ей счастья.

Конечно, поначалу чувствовалось напряжение между ними — не по-людски поступили «молодые», даже родителей на свадьбу не позвали, но после объяснений Дорохова: он де работает в такой секретной организации, где всякие публичные мероприятия не желательны, отношения наладились.

— Так вы разведчик? — наивно поинтересовалась Лариса Егоровна, надеясь услышать захватывающие истории из жизни тайных агентов.

— Да нет, что вы, — Дорохов неожиданно огорчился, что он не «разведчик» — вот, бы его новые родственники обрадовались: в их семью вошел настоящий герой — в глазах тещи читалось именно это. — Наше управление связано со строительством: мы разрабатываем секретные объекты, а потом их строим.

— Понятно, вы строитель, — разочаровалась Лариса Егоровна и интерес к работе «зятя» пропал.

— Можно сказать и так, — покладисто согласился Дорохов, не вдаваясь в подробности — их последний, секретный объект нельзя было назвать простым строительством — это было настоящее произведение искусства, созданное человеческими руками, передовой творческой мыслью и новейшими космическими технологиями.

— Надо было пригласить ваших родителей, Сергей Александрович, мы бы познакомились, так сказать, в тесном кругу, — осторожно упрекнул Павел Ильич, накладывая к себе на тарелку дымящуюся картофелину, щедро посыпанную укропом.

— Мои родители умерли, — буднично пояснил Дорохов, сосредоточенно разрезая мясо на кусочки. — Все родственники у меня дальние — мы почти не общаемся.

— Это плохо, — осуждающе покачала головой Лариса Егоровна — опять зять ее разочаровал. — С родственниками надо дружить.

— Зачем? — так же равнодушно спросил Дорохов, и все Новиковы за столом переглянулись: в их семье было принято периодически встречаться, созваниваться и по возможности помогать друг другу.

— Это, чтобы не замыкаться на своих проблемах, — в тон Дорохову ответила Инна. — Например, когда у тети Светы забирали сына в армию, все родственники дружно искали выход на Военкомат, а потом все дружно собирали деньги, чтобы ее сына от армии «отмазать».

— Инна, как ты можешь иронизировать над этим! — в один голос возмутились родители Инны.

— Запросто, — пожала плечами молодая жена и вышла на кухню посмотреть пирог.

— Вы не думайте, Сергей Александрович, что мы против службы ребят в армии, не сами понимаете, — Павел Ильич выразительно посмотрел на жену и вздохнул. — Женщины не желают подвергать опасности своих сыновей.

— Конечно! — вскинулась Лариса Егоровна, отстаивая правду всех женщин-матерей. — Что в этой армии творится! Сплошные издевательства и суициды.

— Это ты, Ларочка, преувеличиваешь.

— Неужели? Вы уж, Сергей Александрович, не обижайтесь, но я считаю, что в этом армейском безобразии виноваты вы — офицеры. Страна доверила вам жизни ребят — так следите за ними, работайте, учите!

— Совершенно с вами согласен, — Дорохов разделял эту точку зрения, но отношения к солдатам не имел.

И вот теперь он должен был сообщить родителям Инны, так остро переживающих беды других, о том, что беда постучалась и в их двери. Дорохов достал из кармана телефон, постоял немного, подыскивая нужные слова, повздыхал и медленно набрал нужный номер...

41

Сначала в больничную палату вдвинулся букет белых роз, обернутый в серебряное шуршащее кружево, а уж потом на пороге появился высокий мускулистый Леонид Чехов — он всегда сопровождал свое появление чем-то особенным и бросающимся в глаза. На его красивом лице застыла вымученная полуулыбка, а в голубых глазах покорность обстоятельствам.

Посмотрев на холеного красавца, молоденькая медсестра тут же забыла об уколах и врачебных назначениях и восхищенно ахнула, за что была награждена ослепительной улыбкой Леонида — на женщин его голливудская улыбка производила неизгладимое впечатление.

— Добрый день, — певучим баритоном проворковал приветствие бывший муж Инны, адресованное сразу обеим женщинам, и упругой спортивной походкой направился к кровати пострадавшей.

— Ты что здесь делаешь? — ужаснулась Инна, предчувствуя долгие объяснения с Дороховым по поводу столь неожиданного визита бывшего мужа — она с ним сто лет не общалась!

— Лариса Егоровна просила меня зайти, — безрадостно сообщил Леонид и, повертев букет в руках, сунул его в руки Инны.

Та ошарашено посмотрела на огромный букет, повертела его так и эдак — букет все равно мешал, и приткнула его на тумбочку между чашкой и пакетом сока.

Видя такое пренебрежение к роскошному букету, медсестра тут же вскочила.

— Сейчас я вам вазу принесу, — пообещала она, глядя исключительно на Леонида, и направилась к двери.

— Премного благодарен, — вновь лучезарно улыбнулся «голливудский» красавец зардевшейся юной медичке.

Дождавшись пока дверь закроется за медсестрой — устраивать скандал на глазах персонала больницы глупо: пойдут сплетни о них с Ленечкой и обязательно дойдут до мужа — Инна села в кровати, едва сдерживая свое раздражение.

— Зачем ты пришел? — тихо возмутилась она, с опаской поглядывая на дверь палаты.

— Посмотреть на тебя и поговорить с врачом. Лариса Егоровна опасается, что твой разлюбезный муж что-то от них скрывает.

— Что, например?

— Ну, не знаю... — Леонид поднял глаза к потолку и печально вздохнул. — Вдруг у тебя не простое сотрясение мозга, а что-нибудь очень серьезное и тебе требуется помощь специалиста.

— Психиатра?! — съязвила Инна.

— Ты сама это сказала.

— Лень, я тебя умоляю — иди уже.

— Гонишь? — удивился бывший муж, усаживаясь на стул у кровати.

— Выпроваживаю, — вежливо уточнила Инна и выразительно посмотрела на дверь.

— А-а, понимаю, — качнул головой Леонид, длинные русые волосы упали на глаза, и он привычным движением бережно уложил их на место. — Ожидается визит более важного гостя.

— Ты всегда отличался понятливостью, — улыбнулась Инна. — Считаю, что свою миссию ты выполнил: посмотрел, оценил, поговорил. Все, пока!

— Слушай, старуха, а ты ужасно выглядишь! — бывший муж и не думал уходить. — Я бы на твоём месте гостей не принимал — испугаются вида твоего ужасного, и поминай, как звали.

— Что ты от меня хочешь? Я на все согласна, только уматывай отсюда!

— Я к тебе пришел, решил посочувствовать твоему бедственному положению, а ты грубишь! Не хорошо это, Иннуля! — укоризненно произнес Леонид — предполагалось, что Инна раскается и тут же извинится.

— Ладно, — сдалась Инна, — сочувствуй!

Леонид помялся, посмотрел в окно и произнес:

— Эх ты, балда эмансипированная, от своего счастья собственноручно отказалась.

Инна нахмурила брови, пытаясь осмыслить услышанное.

— Счастье это кто? Уж не ты ли?

— Я!!!

Столько уверенности в своей правоте прозвучало в голосе Леонида, что Инна поняла, что бывший муж явился неспроста — ну, уж точно не потому, что его просила об этом бывшая теща.

— У тебя что-то случилось? — задала Инна наводящий вопрос, решив побыстрее все разузнать и покончить с визитом незваного гостя.

— У меня то как раз все в порядке! — лучезарно улыбнулся ей Леонид, что бы не осталось сомнений в его успехе. — Недавно я удачно продал домик с земельным участком между Новороссийском и Абинском. Помнишь, после нашей свадьбы мы поехали туда вместе с ребятами из института?

— Еще бы! Всклакивали ни свет, ни заря, чтобы успеть на автобус и целый час тряслись до моря, а потом возвращались обратно в жаре и духоте, и уже в автобусе занимали очередь в душ.

— Тогда ты не была такой привередливой, — обиделся бывший муж и придирчиво оглядел одноместную больничную палату — оценил телевизор, холодильник и личные «удобства» в палате.

— Что делать — все меняются, — философски заметила Инна.

— Некоторые в худшую сторону.

— Это, как посмотреть!

— Сдаюсь — тебя не переговоришь! — Леонид не собирался спорить, он пришел сюда по другому поводу. — Так вот о домике — сестра матери умерла, и он достался мне в наследство. Три года я пытался его выгодно продать, но предлагаемая цена меня не устраивала. За это время я к своему домику и небольшому участку прикупил еще несколько развалюх с землей — вот и получилось у меня земли больше гектара, а недавно я всю эту землю с развалюхами продал.

— Поздравляю.

— Даже жалко стало, когда подпись на документах ставил, чуть не прослезился — сколько лет к теплему морю отдыхать ездил... Хотя чего жалеть то: землю я втридорога продал — за больши-ие деньги.

— Но это же далеко от моря, — удивилась Инна, помня отдаленность и заброшенность этого участка.

— Ничего ты не понимаешь! — презрительно усмехнулся Леонид. — Это от цивилизации далеко, а до моря на машине тридцать минут. Сейчас все стараются из города уехать — на природу. Вот знаешь, кого я там встретил, когда участок продавал? Одного из воротил транспортного бизнеса — Георгия Рудольфовича Ватутина. Наша компания с ним несколько договоров заключала — я тоже ездил на встречу и хорошо его запомнил.

— Как ты сказал? — насторожилась Инна и даже подалась вперед от напряжения.

— Я тоже ездил на встречу заключать договора, — повторил Леонид последнюю фразу.

— Да, нет! — отмахнулась Инна. — Имя? Я не ослышалась — Георгий Рудольфович Ватутин?

— Ну да, а что?

— Так он же недавно погиб в автомобильной аварии, — сообщила Инна печальное известие, надеясь услышать признание Леонида, что, возможно, он обознался — что может

делать такой богатый человек в Богом забытом далеко не курортном местечке.

— Я тоже что-то слышал об аварии, только это меня мало волнует — сейчас куда ни глянь аварии и катастрофы.

— А когда ты его видел? — заинтересовалась Инна неожиданной информацией.

— Когда?.. — Леонид задумался. — Осенью. В конце ноября.

В дверь постучали, и в палату бочком протиснулась медсестра, держа в обеих руках трехлитровую банку с водой.

— Ваз нет, — извиняющимся голосом произнесла она, опять обращаясь исключительно к Леониду.

— Ничего, — вскакивая со стула, улыбнулся красавец, и они вдвоем с девушкой начали устанавливать букет в банку.

Букет долго сопротивлялся, но люди победили — они улыбнулись друг другу в знак солидарности.

Оглянувшись в дверях, медсестра вышла.

— Ты, как всегда, неотразим, — прокомментировала Инна поведение девушки.

— Держу форму, — Леонид напряг мускулы, и под джемпером обрисовались заметные округлости.

— Молодец, — равнодушно похвалила Инна и вернулась к прерванному разговору. — Значит, ты видел Ватутина в конце ноября — он там что отдыхал?

— Откуда же я знаю?

— Скажи хотя бы, при каких обстоятельствах ты его видел? — настаивала Инна, видя, что ее вопросы о погибшем бизнесмене понемногу начали раздражать бывшего мужа — он привык быть центром внимания и о других людях говорил неохотно.

— Видел я его в Новороссийске, у знакомого нотариуса. Ватутин там что-то покупал. По-моему, землю. Казаков ему руку жал и с покупкой поздравлял.

— А где он землю купил?

— Ну, ты даешь, Новикова! — возмутился Леонид. — Это, же профессиональная тайна — на этот же вопрос Роман Митрофанович только загадочно улыбнулся мне в ответ.

— Дорохова, — машинально поправила Инна, думая о другом.

— Ух, ты, — обиделся бывший муж, — моя фамилия, значит, тебе не подходила.

— Я стала старше и поумнела. Лень, а кому ты землю свою продал? — сделав умоляющие глаза, спросила Инна.

— Мальцеву Святославу Артемовичу. Через этого нотариуса и продал — он и покупателя нашел на мою землю.

— Мальцев Святослав Артемович, — повторила Инна и хитро прищурилась. — Сдается мне, Ленечка, что твой знакомый нотариус наварил на твоей земле хорошие комиссионные.

Леонид на хитрость не поддался и огорчаться возможными денежными потерями не стал.

— Это его проблемы, — гордо заявил он, — землю я продал, полученные денежки удачно покрутил и сейчас миллион долларов у меня в кармане.

— Да ты у нас завидный жених, — похвалила Инна.

— Я же говорю, что ты зря от своего счастья отказалась — сейчас бы на солнышке вместе со мной грелась, а не на больничной койке валялась.

— И как это я прогадала?! — задумчиво произнесла Инна, старательно повторяя про себя имена и фамилии нотариуса и покупателя земли Леонида — она не знала, зачем это

делает, но чувствовала, что полученная информация очень важна и ее следует хорошенько запомнить.

— Близок локоток да не укусишь! — назидательно произнес Леонид и торжествующе добавил: — Завтра улетаю к теплому морю на целый месяц.

Поморщившись, Инна потеряла виски — гениальная мысль кометой мелькнула в голове и так же молниеносно исчезла.

Видя ее состояние, Леонид поднялся со стула.

— Ну, я пойду.

— Подожди секундочку! — спохватилась Инна.

— Тебе не угодишь, Новикова — ой, прости, Дорохова — не идет тебе эта фамилия, то гонишь, то просишь остаться. А-а, догадался — жалеешь, что миллионера упустила!

Но Инна не обратила внимания на сарказм в голосе бывшего мужа и упорно гнула свою линию.

— Ленъ, это был точно Георгий Ватутин или человек очень похожий на него?

— Что у меня глаз нет?! Я его, как тебя видел, — обиделся Леонид. — Его и его амбала телохранителя.

Инне, наконец, удалось вспомнить, о чем она так стремительно подумала: если Ватутин что-то покупал через этого нотариуса, то это «что-то» теперь бы очень пригодиться его семье.

— А как бы узнать, что и где он купил?

— Да какая тебе то разница? — устало возмутился Леонид.

— Просто интересно.

— Обратись в Регистрационную Палату — все сделки с недвижимостью подлежат регистрации.

— Ленъ, ты гений! — воскликнула Инна и приложила руку к груди в знак подтверждения.

— А ты сомневалась? — игриво переспросил бывший муж.

— Сомневалась, — честно покаялась Инна.

— Ладно, Новикова, я пошел, а то тебя куда-то не туда понесло.

— Пока, — попрощалась Инна, задумчиво глядя в след бывшему мужу. — Дорохова я! А понесло меня, Ленечка, как раз очень даже туда! Если бы ты только знал, Ленечка, как ты вовремя подвернулся со своим апломбом! Я постараюсь выяснить: что покупал Ватутин, продал ли он это «что-то» перед своей смертью или не успел... А вдруг он купил землю не на свое имя, а на подставное лицо: на имя любовницы или дальнего родственника? Может, узнав о смерти Георгия Рудольфовича и Валентины Николаевны, у этого человека проснется совесть, и он отдаст землю осиротевшим детям Ватутина — деньги бы им сейчас оченьгодились. А если это «больши-ше деньги», то Властелина, как мечтала, могла бы поехать учиться за границу. Вот это было бы здорово! Я должна поехать в Новороссийск, разыскать нотариуса Козакова Романа Митрофановича и узнать у него все насчет покупки бизнесмена Ватутина!

Встретившись в холле больницы с высоким красивым спортивным мужчиной, выходящим из палаты Инны, Дорохов нахмурился — с таким молодым красавчиком ему тягаться трудновато: вон, все медсестры провожают его восхищенными глазами и вздыхают украдкой, а жена... А что жена? Она рассказывала о нем в довольно комичном ключе, но о

его внешности не было сказано ни единого слова. Почему?

Снедаемый своими сомнениями Дорохов решил успокоиться и не вторгаться в палату жены в «растрепанных чувствах» — все-таки она «больная» и волновать ее «пустяками» врач не рекомендовал, сел в холле в кресло в уголке и задумался.

«— Снимать напряжение сексом — это, конечно здорово, но и о физической нагрузке забывать не стоит, — размышлял Дорохов, испытывая легкую зависть в отношении спортивной фигуры бывшего мужа своей жены. — Сколько я в тренажерке не был? Месяца два, наверно... Точно два, и как это я раньше время находил... Сейчас его совсем нет, еще и Витек — с ним то в кино, то в цирк, то игры в компе... Так, пора брать командование в свои руки — раз в неделю все вместе в тренажерку. Инна хотела со мной пойти...»

Его размышления прервала вбежавшая в холл молоденькая медсестра. Девушка не заметила Дорохова, упала в кресло и зарыдала во весь голос.

Женских слез Дорохов не выносил.

— У вас что-то случилось? — наклонившись вперед, участливо поинтересовался он, и девушка, услышав рядом мужской голос, разом перестала плакать.

Она достала из кармана коротенького халатика пачку бумажных носовых платочков и круглую пудреницу и принялась наводить порядок на лице.

— Кто-то умер? — спросил Дорохов, разглядывая молоденькую медичку — на вид ей было не больше семнадцати.

— Нет, что вы! — испугалась медсестра и совсем по-детски шмыгнула носом. — Они надо мной просто издеваются!

— «Они» — это кто?

— «Они» — это больные! — медсестра аккуратно завернула использованные платочки в чистый платочек, сунула получившийся комочек в карман и взглянула на Дорохова — глаза у девушки были очень добрые и внимательные. — Я работаю этажом выше в мужском отделении, — пояснила она, крепко сжимая в руках кругленькую пудреницу. — А мне так хотелось работать здесь в женском: я тут и практику проходила, и всех врачей знаю, да и с больными у меня был полный контакт — никаких жалоб и нареканий на меня не было, но с начальством не поспоришь — в мужском отделении не хватает персонала... А эти мужчины надо мной просто издеваются!

— Я, конечно, не знаю всех обстоятельств, — примирительно сказал Дорохов, — но мне кажется, что они скоро вас полюбят и оценят по достоинству вашу доброту.

— Кому она нужна эта доброта! — вспыхнула девушка, и щеки ее вспыхнули от гнева. — Больные должны меня слушаться и выполнять все указания, а они...

— Не слушаются?

— Хуже! Издеваются! — глаза медички вновь наполнились слезами. — Вот сегодня, например: больному назначили очистительную клизму, я все приготовила, клизму поставила, спрашиваю: «Все нормально?», он кивает головой — мол, все хорошо, через какое-то время снова спрашиваю: «Все нормально», а он глаза выпучил, мычит и у него изо рта вода льется...

— Как это? — удивился Дорохов.

— Вы так спокойно спрашиваете, а я знаете, как испугалась! Подбежала, шланг выдернула — вода на пол полилась и мне прямо в туфли, а больной вскочил и давай надо мной хохотать...

— Это, значит, шутка такая?

— Ну да — воды в рот набрал и в процедурный кабинет явился, а когда я клизму ему поставила, начал потихонечку воду изо рта выпускать...

— Да-а, — улыбнулся Дорохов. — Юмористы. Представляю, какие у вас были глаза в ту минуту...

— Вам смешно, а мне с ними работать и работать! Они то бинты томатной пастой намажут и кричат, что у них кровотечение открылось, то рисуют на ягодицах сердечки, пронзенные стрелой, то термометр в горячий чай опускают — я смотрю на термометр и машинально записываю температуру больного: сорок один градус, потом спохватываюсь, заставляю перемерять, но цифры приходится исправлять, врачи ругаются, думают, что я невнимательная...

— Сочувствую. Но если посмотреть на это с другой стороны, то это же хороший знак: раз больные шутят, значит, выздоравливают.

— Выздоровливают! — обиженно фыркнула девушка. — Они выздоравливают, а мне страдать? Нет, я не согласна! Лучше я совсем уволюсь!

— Ну, зачем такие крайности? — Дорохов вновь наклонился вперед, приблизившись к девушке и, улыбаясь, предложил: — А вы возьмите и тоже с ними пошутите!

— Как это? — опешила медсестра, услышав такой невозможный совет. — Ведь они больные...

— Вот, вот — боль-ны-е, — по слогам выразительно произнес Дорохов. — А чего больные боятся больше всего?

— Уколов и всяких там процедур неприятных... а еще боятся, что их задержат в больнице и не выпишут домой.

— Вот вы и вспомните, чего больше всего боятся ваши так называемые «шутники» и скажите им, что вы, мол, пожаловались главному врачу на их недостойное поведение, и врач назначил одному то-то, другому то-то, третьему то-то. Посмотрите, как у них вытянутся лица от испуга — сразу забудут про свои шутки.

— Спасибо! — вскочила с кресла обрадованная медсестра. — Огромное вам спасибо, дорогой товарищ посетитель, что надоумили! Ну, я теперь им покажу! Они у меня теперь шелковыми станут!

Девушка убежала, а Дорохов, глядя ей в след, вздохнул — да, изменила его женитьба: раньше он не вмешивался в чужие проблемы — просто не замечал их! Раньше — это когда стал работать в Разведывательном Управлении под началом Василия Ивановича, а до этого «раньше» он был совсем другим: его называли «Солнышком», потом «Солнцем» — от был сильным, добрым и справедливым и многим помогал... А сейчас он стал другим, только вот с Инной он опять становился сильным, добрым и справедливым и готов был решать все ее проблемы, и она называет его «Солнце мое»... Проблемы! Вот бы его проблемы так просто решались бы, как у этой девушки! «Чужую беду руками разведу!» А может, все свои проблемы он просто придумал? Вот сейчас пойдет к Инне и прямо спросит у нее о ее бывшем муже...

подавляя в себе, желание отругать охранника, Дорохов решительно встал, расправил плечи и так же решительно пошел к палате, хорошо понимая, что полностью изолировать жену от посещения обеспокоенных родственников все равно не удастся — видимо, охранник причислил бывшего мужа Инны к родственникам и пропустил в палату. Акцентировать внимание охранника на оплошности Дорохов не стал — еще подумают, что это проявление ревности, а досужие разговоры ему не нужны.

Инна лежала в кровати и задумчиво смотрела в потолок, на звук открываемой двери она повернула голову.

— Привет, — произнес Дорохов и обычной радости в глазах жены не увидел. — Ты как себя чувствуешь?

— Нормально, — не очень уверенно произнесла «больная» и деланно улыбнулась.

— Что-то случилось? — попробовал Дорохов прояснить ситуацию, ожидая «чистосердечного признания».

— Да нет, я же говорю — все нормально.

Дорохов посмотрел на роскошный букет на тумбочке и недовольно сапнул.

— У тебя были гости?

— Да, Леонид приходил, — равнодушно сообщила Инна и даже не посмотрела в сторону принесенного букета. — Мама ему позвонила и просила меня навестить.

— Зачем?

— Чтобы я не скучала.

— А ты скучаешь?

— Нет.

— Тогда зачем он приходил?

Инна внимательно посмотрела на мужа и улыбнулась — ей приятно было, что он ревнует.

— «Юпитер, ты сердишься — значит, ты не прав!»

— Еще как прав! — сядясь на стул, сварливо возразил Дорохов и мысленно укорил себя, что пришел без цветов — женщины цветы любят, а жене принято угождать. — Такие визиты только расстраивают больных.

— Я уже выздоравливающая, — капризничала Инна, чувствуя легкое головокружение от непривычного обилия мыслей и планов, связанных с визитом бывшего мужа. — Врач сказал, что через три-четыре дня меня выпишет. А знаешь, Ленечка...

Столько настороженного неприятия было во взгляде Дорохова, что Инна осеклась на полуслове — нет, она не скажет никому о том, где и при каких обстоятельствах встретил Леонид Георгия Ватутина. Вот выпишется из больницы, и сама все узнает — она понимала, что муж не одобрит ее идею только потому, что в ее основе лежит разговор с другим мужчиной.

— И что же твой Леонид?

— Леонид? Хвастался, как обычно: все то у него «в шоколаде», не то, что у других.

— Другие это кто?

— Другие это я. — Инна взяла мужа за руку и улыбнулась. — Не ворчи, Сереж, лучше расскажи, как у тебя дела.

— У нас все нормально, — Дорохов постарался забыть о неприятном визите — по крайней мере, на его жену этот визит не произвел никакого впечатления — так он подумал и успокоился. — Витек ходит в новую школу, Евгения Петровна встречает его из школы и готовит нам ужин.

— Да вы здорово устроились! — восхитилась Инна предприимчивости мужа. — Соседка ужины готовит, за ребенком присматривает — мне можно домой не спешить.

— Нет уж, ты давай поправляйся скорей — без тебя скучно.

— Представляю, как ты скучаешь на новенькой огромной кровати без меня, — улыбнулась Инна, намекая, что через три-четыре дня на этой новенькой кровати... — Скоро

меня выпишут, и больше скучать я тебе не дам.

— Скорее бы... — Дорохов сделал вид, что намек не понял, но пересел к ней на кровать и взял ее руку в свои, поцеловал и вздохнул — сексом заниматься они будут не скоро. — На работу выходить даже не думай — будешь сидеть дома до полного выздоровления.

Инна опять согласилась, но, если бы Дорохов только знал, какой план зреет в голове выздоравливающей жены, то он бы не радовался ее скорой выписки, а оставил бы ее под надежной охраной в больнице до окончания расследования.

43

Через три дня Инну выписали из больницы...

Дорохов был на седьмом небе от счастья: купил цветы, торт, сам приготовил ужин и пользовался каждой «удобной минуткой», чтобы взять ее за руку, обнять, поцеловать и прошептать, что ужасно соскучился.

Витю же возвращение хозяйки не обрадовало: за неделю он привык к «свободной жизни» в мужской компании и менять что-то совсем не хотел. Раньше внимание Сергея Александровича было посвящено только ему, а сейчас он не сводил глаз с вернувшейся хозяйки квартиры. То, что Дорохов и Инна поженились, Витей не принималось в расчет — он дружил с Сергеем Александровичем, а дружба была намного важнее, чем какие-то там обнимашки и поцелуйчики с, в общем-то, совсем незнакомой теткой. Он сердился и ревновал, но ничего поделать не мог — указывать взрослым, как себя вести и что делать, Витя не мог, хорошо помня, чем заканчивались его просьбы о совместных прогулках и развлечениях: отец дарил ему подарок, уходил, и он оставался один в своей комнате. Здесь же, в этой квартире у него даже своей комнаты не было — он жил в "общей" гостиной.

— А ремонт в вашей квартире идет? — спрашивал он во время ужина, отвлекая внимание Дорохова от Инны.

— Идет.

— А когда закончится?

— Скоро.

— А там у меня своя комната будет?

— Будет.

— А сегодня играть в танки будем?

— Не, Вить, сегодня не будем.

— А завтра?

— Завтра посмотрим.

— Что, теперь совсем не будем играть?

— Ну, почему не будем, будем, только потом — Инна Павловна только из больницы домой вернулась, надо за ней поухаживать, чтобы скорее поправилась.

— И спать на диване вместе не будем?

— Спать точно не будем. Ты уже большой! Это первые дни тебе страшно было, а теперь ты уже привык...

— Инна Павловна здесь дольше привыкла...

Ревнуя внимание Дорохова, Витя попытался установить свои правила и настоять на своем, но Дорохов не поддался.

— Ты и в армию меня с собой возьмешь в кроватку, чтобы я твой сон охранял? Может, я за тебя еще и автомат носить буду?

Витя насупился и отрицательно покачал головой — автомат он и сам носить сможет, а

вот играть допоздна в «танчики» похоже больше у них не получится: беззаботная вольная мужская жизнь с приходом жены Сергея Александровича закончилась.

Обиженный и разочарованный Витя пошел спать, а Инна и Дорохов еще какое-то время сидели за столом на кухне, рассказывали друг другу «новости», а потом закрылись в спальне.

Огромная, новая кровать занимала почти полкомнаты, не оставляя места для другой мебели. Дорохов, задевая то за один угол, то за другой, решил завтра же вынести все «лишнее» из спальни. И Инна, конечно, же согласилась, обнимая его за шею и целуя в губы. Но Дорохов на провокации жены не поддался, заниматься сексом с больной женой категорически отказался и даже пригрозил уйти спать к Витьку в другую комнату.

На все эту угрозы и ультиматумы Инна ответила по-своему — по-женски.

Она заплакала...

Заплакала так горько и так незащитно, что Дорохов дрогнул — он никогда не видел ее плачущей, и это «зрелище» его просто убивало: кромсало ножом все его отказы и ультиматум, ранило сердце и затапливало мозг. Но он держался: мужик сказал — мужик сделал, но когда он слышал ее «стенания»...

— Ы-ы-ы... Никому я теперь не нужна... раненая, покалеченная... Муж на меня после больницы и не смотрит, прикоснуться не хочет... Ы-ы-ы... Сдохну без него, как бездомная собака под забором, от тоски по нему, а он и не заметит... Найдет себе какую-нибудь шпындру сисястую и будет трахать ее моим любименьким членищем, а я буду смотреть на них с небес, завидовать и плакать от ревности... Ы-ы-ы... Придется еще раз сдохнуть, чтобы этого не видеть...

С трясущимися руками Дорохов сначала сел на кровать, слушая ее стенания, потом лег рядом, притянул ее к себе на грудь (отчего рыдания стали еще отчаяние), стал гладить по спине, по волосам, пытаясь успокоить.

— Все, Инночка, хватит! Успокойся... — ласково говорил он, не зная как вести себя в таких случаях. — Никакую шпындру сисястую я не заведу... и трахать никого кроме тебя не буду...

Услышанное Инну порадовало, и она решила прервать рыдания... на время.

— Честно? — всхлипнула она.

Дорохов задумался, словами он бросаться не привык — «давши слово держи...»

— Вот... ы-ы-ы... заведешь и трахать будешь, как меня... — снова заныла Инна

— Ладно, пока ты моя жена, никакую другую бабу трахать не буду! — пообещал Дорохов.

И Инна стала успокаиваться, вытерла слезы, прижалась к нему теснее, все еще всхлипывая.

— А меня... когда будешь... трахать?

— Через неделю! — жестко ответил Дорохов, хотя первоначально ставил себе срок две недели.

— Я сдохну за эту неделю... — снова заныла «капризная женушка», — без твоего... моего любименького членичка...

Начиная понимать, что его «развели, как лоха педвльного», Дорохов довольно улыбнулся — вот какая драма разыгралась из-за его отказа заняться с ней любовью.

— Я тебе дам на него посмотреть перед смертью... и даже с ним попрощаться, — серьезным тоном пообещал он.

— А попрощаться это как? — заинтересовалась предложением Инна.

— Ну-у, погладить, поцеловать... пососать.

— Не, не, не! — не согласилось «заинтересованное лицо». — Прощание должно быть крепким, внутренне наполненным... чтобы чувствовалась его мощь... в прощающемся.

— Хитрюга, — засмеялся Дорохов. — Предупреждаю — секса не будет! По крайней мере сегодня... — не очень уверенно добавил он, чувствуя, как ее шаловливые ручки быстро готовят его «агрегат» к работе. — Э-э-э...

— Будет... — жарко зашептала Инна ему в ухо. — У тебя три варианта, дорогой муженек: будешь со мной драться, что категорически нельзя при моем ранении, будешь безучастно лежать, позволив себя изнасиловать, или мы потрахаемся осторожненько, совсем чуть-чуть, к удовольствию обоих... Обещаю второго раза сегодня не просить!

Что оставалось делать Дорохову? Драка сразу отпадает, быть изнасилованным собственной женой... как-то не прельщало, да и по рангу не положено: он полковник, а его трахает какая-то гражданская! Ладно бы генерал... И пришлось согласиться на третий вариант...

Все время помня о состоянии жены, Дорохов был нежен и бережен, ласков и заботлив (за неделю он так соскучился по жене, в нем скопилось столько нежной страсти, что он нацеловывал ее тело, оставляя на коже жгучие отметины), подводя своими ласками ее к оргазму, и одновременно и себя возбуждая и подводя к тому же. И входил он в нее осторожно, медленно, не глубоко, без резких движений и лишь почувствовав надвигающиеся спазмы оргазма задвигался увереннее, ритмичнее... «Блиц криг» своей быстротой немного разочаровал обоих, но у них все получилось и появилась уверенность в завтрашнем продолжении...

Эта ночь любви была самой трепетной, самой нежной, самой «сладкой» после долгой разлуки любящих друг друга мужа и жены и самой «плодотворной», принеся им обоим не только наслаждение друг другом, но и огромное счастье, о котором они пока еще не знали...

Целую неделю, после ухода «мужчин» из дома, Инна обдумывала со всех сторон план своего «расследования» и возникшие у нее справедливые сомнения: возможно, Леонид ошибся и у знакомого нотариуса видел не Георгия Рудольфовича Ватутина, а очень похожего на него человека. Но ее справедливые сомнения (Леонид был внимателен только к своей персоне, другие же люди мало его интересовали, поэтому он вполне мог ошибиться) очень быстро перевесило желание помочь обделенным детям. Однако, некие сомнения в достоверности полученной информации остались, и Инна (чтобы не очень разочаровываться) убедила себя в существовании двойника Ватутина (чего в жизни не бывает!), а заодно успокоила свою совесть — нельзя строить планы на непроверенных фактах!

Когда все детали «расследования» были хорошо продуманы, Инна, неожиданно для Дорохова, засобиравшись в Новороссийск — отдохнуть и поправить здоровье. Ей очень хотелось, чтобы они поехали отдыхать вместе — для моральной поддержки, так сказать, а заодно и в свадебное путешествие, но Дорохова с работы не отпустили.

Инна огорчилась, но вида не показала.

Вместо Дорохова в поездку напросился Витя Ватутин — комиссия по усыновлению «дала добро» и пока оформлялись документы об усыновлении, он жил с ними, и Инне приходилось с этим считаться.

Брать мальчика с собой в поездку она не хотела и опасалась — она не собиралась сидеть на одном месте, а разъезжать «на перекладных» по огромной области в

сопровождении десятилетнего мальчика было не практично и обременительно: о нем надо было заботиться, поить, кормить, развлекать, считаться с его интересами и потребностями. К тому же могла произойти случайная встреча с двойником Георгия Ватутина его погибшего отца — представив себе состояние мальчика в эту злосчастную минуту, Инна наотрез отказалась брать с собой Виктора. Но Дорохов и Витя просили, настаивали, обещали и, наконец, уговорили. Инна согласилась.

Соглашаясь на предложенную авантюру, она понадеялась на русский «авось». К тому же, встреча с двойником Ватутина могла и не произойти, а вот присутствие сына Георгия Рудольфовича при ее разговоре с родственником или подставным лицом, на которого была оформлена покупка земли, могло сыграть им на руку — знать, что дети Ватутина остались без средств к существованию — это одно, а видеть перед собой несчастного мальчика-сиротку — это совсем другое. Есть же у людей совесть!

И они стали собираться в «веселое весеннее путешествие», как выразился Витя Ватутин.

44

Федин не терял даром времени: имея на руках новую информацию, полученную от Тайнанцева и Дорохова, он по второму кругу начал опрос ближайшего окружения Георгия Ватутина.

Бывшие «домашние», немного пожившие на оставшемся от работы денежном пайке (смерть хозяина негативно сказалась на их материальном достатке) и обидевшись за это на Георгия Рудольфовича Ватутина, не пожелали больше хранить семейные секреты семьи Ватутиных и выложили Федину много интересных фактов.

Например, пожилой садовник рассказал, что иногда в хозяйском «Мерседесе», остановившимся у ворот, он мельком видел рыжеволосую женщину: Георгий Рудольфович выходил из машины, и вместе с телохранителем шел в дом, а в машине его дожидалась любовница. Федин высказал предположение, что это могла быть совсем даже не любовница, а коллега по работе, на что садовник тут же возразил, что коллег по работе, выходя из машины, не целуют и не успокаивают перед уходом.

Помощница по хозяйству — экономка тоже не осталась в долгу (даже не смотря на то, что «о покойниках говорят или хорошо или ничего») и обвинила хозяйку в излишних денежных тратах: значительные наличные суммы (по мнению очень любопытной женщины) оседали в карманах Валентины Николаевны после посещений ей магазинов — вещей покупалось «значительно» на меньшую сумму, чем указано было в «амбарной книге расходов» — (проверка чеков в пакетах была тому наглядным подтверждением). К тому же у помощницы-экономки вызывали подозрения слишком запланированные хозяйские поездки в косметические салоны и бутики — строго по вторникам и пятницам. Из этого разговора Федин сделал для себя вывод, что Валентина Николаевна была не так уж безгрешна, как казалось на первый взгляд, и возможно (Федин дважды подчеркнул слово «возможно») имела молодого сердечного друга, очень любящего дорогие подарки.

Кухарка тоже намекала на некую «подозрительную» связь хозяина: из подвала с катастрофической быстротой исчезали ее огуречно-помидорные заготовки, сделанные по особому старинному рецепту без уксуса. Федин внимательно выслушивал свидетелей, записывал их показания, сравнивал и, как только снова услышал намеки на «хозяйскую связь», сразу же поинтересовался у кухарки, почему она считает хозяйскую связь «подозрительной», заодно высказав предположение, что пропажа огуречно-помидорных заготовок, возможно, не связана с «подозрительной» связью хозяина. На что женщина, глядя

на представителя правоохранительных органов с нескрываемым превосходством, сообщила, что рыжеволосая новая хозяйская пассия беременна — похоже все «домочадцы» знали о мелких хозяйских грешках!

Новость о беременности «хозяйской пассии» буквально ошеломила Фебина — теперь продажа всей семейной собственности предстала перед ним в новом свете: похоже, Георгий Рудольфович Ватутин решил всерьез оставить свою семью, не делясь при этом нажитым состоянием.

Но, даже если это так, то почему он оставил своих собственных детей в столь бедственном положении?

Записывая в блокноте этот вопрос, Фебин дважды подчеркнул сочетание слов: «собственных детей» и поставил рядом жирный знак вопроса — генетическая экспертиза однозначно дала ответ, что сгоревший в машине человек не имеет к сыну Ватутина никакого отношения. А к дочери?

Возможно, и к дочери тоже!

В связи с этими обстоятельствами возникали две версии: первая, что бизнесмен знал, что его «собственные дети» не являются его кровными детьми и поэтому, продавая имущество, не испытывал угрызений совести, оставляя «не собственных детей» без средств к существованию; и вторая, что Георгий Рудольфович не знал о том, что его «собственные дети» не являются его кровными детьми, но каким-то образом узнал об этом и решил уйти из семьи к женщине, ожидающей появления на свет его собственного ребенка (если, конечно, он собственный). Решил уйти и забрать все свое состояние, не делясь при этом ни с женой, очень обидевшей его, ни со своими некровными детьми — отсюда объяснима и продажа всего семейного имущества, и снятие денег с общих счетов.

Но эти версии верны только в том случае, если в машине сгорел именно Георгий Ватутин.

А если сгорел не он?

Если Георгий Рудольфович Ватутин все же остался жив и его «собственные дети» являются его кровными детьми...

Тогда как увязать его безжалостные действия в отношении собственных кровных детей?

Почему он оставил своих собственных детей в столь бедственном положении?

Ну, не злодей же он, в самом деле?!

Или не собственных?..

Для того, чтобы разобраться в запутанном клубке вопросов Фебин должен был выделить из всего множества вопросов главный вопрос и ответить на него однозначно: кто же этот сгоревший в машине человек — Георгий Рудольфович Ватутин или кто-то другой?

Новым хозяевам транспортной фирмы, купленной у Георгия Ватутина, не понравилось посещение следователя, но поделаться они ничего не могли — помеха следствию не входила в их планы, и разрешение на повторный «допрос свидетелей» был получен.

Теперь Фебин опрашивал сослуживцев бизнесмена, имея на руках неоспоримые факты, да и время прошло достаточно, чтобы правда все-таки выплыла наружу.

Бывший личный водитель Ватутина подтвердил слова Тайнинцева: да — вечером они приехали на Бутлерова, да — шеф отпустил их с Танком домой, мотивируя тем, что встречать Новый Год, он будет именно там — на улице Бутлерова, и никуда они с Вероникой Беляевой больше не поедут.

Но как же тогда Ватутин с машиной оказался на Пятницком шоссе в новогоднюю ночь?

Значит, он все-таки куда-то поехал... Но куда и с кем?

На эти вопросы Иван ответить не мог: из Беляева он поехал домой и больше уже из дома не выходил — ну, разве что по просьбе матери выбегал в магазин за недостающими продуктами и горячительными напитками.

А вот отсутствие личных вещей Ватутина в его загородном доме водитель доходчиво объяснил.

— Георгий Рудольфович уже давно перевез часть вещей на Бутлерова — глупо ездить каждый раз в загородный дом, чтобы переодеться. Он привык держать свою одежду всегда под рукой: в офисе в его личной комнате отдыха, смежной с кабинетом, в шкафу висят несколько костюмов, куча рубашек и галстуков. Даже носки и трусы новые имеются — я сам видел.

Последний вопрос следователя об искусном курительщике поставил Ивана в тупик.

— Кто-то делал такой фокус с сигаретным дымом, но так сразу не вспомнить...

Федин ухватился за эту ниточку и начал «крутить-вертеть» забывчивого свидетеля, задавая наводящие вопросы и заходя с разных сторон. Его усилия не пропали даром, и водитель вспомнил, таки, кто показывал такой фокус с дымными колечками.

— Я у Георгия Рудольфовича водителем около двух лет работаю, а до меня Олег работал — вот он был мастер сигаретные кольца пускать. Многие ребята пытались у него научиться, но научились только двое: Игнатьев и Тайнинцев.

— А разве Тайнинцев курит?

— Только когда волнуется.

— !!!

«— Значит, при допросе в моем кабинете Тайнинцев волновался, — мысленно отметил про себя Федин сей неожиданно возникший факт. — Почему?»

Записав в блокнот показания водителя и возникшие в связи с ними вопросы, Федин «взялся» за секретаршу

Припертая к стенке, Настасья для приличия немного поотпиралась, но, в конце концов, призналась: да, связь с Ватутиным была, но очень недолгая.

— Георгий Рудольфович меня на все мероприятия водил: на тусовки, на корпоративные вечеринки, на презентации всякие. Вот на одной из таких презентаций он и познакомился с этой женщиной. Потом мы встретили ее на художественной выставке какого-то модного модерниста — я ничего в этом не понимаю, а Вероника взялась объяснить Георгию Рудольфовичу суть выставленных в галерее картин — она ведь тоже художница. Может, слышали — Вероника Беляева?

— К сожалению, не слышал, — Федин еще раз записал в блокноте имя любовницы Ватутина и отметил ее профессию, написав слово «художница», и вновь обратился в слух.

— Я тогда и не предполагала, чем может закончиться это случайное знакомство: ведь она намного старше меня! На целых десять лет!

О том, что возраст женщины в серьезных отношениях для многих мужчин не имеет такого уж важного значения, Федин решил умолчать, чтобы не настраивать девушку против себя.

— Давно продолжается эта связь? — сухо спросил он, акцентируя внимание Настасьи на официальности разговора.

— Около года — прошлый Новый Год мы с Георгием Рудольфовичем были еще вместе...

Настасья вздохнула — она жалела о потерянных отношениях, хотя и предполагала, что они закончатся именно расставанием, но не так скоро.

— А что вы можете сказать о жене Георгия Рудольфовича?

— Знаете, как в фильме: «квашня квашней» — она ничего не делала, чтобы помешать мужу ухаживать за другими женщинами. Ну, разве что деньги платила за доносы.

— Кому платила? — поинтересовался Федин.

— Да всем, — пренебрежительно фыркнула секретарша, — водителям, телохранителям, секретарям — мне тоже платила.

— И все доносили?

— Так, по мелочи.

— Как-то не очень честно по отношению к Валентине Николаевне, — попытался следователь усюветить девушку.

— Почему? — искренне удивилась Настасья — урок «старшего товарища» прошел впустую. — Мы Георгию Рудольфовичу обо всем честно рассказали — он посмеялся над своей женой и сказал, что это наши премии за верность. Если бы кто-то рассказал о нем его благоверной, то вылетел бы с фирмы и уже приличной работы не нашел бы.

Федин все тщательно записал и задал вопрос, вроде бы не относящийся к разговору.

— Вам понравилось в Таиланде?

— Где? — удивилась Настасья.

— Ваша мама сказала следователю, что вы ездили встречать Новый Год в Таиланд.

— А, вы об этом, — уличенная во лжи, девушка совершенно не смутилась. — Я так маме сказала, чтоб не приставала — куда поедешь, да с кем поедешь.

— Понятно — конфликт поколений.

— Еще какой! Требуется отчитываться, словно я маленькая девочка, а у меня своя личная жизнь: за мной с серьезными намерениями ухаживает высокопоставленный чиновник из Министерства Финансов — вот с ним я и встречала Новый Год у него на даче! Можете у него спросить.

— Если понадобится подтверждение вашего алиби — обязательно спрошу. Анастасия, теперь я задам вам очень важный вопрос и постарайтесь ответить на него правдиво... Зачем вы тридцать первого декабря ездили на улицу Бутлерова и что вы там видели?

Опустив глаза, девушка нахмурилась — признаваться в своих чувствах и открывать свою душу постороннему человеку было неприятно.

— Ладно, записывайте, — после короткого молчания решила Настасья. — Утром я случайно услышала разговор Георгия Рудольфовича с какой-то женщиной — имени он не называл, и это меня заинтриговало и обрадовало одновременно: вдруг, думаю, он изменяет своей художнице, а это значит, что намерения у него не серьезные, и он ее скоро бросит — у меня снова появлялся шанс быть с ним вместе. Из разговора шефа я поняла, что он собирался с этой женщиной куда-то уезжать: Георгий Рудольфович несколько раз повторил, чтобы она была полностью готова к шести часам, и адрес назвал, куда придет машина — вот я и решила посмотреть, с кем это он собрался отдыхать.

— И с кем же?

— Да со своей художницей и поехал! Они как встречались в своем любовном гнездышке, так и продолжали встречаться — а я, то подумала, что он стал приводить туда другую женщину, но ошиблась. Я подошла к дому на Бутлерова около шести — Танк последние чемоданы в «Мерседес» затаскивал.

— Танк? Вы имеете в виду Тайнинцева — личного телохранителя Ватутина? — удивленно переспросил Федин — по словам телохранителя в это время он уже спал дома.

— Ну да... — не очень уверенно подтвердила секретарша и после короткого раздумья добавила: — Только на улице уже темно было, и близко к ним я не подходила: боялась, что заметят. Возможно, я и ошиблась — утверждать не берусь, но по фигуре человек, севший за руль «Мерседеса» был очень похож на Никиту.

Пометив в блокноте заняться розысками бывшего телохранителя Ватутина, Федин поднял голову, готовый слушать продолжения рассказа Настасьи.

— Что было дальше?

— Да ничего особенного, — поскущела секретарша — ей вдруг до чертиков надоело говорить об упущенном любовнике — сколько ни говори, назад его не вернешь. — Они сели втроем в машину и уехали.

— А куда?

— Этого я не знаю.

Сведения о третьем участнике «побега» очень заинтересовали Федина — с появлением его дело начало проясняться: значит, Георгий Рудольфович Ватутин в Новый Год не остался в своей квартире на Бутлерова, как говорил водителю, а поехал куда-то с Вероникой Беляевой и кем-то третьим, очень похожим на Тайнинцева.

Попрощавшись с Настасьей, Федин поговорил с другими сотрудниками фирмы, но ничего нового не узнал: двойная жизнь шефа не была тайной для подчиненных, но Ватутин ни с кем из подчиненных не откровенничал и в свою жизнь не впускал. Правда, одна деталь в разговоре с начальником охраны насторожила Федина: мужчина нелестно отозвался о личном телохранителе Ватутина — мол, парень нахальный и не обязательный: в положенное время после «новогодних каникул» на работу не явился, а через несколько дней прислал факсом заявление о своем уходе.

Федин полистал блокнот и перечитал свои записи, сделанные во время беседы с Танком — им особо были отмечены день вылета Тайнинцева в Турцию и день его возвращения: четвертого и двадцать седьмого января — эта спонтанная поездка Тайнинцева в Турцию следователя заинтересовала. Заинтересовал не сам факт поездки, а то, что Тайнинцев уехал на столь долгий срок, не предупредив никого из начальства и не позаботившись о дополнительном отпуске (ведь официальные «новогодние каникулы» заканчивались тринадцатого января). Не предупредил, хотя билеты заказал туда и обратно, а значит, знал, что вовремя на работу не выйдет. Но, похоже, особо не переживал по этому поводу. Почему? И еще заинтересовала эта поездка Федина потому, что после нее, вернее, во время нее, Тайнинцев решил уволиться с работы. Почему? Другой работы у него пока нет — болтается парень без дела, собирается ехать за границу искать работу, а почему бы ему это время не поработать на фирме... Что могло произойти там за границей, подвигнув его к увольнению? Или это произошло гораздо раньше — до поездки и, уезжая в Турцию, Тайнинцев уже знал, что уволится с этой работы, и особо не волновался из-за задержки.

К тому же на свет выплыл уличающий факт с сигаретными колечками — любой другой следователь на месте Федина ухватился бы за него двумя руками, но Федин разыскал бывшего водителя Ватутина Олега и телохранителя Игнатьева, опросил их, проверил алиби на моменты аварии и нападения на Инну Новикову и с легким сердцем вычеркнул обоих из списка подозреваемых — у одного и у второго было стопроцентное алиби.

Теперь в списке подозреваемых Тайнинцев значился под первым номером. И для того,

чтобы хоть немного приблизиться к разгадке «дела», Федину пришлось ехать в Шереметьево.

45

— Чур, я на верхней полке! — Витек первым забежал в двухместное купе и, скинув рюкзак на мягкий «диван», с интересом прильнул к окну — так далеко из Москвы он уезжал первый раз. — Ну, когда мы поедем?

Инна и Дорохов вошли в купе в совершенно другом настроении — расставаться им ужасно не хотелось: они еще только учились жить вместе, открывая друг в друге все новые и новые качества, привыкая друг к другу и притираясь, как жернова, чтобы «мелить» семейные разногласия и житейские неприятности в мелкую муку.

— Я разберусь с делами и прилечу к вам. На недельку, но прилечу, — хмуро пообещал Дорохов, крепко держа жену за руку.

— Ну, когда мы поедем?

— Как только устроимся, я позвоню, — вздохнула Инна, не в силах оторвать взгляд от лица любимого.

— Деньги на телефон я положил — так что звони, когда захочешь и сколько хочешь разговаривай.

Инна покивала головой и снова вздохнула.

— Сергей Александрович! Ну, когда мы поедем? — прильнув к окну, мальчик провожал головой каждого проходящего мимо пассажира, ему было все интересно — вот носильщик в форме катит целую тележку чемоданов и баулов, вот толстая тетка обнимается с усатым дядькой, вот гомонящая толпа цыган бежит по перрону к своему вагону. — Ну, когда мы поедем?

— Скоро, Вить, — не поворачиваясь, ответил Дорохов.

— А вы к нам приедете? — наконец, Витек насмотрелся в окно и повернулся к разговаривающим взрослым.

— Обязательно! — Дорохов оторвался от Инны, присел на корточки перед мальчиком и взял его за руки. — Виктор, поскольку ты единственный мужчина в отбывающей компании поручаю тебе присматривать за Инной Павловной: что бы долго по берегу не гуляла, в море не купалась и больше отдыхала. Договорились?

— А то! — Витя был горд полученным заданием. — Только вы скажите Инне Палне, чтобы она меня слушалась.

— Не только скажу, но и прикажу, — грозно нахмурился Дорохов. — Прикажу, как старший по званию.

— Слышали, Инна Пална? — обрадовался мальчик.

Едва сдерживая слезы, Инна кивнула.

— Ну, тогда я пошел.

Дорохов не любил прощаться, но если все же приходилось расставаться, то старался делать это быстро и без сантиментов. Вот и сейчас он, как взрослому, пожал Витьку руку, обнял Инну, громко чмокнул ее в щеку и, не оборачиваясь, вышел из купе.

Но Инна бросилась следом, догнала, бросилась на шею и поцеловала в губы... долго-долго и прощаясь на веки-вечные... Дорохов обнял жену и, чтобы уж совсем не разнюниться, прервал прощальный поцелуй.

Потом Дорохов будет не раз вспоминать этот поцелуй... жалеть, что прервал его и что отпустил из одних...

Не оглядываясь, стремительно пройдя по вагону, Дорохов на секунду задержался в тамбуре, доставая из кармана сигареты, и вышел из поезда.

На перроне, пряча сигареты за спину, он подошел к окну купе, помахал рукой «отъезжающей компании», дружно прильнувшей к стеклу, и быстро пошел вдоль платформы к вокзалу, на ходу закуривая сигарету — и кто это выдумал прощания?!

Чтобы скрыть выступившие слезы, Инна отвернулась от окна и занялась вещами — и кто только выдумал эти расставания?!

Но именно это расставание придумала она сама!

Какая досада!

Теперь она уже жалела о том, что вмешалась в «дело» Ватутина — какое ей по большому счету дело до этого человека? Ей не надо было вмешиваться в это дело изначально: не останавливаться, не смотреть, не брать — проехала бы мимо аварии и дело с концом! Но тогда ей нечего было бы рассказывать Дорохову, просить у него совета, ехать с ним на место аварии... А потом она еще потащила к вдове Ватутина — юная пионерка! Для всех было бы лучше, если бы она не подбирала, но уж если подобрала не рассматривала бы барсетку Ватутина, а выбросила бы ее в помойное ведро и забыла бы об увиденном на месте аварии, как о кошмарном сне. Но если бы она все это не сделала, то не было бы их с Дороховым совместных размышлений и совместной поездки на место аварии, не было бы обратной дороги в Сергеевку и запаха конфетки-барбариски, а это значит, что она никогда бы не решилась на отношения с Дороховым и никогда бы не вышла за него замуж.

Нет! Такая постановка вопроса Инну не устраивала!

Нет! Она убеждена, что сделала все правильно и, если бы потребовалось, повторила бы все сначала. Единственное, что она попыталась бы изменить это то, что из-за этого «дела» ее чуть не лишили жизни. Но прошлого не воротишь, и раз они с ней так жестоко поступили, то она просто обязана сама разобраться в этом деле и помочь осиротевшим детям...

Когда Витек вдоволь насмотрелся в окно, то захотел есть.

Инна достала из сумки приготовленную в дорогу вкуснятину, и они с удовольствием стали уплетать котлеты с отварной картошечкой, порезанные на дольки помидоры и огурчики, пирожки с яблоками и шоколадные конфеты.

— Ты лопнешь, — предупредила Инна, глядя с каким аппетитом и в каком количестве, мальчик поглощает продукты.

— Не-а, — мотнул головой Витек и налил полный стакан яблочного сока. — Я могу и больше съесть!

На что Инна решительно воспротивилась: закрыла контейнеры с продуктами и убрала их в сумку — подальше от десятилетнего обжорки.

— Все! До ужина отдыхаем!

Она демонстративно достала книжку и открыла ее на заложенной странице.

Витек немного помаялся рядом: посмотрел в окно, построил рожицы своему отражению в темном стекле, а потом достал из своего рюкзака альбом с марками и полез на верхнюю полку. Открыл альбом и тоже занялся «делом».

Спустя полчаса Инна по-прежнему была на той же открытой странице. Она немного посмотрела в темное окно, немного повздыхала, вспоминая мужа, и решительно захлопнула книгу — читать она все равно не могла.

— Вить, — позвала Инна, решив, что пришло время поговорить с мальчиком о возможных трудностях их незапланированной поездки. — Ты когда-нибудь был в

Новороссийске?

— Не-а, — не отрываясь от созерцания своей коллекции, ответил юный филателист.

— А в разговоре твои родители не упоминали город Новороссийск?

— Я не слушал.

— А про Черное море они говорили?

— Инна Пална, — мальчик отложил в сторону открытый кляссер, свесился с верхней полки и по-взрослому посмотрел Инне в глаза. — Вы хотите что-то у меня узнать — спросите прямо. Мне легче будет понять, что вы хотите узнать.

— Я хочу узнать, — смутилась Инна от такого взрослого «выговора», — покупал ли твой папа землю у Черного моря?

— Об этом надо было спросить Бориса Яковлевича или Власку — она про нашу недвижимость все знала, — Витек «вернулся» на свою полку и пододвинул к себе кляссер с марками.

— Властелина сказала, что не покупали, — Инне не удобно было разговаривать с мальчиком задрав голову и изогнувшись змеей, и она встала со своего места, облокотилась руками на верхнюю полку — теперь она видела собеседника и могла управлять ситуацией.

— Значит, не покупали, — равнодушно констатировал мальчик, не отрываясь от разглядывания марок. — В Испании точно покупали — Власка с мамой туда один раз ездили, а меня тогда не взяли: я перекупался в бассейне и простудился. У меня тогда ангина была — двусторонняя!

Инна помолчала, снова повздохала: предстояло задать еще несколько вопросов, но тема вопросов для мальчика была весьма болезненная, и все-таки она должна была подготовить его к возможным неожиданным встречам.

— Вить, ты только не расстраивайся, но мне еще кое-что у тебя надо спросить. О твоём папе.

— Спрашивайте, — мальчик сник — Инна видела это по опустившимся уголкам губ, но и это ее не остановило.

— Расскажи мне о его привычках, — как можно мягче попросила она, с трудом подавив в себе желание погладить «сиротку» по голове.

— Привычки — это когда руки в карманы засовываешь? — поднял голову Витя Ватутин.

— Не только, — усмехнулась Инна и, чтобы поднять настроение мальчику, пошутила, — еще, когда в носу ковыряют. Твой папа в носу не ковырял?

— Не-а, — улыбнулся Витек, помня за собой такую «дурную» привычку.

— А ногти твой папа не грыз?

— Ногти не грыз — он чертиков рисовал. Когда о чем-то думал, то всегда на листочках чертиков рисовал — я ему в это время всегда дневник подсовывал. Он его, даже не проверяя, подписывал — так задумывался. А однажды вместо своей подписи чертика в дневнике нарисовал — училка тогда ругалась!

— А какие были чертики: смешные или страшные? — заинтересовалась Инна.

Мальчик на минуту задумался — лицо его стало совсем серьезным.

— Разные, — наконец, ответил он, — одни чертики веселые с цветочками или корзиночками с грибами, а другие страшные с мечами и дубинками. — Витя немного повздыхал, вспоминая. — Когда чертики на листочках были страшные, я дневник папе не подсовывал, а тихонечко уходил из кабинета — если к нему в это время приставали, то папа

всегда кричать начинал, ругался, что ему мешают работать в собственном доме.

— С чертиками понятно. Вить, а как ты думаешь, — Инна старалась разговаривать с мальчиком, как со взрослым, чтобы показать ему важность своих вопросов, — существуют на свете люди очень похожие друг на друга — только не родственники, а совершенно посторонние люди?

Разговор становился очень интересным, и марки на время были забыты.

— Это, как в фильме: «Двое — я и моя тень»?

— Да, — подтвердила Инна, вспоминая фильм про двух девочек, — как в этом фильме.

— Думаю, бывают, — очень серьезно ответил Витек. — Вот бы мне встретить своего близнеца!

— Двойника, — поправила Инна. — Если люди похожи, но не родственники, их называют — двойниками.

— Ну, двойника встретить! Представляете, Инна Павловна, как здорово бы было — он бы за меня в школу ходил, уроки учил...

— Стоп, стоп, стоп! — остановила Инна полет фантазии мальчика. — Такое уже было — в «Электронике». Ничего хорошего из этого не получилось. Помнишь?

Вздохнув, Витек кивнул головой и насутился — и помечтать не дали.

Видя его расстроенную физиономию, Инна решила.

— Я открою тебе один очень большой секрет, если ты поклянешься хранить его в тайне.

— Какой секрет? — в глазах мальчика загорелось неподдельное любопытство.

— Большой секрет.

— Страшный?

— Скорее взрослый, — уточнила Инна. — Клянешься хранить его в тайне, пока я не разрешу его рассказывать?

— Клянусь! — «на полном серьезе» пообещал мальчик.

— Тогда слушай! — Инна приблизилась и перешла на шепот. — Один мой знакомый поехал отдыхать на Черное море...

— Как мы? — попав под очарование секретности, тоже шепотом спросил Витек.

— Не перебивай! На море он загорал, купался и вдруг встретил одного человека... Человек этот был очень похож... на твоего папу.

— На папу? — лицо мальчика вытянулось от удивления.

Инна немного помолчала.

— Вить, ты уже большой и, конечно, понимаешь, что твой папа погиб в автомобильной аварии и этого уже не изменишь, и понимаешь, что этот человек, которого встретил мой знакомый, просто очень похож на твоего папу... Просто очень похож! И если мы, гуляя по городу, вдруг тоже встретим этого человека, то ты не должен кричать ему «папа», бежать к нему навстречу и кидаться ему на шею — ты должен помнить, что это совершенно посторонний человек, очень похожий на твоего папу. Просто очень похожий и все!

— Я понял, просто похожий... — кивнул головой мальчик.

Инна попыталась придать всему «веселому путешествию» форму игры.

— Представь себе, что мы с тобой разведчики...

— Как дядя Сережа?

— Куда нашему дяде Сереже до нас! Он кто? Секретный строитель. А мы с тобой настоящие шпионы и выслеживаем похитителя настоящих бриллиантов!

— И этот похититель сделал себе пластическую операцию и стал похож на моего

папу? — тут же включился в игру мальчик.

— Точно! — одобрила Инна его фантазию и пожала ему руку. — Вить, да ты настоящий писатель — вон какую шпионскую историю придумал! Я бы так не смогла.

Мальчик приободрился — глаза его загорелись сыщицким азартом.

— Не бойсь, тетя Инна — мы его выследим и вернем украденные бриллианты!

С этой минуты они по настоящему подружились, ибо были связаны общим секретом — только к секрету они относились по-разному: Инна — как к вынужденному обману: ей придется изо дня в день вместо отдыха таскать мальчика за собой, расспрашивая всех о Ватутинских землях, а Витек — как к опасному увлекательному приключению, которое, впрочем, закончится для них весьма успешно: они всех «плохих» обязательно победят и вернутся домой в лучах славы и с «кладом» в руках.

46

Одновременно с выяснением поездки Тайнинцева в Турцию Федин вел поиски художницы — он считал, что найдет он Веронику Беляеву, автоматически раскроется дело об убийстве Ватутина. То, что Ватутина убили из-за денег, не вызывало у Федина никаких сомнений — продав недвижимость и сняв все деньги с банковских счетов на руках у Ватутина оказалась астрономическая сумма — знали об этом многие, а убить могли и за гораздо меньшую сумму.

Поэтому Федин так упорно искал известную в определенных кругах художницу: она должна была быть в курсе происходящего и знала ответы на многие вопросы: в частности, куда и зачем они с Ватутиным так спешно уезжали в новогоднюю ночь — в ночь, из которой один из них не вернулся.

Но его поиски художницы ни к чему не привели — Веронику Беляеву он не нашел: друзья и коллеги «по цеху» ничего о ней не знали (даже так называемые «лучшие подруги» не знали) — женщина бесследно исчезла.

Федин уж было отчаялся, но, просматривая списки пассажиров, улетающих в Турцию четвертого января, неожиданно наткнулся на знакомую фамилию — сердце сыщика радостно екнуло: вот она удача! — Вероника Арнольдовна Беляева улетела в Турцию тем же рейсом, что и бывший личный телохранитель Ватутина. Улетали они одним рейсом, только художница летела первым классом, а Тайнинцев эконом классом. Когда Федин просматривал списки пассажиров, возвращающихся из Турции двадцать седьмого января, пальцы у него подрагивали от волнения: Ивановский, Лосева, Мальцев, Александров... Ага! Беляева и Тайнинцев! Возвращались они тоже вместе!

Совпадение?

В такие совпадения Федин не верил, и распространенная версия о сговоре любовницы и личного телохранителя против богатого бизнесмена тут же возникла в голове сыщика. Возникла, закрепилась и потребовала тщательной проверенного основания — ведь роман у Вероники Беляевой был с солидным преуспевающим бизнесменом: они везде появлялись вместе, а не с молодым охранником, который просто сопровождал бизнесмена. Но, как говорится, любовь зла и вполне возможно, что за спиной бизнесмена любовница и телохранитель крутили другой роман, о котором никто не подозревал?!

Проверяя возникшие подозрения, Федин выяснил, что оба тура в Турцию заказывались в одном агентстве. Оператор проверила по компьютеру заказы и дала Федину список людей, заказавших туры в этом же агентстве с первого января: их было всего десять человек, в том числе Тайнинцев и Беляева. Из этих десяти человек только пятеро вылетали четвертого

января одним и тем же рейсом, остальные вылетали в другие дни. Молодую супружескую пару Федин отбросил сразу и сосредоточился на двоих: Тайнинцеве и Беляевой. Мальцева Святослава Артемовича, тоже летевшего первым классом, но сидевшего не рядом с Беляевой, Федин решил проверить за компанию — по инерции так сказать. Проверил, и оказалось, что вся троица возвращалась из Турции одним и тем же рейсом двадцать седьмого января — только на этот раз места у Беляевой и Мальцева были рядом.

Опять совпадение?

Федин зацепился за это «совпадение» и пробил по базе данных Мальцева Святослава Артемовича, но ничего криминального на него не нашел: рядовой гражданин тридцати семи лет отроду, работающий в торговле. Менее опытный и менее дотошный следователь оставил бы этого Мальцева в покое — ну, летел человек в Турцию одним и тем же рейсом с подозреваемыми, ну сидел в самолете рядом с художницей Беляевой... И что? Законом это не воспрещается. Но Федину показалось подозрительным, что рядовой работник торговли, а не преуспевающий бизнесмен, летел первым классом, а не эконом классом, как Тайнинцев — разница цены билетов была очень существенная. Федин начал «копать» дальше и неожиданно «накопал» много чего интересного: например, то, что недавно Святослав Артемович Мальцев стал собственником внушительного «кусманчика» земли на юге России.

Откуда у этого рядового работника торговли деньги на такую дорогую нынче земельку?

Возможно, этот Мальцев просто подставное лица, а земля на самом деле принадлежит Беляевой и ее сообщнику Тайнинцеву!

Это тоже следовало проверить.

47

Погода на Черноморском курорте была преотвратная: температурные качели — то тепло — куртка нараспашку, а то налетит холодный ветер с моря и хоть шубу с ушанкой одевай, да еще теплым шарфом замотаться хочется. Дождь, какой-то не дождь, а морось, а солнышко выглянет из-за туч и дождичек уже «грибной», теплый.

Утроившись в Новороссийске, первым делом Инна купила им с Витей прочные кроссовки, толстые шерстяные носки с оленями, одинаковые по цвету ветровки: желтые, как летнее солнышко, теплые спортивные костюмы, разноцветные веселенькие рюкзачки с забавными наклейками: у Инны рюкзачок побольше с жирафом, у Вити поменьше с пандой, и одинаковые белые бейсболочки — теперь можно было отправляться на поиски «приключений», но по обоюдному согласию первый день путешествия они посвятили морю.

Море в этот день было спокойным и величественным, однако, цвет его волн настроение не поднимал: серый свинцовый тон навевал тревожные мысли. Небольшие волны накатывали на берег с затаенной силой, присмирившие под чьим-то строгим взглядом, но готовые в любой момент «выйти из-под контроля укротителя» и показать всем свою силу и мощь.

Глядя на бегущего по пляжу и собирающего «красивые» камушки и ракушки мальчика, Инна гнала от себя тревожные мысли, убеждая себя в их нелепости и беспочвенности надуманных страхов.

Ну, что им может угрожать в совершенно незнакомом месте?!

Но беспокойство не проходило, а, наоборот, с каждым часом усиливалось. Инне пришлось приложить немало усилий, чтобы скрыть от мальчика свое волнение, не показывать своего озабоченного вида и главное уснуть ночью.

На следующий день они с утра пробежались по магазинам, запаслись продуктами на

несколько дней (холодильник на съемной квартире неприятно поражал пустотой) и, изрядно подкрепившись, отправились на поиски проданного участка Леонида. Инна приблизительно помнила местонахождение этого старенького домика, но по прошествии нескольких лет все настолько изменилось, что участок они отыскивали только к вечеру и с большим трудом.

На том месте, где раньше рядом стояли хлипенькие домики, раскинулся необъятный пустырь — все постройки и заборы прежних хозяев были безжалостно снесены. Пустырь был огорожен высоким сетчатым забором с несколькими «временными» воротами из гофрированного железа и на нем всюду велось строительство огромного кирпичного дома.

Инна и Витя походили немного вдоль забора, посмотрели на подъезжающие машины со стройматериалами, понаблюдали за разгрузкой бетона из огромного крутящегося бака и вернулись в Новороссийск — спрашивать у рабочих о новом хозяине огромного участка Инна не решилась, да и охранники вряд ли позволили бы это.

Несколько дней они отдыхали, бродили по городу, заглядывали в магазины, скупая понравившиеся сувениры из ракушек.

— Инна Пална, смотрите, — радостно вскрикивал мальчик, тыча пальчиком в выставленные на лотках «зверюшек», — а льва из ракушек у нас в коллекции нет!

— Хорошо, купим еще и льва, — доставая из сумки кошелек и расплачиваясь с продавцом, покладисто соглашалась Инна, а заодно вычеркивая из своего списка еще один адрес нотариальной конторы — и как это она не догадалась спросить у Леонида адрес его знакомого нотариуса. Хотя, возможно, не спросив адреса, она поступила правильно — зачем вызывать лишние подозрения у бывшего мужа — в ее списке осталось еще только два адреса, и она обязательно найдет этого Козакова Романа Митрофановича. А вот если не найдет, то тогда позвонит Леониду и все разузнает о его «знакомом» нотариусе.

Предпоследняя нотариальная контора находилась прямо на соседней улице с той, на которой Инна сняла небольшую квартирку для них с Витей. Именно в этой конторе и работал Роман Митрофанович Козаков.

— Чем могу? — любезно поинтересовался лысоватый полненький пятидесятилетний мужчина, приглашая «клиентов» в свой довольно скромно обставленный кабинет.

Присаживаясь на жесткий стул у письменного стола, Инна вспомнила слова Леонида о крупной сделке и подумала, что нотариус не так прост, как хочет казаться — уж старенькую мебелишку мог бы сменить в своем кабинете. Или Леонид ошибся, и не было никакой крупной сделки?..

— Мне бы хотелось купить здесь небольшой участок земли и построить домик, — сразу без предисловий начала Инна разговор о земле.

Подобострастное лицо нотариуса разом поскучнело.

— Простите, но такими делами мы здесь не занимаемся, это вам надо в риэлторскую контору обратиться или к частному риэлтору, это они занимаются куплей-продажей недвижимости, землей в том числе, — не очень любезно проинформировал он и придвинул к себе лежащие на столе бумаги — показывая тем самым «непрощеным гостям», что занят и не намерен тратить свое время в пустую.

Но Инна сделала вид, что информацию не поняла и продолжала гнуть свою линию.

— А Леонид мне сказал, что именно вы помогли ему продать его участок земли. И за очень хорошие деньги.

— Какой Леонид? — насторожился мужчина — даже круглое лицо его вытянулось от напряжения.

— Леонид Чехов, — спокойно ответила Инна и прямо посмотрела в глаза Козакова. — Мы недавно с ним виделись, и он очень рекомендовал вас, как опытного и надежного человека.

Нотариус первый отвел глаза, отодвинул бумаги на край письменного стола и улыбнулся одними губами — глаза его оставались напряженными и недоверчивыми.

— А вы, простите, Леониду кто будете? — спросил он и мельком взглянул на сидевшего у окна мальчика.

— Я его бывшая жена — Инна Павловна Новикова, — проинформировала Инна, не упомянув о мальчишке. — Мы приехали сюда отдохнуть, и нам здесь очень понравилось. Правда, Витя?

Мальчик покивал головой, совсем не прислушиваясь к разговору взрослых. Он терпеливо ждал, когда можно уже будет уйти из кабинета толстого лысого дядьки, и, скучая, смотрел в окно на проезжающие мимо машины: вот проехал огромный оранжевый грузовик со щербом, вот длинное желтое такси с черными пашечками на боку, вот огромный черный «Мерседес»... совсем, как у папы...

Воспоминание о папе всегда огорчало мальчика, но сегодня он не почувствовал щемящего чувства утраты: ему было хорошо и спокойно рядом с этой высокой стройной шатенкой с добрыми глазами и ласковым голосом — мама никогда не смотрела на него с такой любовью и пониманием, никогда не говорила с ним таким голосом (ну, разве что, когда он болел), считая сына еще маленьким и ничего не понимающим.

А он все видел и все понимал!

Своим детским умом он прекрасно понимал, что в семье у них что-то не так: что именно «не так» Виктор пока не знал, но, с завистью глядя на родителей друзей, примерял увиденные отношения взрослых на свою семью — результаты были неутешительные. В его семье родители никуда вместе не ездили, в театры и на выставки не ходили, они почти не встречались в простые дни: ну, разве что в выходные, да и то у кого-нибудь из них обязательно находились дела вне дома. А ему хотелось сидеть всей семьей за столом и долго-долго обедать, беззаботно болтать ногами и слушать разговоры и смех родителей, а потом всем вместе пойти в парк и покататься на чертовом колесе или пойти всем вместе в зоопарк, и кормить животных бубликами, и смеяться над обезьянами и малышами с детской звериной площадки...

Но мечты Вити так и оставались мечтами: даже если они все вместе и обедали за одним столом, родители предпочитали молчать и побыстрее закончить вынужденное официальное общение. Нет, это было совсем не то, о чем он мечтал! Вот с дядей Сережей и тетей Инной он чувствовал себя совсем по-другому: очень нужным и важным — к его словам прислушивались, со всех сторон обсуждали его предложения, «вносили на рассмотрение» свои и все вместе по выходным отправлялись «в поход» (почему-то чаще всего Витины предложения пойти туда-то и туда-то принимались на ура). С ними Вити было хорошо, но Сергей Александрович и Инна Павловна не были его родителями, и временность его пребывания в их доме отравляла ему всю радость...

Блестя на солнце новенькими вымытыми боками, огромный черный «Мерседес» проплыл мимо окна нотариальной конторы, а потом неожиданно вернулся: машина тормознула, не спеша, сдала задним ходом и остановилась как раз напротив входной двери нотариальной конторы.

Витек перестал думать о «семьях» и заинтересованно прикинул к окну.

Из машины вышел широкоплечий молодой мужчина в черном костюме и, оглядевшись по сторонам — сказала привычка телохранителя, почтительно распахнул заднюю дверь иномарки. На асфальт из двери шагнул мужчина в черном кашемировом пальто нараспашку и подал руку женщине в теплом васильковом пончо, помогая ей выйти из машины. Когда пара, а за ними телохранитель направились к двери нотариальной конторы, мальчик вскрикнул.

— Ой!

— Что случилось? — прервав разговор с нотариусом, поинтересовалась Инна.

— Я это... Мне нужно в туалет! — сходу придумал мальчик, подбежал, схватил Инну за руку и потянул из кабинета.

— Извините, мы сейчас...

— Ничего, ничего, — делано улыбнулся обескураженный нотариус. — Дела житейские.

Вытянув Инну из кабинета, мальчик потащил ее в другой конец коридора — подальше от входной двери.

— Туалет в другой стороне, — пыталась сопротивляться Инна, но мальчик, не останавливаясь, тащил ее в другую сторону от туалета.

— Он идет сюда, — испуганно зашептал Витек, прячась за выступ стены: на их беду, коридор совсем не имел поворотов и, после небольшого расширения, упирался в дверь соседнего кабинета. — Инна Пална, вы постойте к ним спиной, а я спрячусь и послежу за ним. Только не оборачивайтесь!

Хлопнула входная дверь, в коридоре появились люди. Преодолевая желание оглянуться и посмотреть на них, Инна повернулась спиной к вошедшим и прижалась боком к выступу стены, загораживая мальчика от взоров вошедших в контору людей — в щелочку Витек наблюдал за вошедшими и шепотом комментировал их действия.

— Они идут к тому же дядьке в кабинет, открывают дверь, входят в кабинет... Фу, кажись они не заметили нас.

— Объясни, ка мне, пожалуйста, что здесь происходит? — глядя сверху вниз на притихшего мальчика, нахмурилась Инна.

— Вы что, Инна Пална, не поняли? Так это же он! Человек похожий на папу! — в глазах мальчика светилось торжество — это он первый увидел этого человека, о котором в вагоне говорила «Инна Пална».

Удивившись, Инна обернулась — коридор был пуст.

— Ты не ошибся?

— Что у меня глаз, что ли нет! — обиделся Витек. — Я его хорошо рассмотрел: дядька похож на папу... Только с первого взгляда похож.

— Что значит «с первого взгляда»? — не поняла Инна.

— Ну, в общем, похож на папу, а в отдельности... вроде не очень похож. У папы лысина была, а у этого человека ее нет. Инна Пална, а разве можно избавиться от лысины?

— Наверно, можно, — неуверенно пожала плечами Инна. — Парики там всякие, накладки и сейчас делают операции по пересадке волос — правда, это ужасно дорого.

— А потом у этого человека усы и борода и выглядит он моложе... Хотя глаза у него папины — точно папины!

Инна прижала мальчика к себе и погладила по голове.

— Ты не грусти, Вить, мы с тобой в кафе сходим: мороженого поедим, а потом комедию какую-нибудь по видуку посмотрим — грусть и пройдет.

— Я не хочу мороженого, — отстранился мальчик. — Инна Пална давайте за этим человеком проследим.

— Зачем?

— Вы же говорили, что он украл бриллианты — может, мы их найдем, и нам дадут за них много денег. А потом... Я сначала, потому подумал, что это мой папа, потому что, рядом с этим дядькой был Танк.

— Танк? Какой такой танк? — спросила Инна, прислушиваясь к едва слышному разговору в кабинете нотариуса.

— Ну, папкин личный телохранитель.

Несколько секунд Инна соображала, о чем говорит мальчик, а когда поняла, побледнела.

— Ты хочешь сказать, что у этого мужчины телохранителем работает телохранитель твоего папы?

— Ага! Танк! Я его сразу узнал, как только он из машины вышел.

— Что же тогда получается... — забубнила Инна.

Неожиданно дверь кабинета нотариуса распахнулась, Инна снова прижалась к стене, загораживая мальчика от взглядов людей.

Танк шагнул в коридор и подозрительно уставился на стоящую к ним спиной женщину — может, ждет кого-нибудь?

— До свидания, Святослав Артемович! Жду вашего звонка! — заискивающе произнес нотариус Козаков, двумя руками пожимая протянутую руку «дорогого клиента».

— Обещают через месяц дом закончить, на первом этаже отделка уже завершена. Останутся только хозяйственные постройки.

— Все нужные документы для оформления я подготовлю. Не сомневайтесь.

— Надеюсь на вас, Роман Митрофанович, до встречи, — откланялся Святослав Артемович, заботливо пропуская вперед свою рыжеволосую спутницу в длинном васильковом пончо.

Тайнинцев сделал несколько шагов по направлению к женщине в коридоре, но, увидев выходящую из кабинета нотариуса супружескую пару, передумал и двинулся к выходу.

— Святослав Артемович... — шепотом задумчиво повторила Инна услышанное имя и добавила: — Святослав Артемович Мальцев — это же ему продал Ленечка свою землю. И этот Мальцев похож на Георгия Ватутина...

— Уши, — испуганно выдохнул Витек и ткнулся головой в грудь Инны. — Как я испугался, Инна Пална, когда Танк к нам пошел! Знаете, Инна Пална, давайте за ними следить не будем — ну их, эти бриллианты. Мы и без них проживем!

— Согласна, — поглаживая мальчика по спине, кивнула головой Инна, ей тоже стало страшно, когда она услышала за спиной приближающиеся мужские шаги — вот если бы с ними был бы Дорохов, то она ничего бы не испугалась.

— Вы что здесь делаете? — выглянув из своего кабинета, громко поинтересовался нотариус у обнимающейся «парочки».

— Не хотели вам мешать, — повернувшись, начала оправдываться Инна, но передумала и пошла в наступление. — Это ведь Мальцев Святослав Артемович? Это он купил землю Леонида?

Козаков неопределенно пожал пухлыми плечами — рассказывать о своих делах с богатыми клиентами было бы верхом глупости.

— Можете не отвечать — я это знаю! Ваш Мальцев очень похож на одного моего знакомого: на Георгия Рудольфовича Ватутина. Может, вы его знаете? Он никаких сделок с вашим участием не оформлял последнее время?

Немного подумав, Роман Митрофанович затянул потуже галстук и отрицательно покачал головой — нет, этого имени он не помнил, хотя если бы и помнил, то все равно не сказал бы об этом, свято соблюдая тайну клиента.

— Ну, проходите в кабинет, — дружелюбно предложил он, делая жест рукой в глубину комнаты, — продолжим наш разговор.

— Давайте, отложим, — неожиданно отказалась Инна, беря мальчика за руку. — Нам с Витей надо срочно домой.

— А-а, понимаю, — разочарованно протянул нотариус, — дела житейские.

— Вот именно — житейские.

Они прошли по коридору мимо поскучевшего мужчины и поспешили домой — страхом для них на сегодняшний день было вполне достаточно.

А Роман Митрофанович Козаков, стоя в дверях своего кабинета, нахмурил брови и, задумчиво глядя в след странной парочке, тихо произнес:

— Георгий Рудольфович Ватутин... Чтобы это все значило?..

Весь оставшийся день Романа Митрофановича Козакова раздирали сомнения: он носом чувствовал запах большой денежной игры, но никак не мог понять «откуда ветер дует».

Он так и эдак выкручивал ситуацию, которой случайно оказался свидетелем, пытаясь найти наиболее правдоподобную версию. Наконец, после долгих раздумий и телефонных выяснений (он все-таки позвонил Леониду Чехову и справился о его бывшей жене и ребенке, с которым она приехала отдыхать на море) Роман Митрофанович пришел к выводу, что стал невольным свидетелем готовящегося шантажа: возможно, бывшая жена Леонида была ранее знакома с Мальцевым и даже имела от него ребенка (Леонид мог не знать о существовании внебрачного ребенка, а родители его бывшей жены предпочли скрыть сей позорящий невесту факт) и теперь, случайно узнав от бывшего мужа о поднявшемся благосостоянии своего бывшего любовника, Инна Новикова вспомнила об их внебрачном сыне и решила шантажировать им Мальцева.

Версия получилась довольно правдоподобная, но в нее совершенно не вписывался Георгий Рудольфович Ватутин.

— Причем здесь какой-то Ватутин? — спрашивал сам себя ушлый нотариус, пытаясь втиснуть в свою версию еще одного мужчину. — Скорее всего, этого Ватутина шантажистка приплела нарочно, чтобы запутать меня и отвлечь мое внимание от Мальцева. Ведь именно покупкой Мальцева она интересовалась в первую очередь...

Уверовав в свою версию, Роман Митрофанович решил принять сторону более сильного и, конечно же, более богатого противника и после некоторого колебания (может, все-таки не вмешиваться) позвонил Святославу Артемовичу Мальцеву и рассказал, что некая женщина с ребенком пыталась выведать у него информацию о его «дорогом» клиенте. Выведать и запутать его, сравнивая его — «дорогого клиента» с каким-то Ватутиным.

Мальцев поблагодарил нотариуса за предупреждение, хотя ясно дал понять, что никакого Ватутина он не знает.

Квартира на Большой Никольской, сменив хозяина и преобразившись после ремонта, покоряла своей роскошью и элегантностью. Однако, новый хозяин квартиры не восхищался

и не гордился столь ценным приобретением, а в панике метался по комнатам, не обращая внимание на модный роскошный интерьер, дорогую ручной работы мебель и мягкие «ворсистые» ковры под ногами.

После звонка незнакомой женщины, Борис Яковлевич Либман пребывал в полнейшем шоке — его шантажировали!

Такое трудно себе представить!

Однако, это все-таки случилось...

В былое время, когда он работал у крупного банкира и был его лучшим другом, этой «неприятностью» тут же бы занялись профессионалы из службы безопасности банка, а теперь ему придется разбираться со своими проблемами самому!

Сидя в глубоком кожаном кресле в своей отремонтированной квартире на Большой Никольской, Борис Яковлевич пытался успокоиться и прийти в себя от сверхъестественной наглости шантажистов — вздумали его шантажировать!

— Мне хорошо, я спокоен, — погребальным голосом твердил юрисконсульт, пытаюсь убедить свой организм в абсолютном спокойствии. — Мои ноги тяжелеют, мои веки тяжелеют, лоб расслабляется, волнение уходит... Какой там расслабляется! И куда к чертовой матери оно уходит?

Вскочив с кресла, мужчина рванул ворот белоснежной хлопковой рубахи и забегал по кабинету.

— И откуда они только узнали об этом? — трагическим тоном вопрошал он, театрально взмахивая холеной рукой с массивной золотой печаткой на безымянном пальце. — Столько лет прошло после этих событий и опять?! Нет! Не дождетесь! Триста тысяч долларов — слишком большая цена за грехи молодости!

Юрисконсульт преуспевающей транспортной фирмы остановился в центре своего собственного кабинета, не замечая ни просторности, ни шикарности одного (а как долго он мечтал о своем собственном просторном, шикарном кабинете!), свалившиеся на его голову проблемы затмили радость от исполнившейся долгожданной мечты.

Радость от приобретения этой квартиры ему испортила Валентина Николаевна Ватутина, совершив суицид в его гостиной, но Борис Яковлевич после долгих размышлений все же смирился с этим обстоятельством — ну, не продавать же, в самом деле, из-за этого квартиру за бесценок! Но как оказалось, на этом неприятности не кончились и «пошли косяком», не давая ему спокойно жить в этой квартире: сначала одно, теперь другое, а какой «сюрприз» ожидает его в этой квартире завтра?..

Нет! Он не станет ждать завтрашнего дня! Он будет действовать!

Борис Яковлевич взял себя в руки, сел за огромный письменный стол с мраморной столешницей и, сцепив пальцы в замок и уставившись в пол, начал думать о вымогательнице.

Что он о ней знает? Почти ничего!

И как это он упустил сие обстоятельство: телефонный аппарат с определителем номера остался на старой квартире — нужно сегодня же привести и установить его на этой квартире.

Первый шаг в борьбе с шантажистами он сделал!

Теперь хорошо бы понять, что ему грозит, если платить деньги шантажистам он откажется?

Ну, не убьют же его за это, в самом деле?

Его «невинные шалости» — это не важная государственная тайна, и не тайный миллиардный счет на Каймановых островах «на предъявителя»! Это давние, мелкие амурные грешки красивого и не обремененного обязательствами мужчины с замужней женщиной!

Кого они сейчас интересуют? Сейчас, когда к убийствам привыкли, с вымогательством смирились, когда в новостях каждый день твердят о кражах и изнасилованиях, о взрывах и угонах автомобилей! Люди уже давно не хватаются за сердце от услышанного и увиденного, не переключают телевизор с «ужасов» на другую программу и мало интересуются такими незначительными фактами, как супружеская измена: кто в наше время осудит роман с замужней женщиной, если она, конечно, не твоя жена.

Что же будет, если он откажется платить?

Шантажисты грозились обнародовать содержание записок...

Ну и пусть себе обнародуют!

Даже если о его «невинных шалостях» станет известно большей части Российской Федерации, то ничего в его жизни не изменится: он, как жил себе в свое удовольствие, так и продолжит жить — никакой уголовной ответственности за обнародованные факты он не понесет. Ну, узнает кто-то о его якобы ребенке... И что? Юридически он не является отцом этого ребенка и в дальнейшем становиться им не собирается! Хотя... Вот если бы его ребенок получил по наследству приличное состояние...

Однако, думать про приличное состояние Борис Яковлевич не стал — что понапрасну тратить время и гадать на кофейной гуще: родительского состояния у ребенка все равно нет! Вот если бы оно было, разговор был бы совсем другой!..

Откинувшись в крутящемся кресле, Борис Яковлевич помассировал пальцами затылок, пытаясь расслабиться и прогнать из головы не относящиеся к шантажу мысли, но перспектива получить миллионы долларов погибшего бизнесмена Ватутина не давала ему покоя: деньги были огромные — он хорошо это знал.

А что если...

Он должен рассмотреть и такой вариант: он признает своего ребенка, установит через суд свое отцовство и попытается разыскать и вернуть Ватутинские миллионы. Конечно, прежней, спокойной жизни ему уже не видать — ребенок, это ведь так обременительно и не эстетично, но контроль над наследством в тысячи раз перекроет все его расходы, затраченные на этого ребенка. Перекроет, в том случае если деньги семьи Ватутиных будут найдены и переданы наследникам. Наследникам! Это его совсем не устраивало — детей то у Георгия Рудольфовича и Валентины Николаевны Ватутиных двое!

Делить наследство пополам было не выгодно, хотя оно и было большим, но при разделе уменьшалось наполовину — вот если бы Властелина отказалась бы от наследства или уехала бы из страны, не зная о возвращенных деньгах родителей, и пропустила срок вступления в наследство, тогда все досталось бы его сыну...

Но, прежде чем, делить наследство, надо было найти деньги Ватутина!

Но кто же их найдет?

Подумав о таком человеке, Борис Яковлевич просветленно улыбнулся — что это он так беспокоится — следствие уже идет полным ходом, старший следователь Следственного Комитета роет носом землю и скоро раскроет «дело» (он навел о Федине справки в прокуратуре и в СК и был на сто процентов уверен в его профессионализме). А раз дело раскроется — значит, скоро все станет ясно и о пропавших деньгах.

Ну, что ж, он подождет! Подождет и подумает, держа ситуацию под контролем.

А шантажисты?..

Он встретится с шантажистами, выслушает их условия и будет тянуть время, а для подстраховки...

Борис Яковлевич набрал номер Федина и, вкратце поведав ему свою «историю», попросил у него совета, как у представителя правоохранительных органов — после «пренеприятного случая» с Валентиной Николаевной Ватутиной он уверовал в возможности Федина разводить «неприятности» руками и постарался подстраховаться и использовать сотрудника Следственного Комитета, как надежный стальной щит между собой и шантажистами.

Конечно, совету следователя Борис Яковлевич не последовал: в правоохранительные органы обращаться не спешил, но заверил Федина, что всенепременно это сделает, сам же привез со старой квартиры телефон с определителем номера и диктофоном и, дождавшись звонка шантажистов и записав разговор на пленку, решил с ними встретиться и выслушать их предложения, так сказать, из первых уст.

49

Каково же было удивление Бориса Яковлевича, когда на встречу к памятнику Пушкину и Гончаровой на Арбате от имени шантажистов явилась Властелина Ватутина.

— Ты как здесь оказалась? — в изумлении уставился на девушку юрисконсульт и, приглядевшись к решительно настроенной Властелине, начал понимать происходящее. — Так это ты мне звонила?!

— Я! — честно призналась Властелина, не желая упускать шанс попасть, таки, на учебу в Англию или в Америку (теперь ей было уже без разницы куда ехать учиться — лишь бы найти деньги и уехать). — У меня есть ваши записки моей матери, и я желаю их вам дорого продать.

— Откуда ты знаешь, что записки именно мои? — делано удивился Борис Яковлевич, мысленно ругая себя за неосмотрительность — сейчас бы он не доверил бумаге ни единого тайного слова.

Передернув от холода плечами, Властелина сжала рукой в тонкой перчатке воротник норковой короткой шубки — привычка не носить головной убор сейчас ее подвела: холодный мокрый ветер припорошил волосы липким влажным снегом и ей приходилось стряхивать налипшие снежинки с волос, пока они не растаяли от ее тепла и не превратились в капельки воды, которые тут же замерзнут и приморозятся к волосам.

— О вашем романе с моей матерью мне рассказала ее старинная подруга: она часто давала матери ключи от своей квартиры, но, как очень любопытная женщина, наблюдала из засады ваши свидания. Правда, о том, что Витька ваш сын, подруга не догадывалась — вы вовремя перестали пользоваться ее услугами, а то бы вам пришлось раскошелиться гораздо раньше...

— Это еще надо доказать! — спокойно возразил юрисконсульт — обвинения несовершеннолетней девушки его не пугали.

— Собрать доказательства не составит особого труда — сейчас есть множество экспертиз, но с доказательствами я просила бы, куда большую сумму.

Либман был неприятно поражен хваткой и напором шестнадцатилетней девушки, хотя поразить его было очень трудно, однако, идти на поводу у столь юного и неопытного шантажиста он не собирался.

— Пожалуйста — делай экспертизы, доказывай мое отцовство — я подожду. Мне

спешить некуда.

— Зато мне есть куда спешить! Мне нужны деньги именно сейчас! — топнула ногой Властелина.

— Деньги нужны всем! — назидательно произнес юрисконсульт и спорить с девушкой не стал. — Давай предположим, что ты сделаешь сотни экспертиз и, наконец, докажешь, что записки твоей матери писал я — заметь, только предположим, но почему ты думаешь, что в конце твоих... изысканий я заплачу тебе какую-то сумму за эти опусы столетней давности?

— А как же? — опешила Властелина, такого поворота событий она никак не ожидала. — Обнародование этого нелицеприятного факта повредит вашей репутации!

Прикрыв глаза, Борис Яковлевич хищно оскалился.

«— Знала бы ты, наивная Красная Шапочка, — мысленно продолжил он разговор с девушкой, — что деньги я ценю куда больше своей репутации. Но для того, чтобы ты не путалась у меня под ногами и не отрывала меня от дела, я тебя, глупая Красная Шапочка, просто съем!»

Юрисконсульт открыл рот, прилаживаясь исполнить свое намерение, но неожиданно вспомнил про Константина Александровича Федина и рот закрыл — этот следователь знает про шантажистов (он сам рассказал ему о них) и обязательно поинтересуется продолжением этого «дела», и придется ему рассказать правду о Властелине. Следователь обязательно заинтересуется сим фактом, и попытайся он, Борис Яковлевич, «слопать» Властелину, то бишь Красную Шапочку, у следователя на глазах, Федин непременно схватит его за шиворот и, как следует, встряхнет — не зарывайся, Серый Волк. Юрисконсульт интуитивно чувствовал, что «бороться» с этим следователем один на один не стоит — заломает. Нет, лучше ему, Борису Яковлевичу, отступить, натянуть на себя овечью шкуру и спрятаться за спину наделенного властью Медведя с его карающим мечом в одной руке и сводом Законов в другой.

И Борис Яковлевич Либман отошел подальше от «Красной Шапочки», сменил хищный оскал на всепрощающую овечью улыбку и, войдя в образ «бедной овечки», скромно опустил глаза, чтобы Красная Шапочка (не дай Бог!) не разглядела бы в нем матерого и коварного Серого Волка.

— А ты не боишься, милая, — ласково спросил он Властелину, осторожно стряхивая снежинку с рукава ее норковой шубки, — так неосторожно себя вести со мной? Твои необдуманные действия, дорогая, попадают под статью 163 УК РФ.

— Вы имеете в виду вымогательство? — серьезно спросила Властелина, впервые подумав о своих действиях, как о нарушении закона — в пылу жажды и борьбы за деньги она забыла обо всем на свете (в том числе и о нелюбимом ей Уголовном Кодексе).

— Именно его! — покивал головой Борис Яковлевич. — А так как ты требуешь у меня очень большую сумму, угрожая распространить обо мне порочащие сведения... Если я не ошибаюсь, то это от семи и выше!

— От семи и выше?.. — девушка явно испугалась замаячившей перед ней зековской перспективы. — Но вы же не станете...

— Ошибаешься, милая! Стану! Еще как стану! Ты просто не оставила мне выбора. Я уже проинформировал правоохранительные органы о поступающих мне звонках с угрозами и требованием денег!

— Как же так?..

— Константин Александрович Федин — следователь Следственного Комитета, — не

обращая внимания на вопрос девушки, продолжил Либман свое запугивание, — завтра ждет меня у себя в кабинете: я должен буду написать заявление о звонках шантажиста. Что за этим последует, ты прекрасно знаешь!

— Нет! Вы не можете! С пятном в биографии меня никогда не примут ни в Оксфорд, ни в Гарвард!

— Мы можем договориться с тобой мирно — без вмешательства правоохранительных органов: ты отдаешь мне эти дурацкие записки, а я забываю о шантаже и твоей неблагодарности.

— А деньги?

— Деньги...

Это слово вызвало у Бориса Яковлевича воспоминание о пропавших деньгах семьи Ватутиных и своих планах на их возвращение — возвращенные деньги Ватутина должны достаться только одному ребенку, тогда это приличный капитал и с ним можно «работать»! Борис Яковлевич согласен только на такой вариант!

— Ну да, деньги на учебу в Англии или Америке! — Властелина поняла, что ее попытка шантажа с треском провалилась, но она не могла так просто расстаться со своей мечтой.

— Сколько тебе не хватает? — без особого энтузиазма поинтересовался Либман — с тем, что придется платить, чтобы получить гораздо большую сумму, он уже смирился.

— Если продать квартиру...

— На это советую не рассчитывать, — жестко прервал размышляющую девушку юрист-консульт. — Квартиру ты сейчас не продашь: в ней прописан твой несовершеннолетний брат, к тому же вы оба наследники имущества, и квартира принадлежит вам в равных долях, а наследство вы получите только через полгода. Даже если тебе удастся через суд или как-то по-другому все же продать единственное ваше жилье, то половину денег тебе придется ему отдать или надо ему предоставлять жилье, куда его надо будет прописывать — вряд ли органы опеки и попечительства дадут разрешение на продажу вашей общей квартиры и закроют глаза на такое явное нарушение закона.

— Его можно будет прописать к усыновителям, хотя на это потребуются их согласие...

— Его хотят усыновить? — новость об усыновлении его сына застала юриста врасплох.

— Ну да. Полковник, который нанял вашего следователя для поиска наших денег, и Инна Павловна — свидетельница аварии, в которой погиб отец.

— Значит, вот, как обстоят у вас дела... — неожиданно для себя Борис Яковлевич почувствовал укол ревности: его сына хотели усыновить чужие люди, а он и не в курсе. Когда мальчик жил с матерью, он как-то не задумывался о его существовании, а теперь... Что же ему теперь придется отказаться от своих планов на деньги Ватутина? Ну, это еще надо посмотреть, как будут развиваться дальнейшие события — вдруг денег не найдут, тогда и огород городить не стоит! А вот если найдут... — Они люди приличные — эти усыновители?

— Если вы имеете ввиду их имущественное состояние, то денег у них нет, — презрительно фыркнула Властелина.

— Я имею ввиду их образованность и образ жизни, — Либман не обратил внимания на презрительный тон девушки, хотя мог бы сделать ей замечание и поставить на место, напомнив, что в данное время положение у нее незавидное и денег у нее тоже нет.

— Откуда я знаю их образ жизни, — обиделась девушка. — Витьки у них нравятся, а больше меня ничего не интересует.

— Значит, нравится... Ну, дай Бог! — Борис Яковлевич посмотрел на часы и вернулся к прерванному разговору о деньгах — еще не известно, как там все выйдет с пропавшими семейными деньгами, но вторую наследницу лучше удалить из страны и держать под контролем: возможно, это будет ему только на руку. — Я оплачу тебе первый год обучения, а ты отдаешь мне записки и забываешь о том, что я когда-то имел отношения к вашей семье.

— Но, если оплатить за весь курс обучения будет гораздо дешевле...

— Нет! — твердо заявил юрисконсульт, не желая тратить такую значительную сумму. — Только первый год, да и то под расписку — ты напишешь мне расписку на получение от меня чуть большей суммы: никому не хочется терять приличные проценты, и я не исключение! К тому же, никто не знает, что случится с нами завтра...

Борис Яковлевич замолчал, думая о возможных финансовых изменениях семьи Ватутиных после окончания частного расследования, но рисковать большей суммой он не захотел — кто знает, как там повернется: вдруг денег Георгия Ватутина, так и не найдут, и он останется в накладе от своей щедрости.

— Да, только первый год обучения, — подтвердил он свое предложение. — О дальнейшей оплате твоего обучения поговорим потом...

Властелина потупилась — не так она представляла себе их разговор, но главное, наличных денег она так и не получила, хотя первый год обучения ей оплатят...

— Ладно, я согласна, — ей ничего не оставалось делать, как согласиться на такие условия — самой в одиночку ей никогда не одолеть такой высокий денежный барьер. — Мне обязательно надо уехать из России, хотя бы на время — мало ли что...

— С этим я абсолютно согласен! Тебе надо уехать из страны — хотя бы на время.

Думали они о разном, но оба пришли к единому выводу — выводу, устраивающему их обоих.

50

Маленький старенький автобус вез Инну к месту назначения, потряхивая всеми своими старенькими частями. Порой казалось из-за скрежета и стука где-то внутри автобуса, что старенькие части обязательно отвалятся, и выдавший виды автобус рассыплется прямо на дороге во время движения.

Не смотря на свое обещание Вите не следить за Святославом Мальцевым, Инна решила все же сделать несколько фотографий похожего на Ватутина человека. Сделать и предъявить их следователю в качестве оправдания своей поездки — ее, как и Витю, смутило то обстоятельство, что личный телохранитель Георгия Рудольфовича после его смерти стал телохранителем Святослава Мальцева, очень похожего на Ватутина.

Совпадение?

Возможно, но Инна подумала, что неплохо было бы иметь наглядные доказательства и подтверждение сходства обоих мужчин (она слышала об экспертизе по фотографиям — эксперты точно могут установить один и тот же человек изображен на разных фотографиях или там изображены разные люди), а заодно запечатлеть на пленке телохранителя Ватутина рядом с новым «охраняемым объектом».

Недолго думая, Инна собралась в дорогу и с самого утра уехала «по делам», строго-настрога наказав Витьку не звонить ей на мобильный телефон.

— Я сама тебе позвоню, — взявшись за ручку двери, пообещала Инна. — А то знаешь, как бывает: в самый не подходящий момент кто-нибудь обязательно позвонит.

Витек знал «как бывает» и поэтому не возражал — тем более, что отправлялась «Инна

Пална» не на увеселительную прогулку, а на тайное шпионское задание. А на «тайном шпионском задании» все должно быть тайно: никакого шума, никаких разговоров и телефонных звонков.

— Вы только обязательно позвоните, — попросил мальчик, нехотя смиряясь со своим положением — оставаться одному в квартире было ужасно скучно и не интересно: толи дело на «тайном шпионском задании».

Инна кивнула, помахала мальчику рукой на прощанье и шагнула за порог.

Она рассчитывала, что к обеду уже будет дома, и они с Витьком посмеются над своими необоснованными страхами.

Мы предполагаем, а наверху за нас все давно уже решили...

Обойдя по периметру купленный Святославом Мальцевым участок, Инна сделала несколько фотографий самого участка и огромного трехэтажного дома из красного кирпича, но ни хозяина земли, похожего на погибшего Ватутина, ни его телохранителя (возможно, тоже просто похожего на Танка — с перепугу мальчику могло это показаться), она не увидела. Не увидела и решила немного подождать, присев на поваленное дерево, лежащее около сетчатого забора — вдруг интересующие ее «объекты» скоро сюда приедут, и она сделает нужные снимки. Чтобы скоротать время, Инна сняла рюкзачок, достала из него бутерброд и принялась жевать, запивая из термоса сладким чаем. На дне рюкзачка она увидела свою связку ключей от квартиры с брелком-солнце и улыбнулась, вспомнив о муже... Если бы он был рядом...

Рабочие на участке сновали туда-сюда, копали на участке какие-то ямы и траншеи, разгружали с машин длинные доски и высоченные деревья с замотанными брезентом корнями — Инна с интересом наблюдала за ними и за всей этой суетой не заметила приезда Святослава Мальцева. Увидела она его только, когда он в сопровождении телохранителя входил в дом.

— Они приехали, с другой стороны, — догадалась Инна и, подхватив расстегнутый рюкзачок, на ходу засовывая в него термос, стала осторожно пробираться вдоль забора поближе к дому.

Присутствие Мальцева настроило ее на «рабочий» лад — у нее даже ладони вспотели от волнения. Инна присела на корточки около забора прямо напротив дома и, нацелившись фотоаппаратом на входную дверь, приготовилась сфотографировать хозяина земли, когда тот будет выходить из дома.

Прошло пятнадцать минут, но из дома никто не выходил.

Ноги у Инны начали затекать от неудобного положения. Она огляделась и из обрезков досок и строительного мусора быстро соорудила некое подобие скамейки и с удовольствием уселась на нее.

Прошло еще пятнадцать минут, из дома по-прежнему никто не выходил.

Неожиданно Инна почувствовала прикосновение к спине чего-то тонкого и твердого. Думая, что это ветка, Инна передернула плечами и чуть отклонилась в сторону, но ветка не исчезла, а еще сильнее уперлась ей в спину.

Обернувшись, Инна увидела стоящего рядом здорового парня в куртке и джинсах, вскочила со скамейки, уронила рюкзачок и в испуге прижалась спиной к сетчатому забору.

Она перевела взгляд с недовольного лица высокого плечистого парня на его руки и похолодела от страха — в руках у парня был большой внушительный пистолет...

И направлен пистолет был прямо на нее!

— Не дергайся! — грозно предупредил охранник, опережая реакцию «тайного агента». — Я человек нервный, так что лучше меня не злить.

Вцепившись пальцами в заборную проволоку, Инна лихорадочно пыталась придумать что-нибудь умное, чтобы с достоинством выйти из столь опасного положения, но, как назло, от страха в голове образовалась огромная черная дыра, поглощающая сразу все возникающие мысли.

Черное дуло пистолета качнулось в сторону, и Инна посмотрела на охранника — что он еще от нее хочет? От встречи с холодными безжалостными глазами стриженного парня Инна почувствовала легкое головокружение — на нее, как тогда в подъезде, будто снова надвинулась убийственная черная масса с человеческими глазами.

— Ты я вижу, никак не угомонишься — все вынюхиваешь, — совсем не зло усмехнулся парень, но от этого «незлого» смешка Инне сделалось совсем плохо — все поплыло перед глазами.

— Я просто гуляю, — вяло попыталась она оправдать свое появление около чужой собственности и справиться с головокружением.

— Ага, — кивнул стриженной головой парень и снова качнул пистолетом в сторону дороги. — Давай, двигай.

Инна поняла, что сейчас ее убивать не станут, и обрадовалась.

— Вы меня в полицию отведете? — с надеждой в голосе спросила она, с трудом отцепляя сведенные пальцы от проволочного забора.

— Ну, почти...

На не слушающихся ногах, пошатываясь, Инна пошла в указанную сторону. Парень, не опуская пистолета, поднял рюкзачок и двинулся следом. Они прошли немного вдоль забора, свернули под прямым углом и вышли на узкую дорогу, огибающую участок по периметру.

На дороге стоял большой черный «Мерседес».

— Садись, — приказал парень с пистолетом, открывая заднюю дверь новенькой машины.

Инна подчинилась и полезла внутрь — а что ей еще оставалось?!

В салоне «Мерседеса» сидел человек в черном кашемировом пальто, взглянув на которого Инна вздрогнула — человек и правда был очень похож на погибшего отца Вити Ватутина только с усами и бородой (в отличие от сестры мальчик бережно хранил фотографию родителей в своем рюкзаке и всем ее показывал — Инне в том числе).

Человек в машине что-то нервно рисовал на газете, но при появлении гостя отбросил газету в сторону.

— Чего ты все ходишь вокруг моего дома? Что высматриваешь? — недовольно прищурившись, спросил Мальцев и, приблизившись к сидящей в уголке Инне, процедил сквозь зубы: — Жить надоело? Так это я тебе устрою!

— Нет, — замотала головой Инна, вжавшись в молочную кожу сиденья. — Я просто хотела купить этот участок земли и построить на нем дом, но вы меня опередили.

— Ты купить? — удивился мужчина и взглянул на скривившегося телохранителя, стоящего у открытой двери машины. — Врешь! Но это мне без разницы. Слишком ты любопытная женщина, а это мне не нравится. Давай рассказывай, что ты здесь вынюхиваешь и зачем обо мне у всех спрашиваешь.

Бросив рюкзачок между сидений, плечистый парень вдвинулся в салон, и Инна опять содрогнулась от ужаса надвигающейся на нее черной убийственной массы с безразличными

человеческими глазами. Она отшатнулась от телохранителя и быстро заговорила.

— Вы очень похожи на одного человека: на Ватутина Георгия Рудольфовича. Я подумала, что вы его родственник и решила выяснить это.

— Зачем? — последовал резонный вопрос.

— Ну, чтобы вы позаботились о детях Ватутина — Георгий Рудольфович и Валентина Николаевна умерли, и дети остались одни.

— А причём здесь я?

— Так если вы родственник...

— Я не родственник, — резко оборвал Инну Мальцев, тяжелым взглядом глядя в лицо надоедливой «занозе».

— И не знали Георгия Рудольфовича? — цеплялась Инна за соломинку — если этот человек знал Ватутина, может, в нем проснутся дружеские чувства к погибшему и все кончится хорошо.

— Не знал.

— Но у вас работает его телохранитель.

— И что?

— Это не может быть, простым совпадением... — взгляд Инны упал на газету, и она замерла — все свободные от шрифта места были изрисованы чертиками с дубинками и топорами. — Вы ведь и есть Георгий Рудольфович Ватутин... — с ужасом выдохнула она.

— Я же говорил, — вмешался в разговор стоящий у двери телохранитель, — она слишком много знает.

— Я ничего не знаю! — отчаянно замотала головой Инна. — Просто я хотела помочь детям Ватутина.

— Просто хотела помочь детям... А кто тебя просил? — Мальцев-Ватутин устало вздохнул и перевел взгляд на темное стекло, отгораживающее салон «Мерседеса» от водительского сиденья. — Как бы оно там ни было, а инициатива всегда наказуема. Ты прав, Танк, она слишком много знает. Займись ей!

Тайнинцев медленно протянул руки к шее Инны. Она почти упала на сиденье и со всей силы ударила телохранителя согнутыми ногами. Танк дернулся от удара, стукнулся головой о крышу машины и выругался.

Мальцев сзади схватил Инну за плечи и прижал к себе. Инна начала вырываться, дергаться, мотнула головой назад и угодила затылком прямо в лицо сидящего сзади мужчины.

— Ах, ты дрянь! — взревел он, выпуская пленницу и хватаясь руками за разбитый нос.

Почувствовав свободу, Инна резко выпрямилась и вцепилась пальцами в лицо нависшего над ней телохранителя.

— Убью, сука! — зарычал Танк и коротко ударил Инну в лицо.

От удара голова Инны дернулась, ткнулась в молочно-кожаную спинку сиденья, сознание начало мутиться.

— Не трогай ее! — издали приказал повелительный женский голос, и Инна сквозь разрастающийся в голове сизый туман удивилась — откуда взялась в машине женщина?!

— Да я ее, падлу, живьем закопаю! — ревел разодранный в кровь телохранитель, одной рукой сжимая горло ненавистной жертвы. — Она мне чуть глаза не выцарапала!

— Я сказала — не трогай ее! — громко и строго повторила женщина и протянула Танку с переднего сиденья небольшую бутылочку. — Пусть выпьет. Она нам еще пригодится...

Витек ждал возвращения «Инны Палны» целый день.

День, как назло, выдался солнечный, на небе ни облачка, море, едва видимое между домов, синело вдалеке и манило к себе

Мальчик послушно сидел один в съемной квартире, вздыхая, глядел в окно, на проезжающие по дороге машины, и спешащих по своим делам прохожих, смотрел фильмы по видику, почему то сегодня совсем не интересные, сам себе разогревал поесть и удивлялся: как же долго тянется время — раньше время летело незаметно, а сегодня тянется и тянется, как жевательная резинка. Такое терпение давалось Вите с трудом: ему хотелось быть рядом с «Инной Палной» и принимать активное участие в увлекательной «игре в разведчики». Первую встречу с «врагом» он выдержал просто блестяще (Инна Пална сама так сказала): заметил человека похожего на его отца, не закричал, не бросился к нему и вовремя предупредил «Инну Палну» о его приближении.

— Так не честно, — вздыхал он, глядя на безжалостно ползущие стрелки часов, — все самое интересное пропускаю. Так мы не договаривались...

Но когда за окном стемнело, обида мальчика испарилась, уступив место тревоге, и Витек заволновался.

Взяв мобильный телефон в руки, он долго сидел на диване, глядя на черный экран мобильника, и истово просил телефон зазвонить — телефон молчал. Витек несколько раз порывался сам позвонить «Инне Палне», но всякий раз нажимал «отбой» — Инна строго-настрого наказала не звонить ей: вдруг звонок раздастся в самый неподходящий момент ее «шпионского задания». Она пообещала сама позвонить, но так и не позвонила.

«— Что могло с ней случиться? — гадал мальчик и не находил разумного объяснения ее отсутствия».

Витек ждал возвращения «Инны Палны» до самой ночи, но, когда стрелки часов сошлись на двенадцати, решил позвонить.

Он отыскал в мобильном телефоне нужный номер и, не смотря на позднее время, позвонил.

— Слушаю, — раздался довольно бодрый для такого времени мужской голос.

— Дяденька следователь, — не здороваясь, едва сдерживая слезы, произнес мальчик, — Инна Пална пропала!

— Это ты Витя? — выходя из купе, спросил Федин, хотя сразу же узнал мальчика, но разговаривать в присутствии попутчиков он не хотел. — Давай рассказывай, что у вас там случилось с Инной Павловной.

— Так я же говорю, дяденька следователь: Инна Пална пропала. Оставила меня одного в квартире, а сама уехала. Обещала позвонить и не позвонила.

— Значит, ты сейчас один дома, — задумчиво произнес Федин, глядя в окно на пробегающие мимо огоньки какой-то станции. — А Сергей Александрович с Инной Павловной ушел?

— Не, он в Москве остался.

— Выходит Сергей Александрович к вам так и не приехал... — сей факт огорчил Федина, если бы «заказчик» поехал вместе с семьей, ему бы было намного спокойнее, а так, вон, что вышло... — А ты сам Инне Павловне звонил на мобильный?

— Нет, не звонил, — насупился мальчик. — Она не разрешила звонить.

— Почему?

— Это, дяденька следователь, большой секрет.

— Ладно, пусть пока это будет секрет, — покладисто согласился «дяденька следователь», решив, что с большими секретами разберется позже, а пока надо успокоить паренька и вселить уверенность. — Ты вот что, Вить, ложись, ка спать и попробуй уснуть — силы нам с тобой еще понадобятся, когда будем искать Инну Павловну, а через несколько часов, рано утром я приеду в Новороссийск и сразу же к тебе приеду. Так что спать тебе осталось совсем чуть-чуть! Адрес ваш Сергей Александрович мне дал — надеюсь, вы не переехали на другую квартиру?

— Нет, не переехали, — обрадовался Витек такому везению: оказывается «дяденька следователь» уже едет к нему на помощь — это прямо, как в фильмах о супергероях: кому-то срочно понадобилась помощь, а супергерой уже спешит на выручку. — А откуда вы узнали, что нам с Инной Палной требуется ваша помощь?

— Я не знал, Вить, — честно признался Федин и начал ходить по коридору. — Я просто еду в Новороссийск по своим делам, а тут ты позвонил.

— Вы ищете моего папу? — почему-то обрадовался мальчик.

— Можно сказать и так.

— Тогда вам обязательно надо поговорить с Инной Палной: у нас с ней такой секретный секрет про моего папу! — предупредил Витя — ему так хотелось рассказать «дяденьке следователю» про их с Инной Палной «расследовании», но... — Только я не могу вам его рассказать — я слово дал молчать.

— Ну, раз дал слово, то держи его, — согласился Федин. — Я сам поговорю с Инной Павловной и все у нее узнаю про твоего папу.

— Дяденька следователь, а может Сергею Александровичу позвонить и сказать ему, что Инна Пална потерялась? — предложил мальчик, желая, чтобы вокруг него в эту минуту было побольше смелых и надежных мужчин — уж они, то сразу найдут потерявшуюся «Инну Палну».

— Я думаю, не стоит. Зачем его волновать раньше времени? Может, Инна Павловна скоро вернется домой, а не звонила она тебе потому, что у нее просто батарейка в телефоне села.

— Она должна была уже давно вернуться домой, — вздохнул Витек и снова посмотрел на часы.

— А если у нее машина сломалась? — высказал предположение Федин, пытаясь получить у мальчика интересующую его информацию.

— Она на автобусе поехала.

— Тем более — раз на автобусе поехала, значит, поехала далеко, и, если автобус сломался, пешком оттуда не дойдешь.

— Пешком не дойдешь, — согласился Витек. — Мы целый час ехали, а потом еще долго пешком шли.

— Значит, ты знаешь, куда Инна Павловна поехала? — насторожился Федин.

— Знаю.

— Это хорошо, что знаешь — если понадобится, то покажешь, куда вы с ней ездили. А пока не волнуйся — найдем мы твою «Инну Палну». Рано утром я приеду к вам на квартиру, и мы с тобой сразу все решим: кому звонить и куда ехать ее искать. Договорились?

— Договорились, — снова согласился мальчик — со взрослыми трудно не соглашаться. — Вы когда на вокзал приедете мне сразу позвоните — может, Инна Пална уже

вернется домой. Только вы все равно тогда приезжайте, дяденька следовательно.

— Как приеду — сразу же тебе позвоню, а потом приеду, — пообещал Федин.

С сожалением он нажал «отбой», прекрасно понимая, что мальчику страшно одному в пустой квартире, но куда страшнее было совсем остаться без связи (в экстренных случаях деньги на мобильном телефоне всегда неожиданно кончаются, а батарея некстати разряжается). К тому же ему надо было обдумать случившееся и немного поспать — кто знает, когда ему еще представится такая возможность.

То, что он сейчас ехал именно в Новороссийск, не было простой случайностью — Федин взял на работе пару отгулов и решил навестить Мальцева Святослава Артемовича: ему хотелось расспросить его о художнице Беляевой — вдруг да появится тоненькая связующая все события ниточка — ведь в Турцию они летели вместе, жили в одном отеле и возможно, познакомились и даже подружились. Но вот почему Инна Новикова поехала именно в Новороссийск, Федину было очень интересно: курортных городов на Черноморском побережье множество, однако она выбрала именно этот. Почему? Федин чувствовал, что это как-то связано с его расследованием и корил себя, что недостаточно поработал со свидетельницей: не добился ее откровения и доверия, а без доверия с ней вон что случилось! К тому же у нее появился какой-то «большой секрет», касающийся отца мальчика. Какие у нее могут быть от него секреты?! Это ведь его расследование! Как она могла забыть об этом? Однако, свидетельница снова ему ничего не рассказала, а в «сообщники» взяла маленького мальчика. Почему?

Этих «почему» набиралось так много, что Федин даже кулаком стукнул по сиденью — как она смела скрывать от него информацию по делу! Один раз она уже это сделала и нарвалась на большие неприятности.

Что теперь?

Из какой «неприятности» ему придется ее вызволять?

И не закончится ли вся эта самодеятельность новой трагедией?

52

Дорохов скучал.

Не только для Вити время стало тянуться медленно-медленно, для Дорохова оно ползло, как сонная улитка, и ему ужасно хотелось перевести стрелки своих часов вперед, чтобы скорее закончилась рабочая неделя.

Дорохов и не думал, что одиночество может быть столь тяжким и безрадостным. Вечерами, слоняясь из угла в угол по квартире, он постоянно смотрел на часы, автоматически отмечая, сколько дней и часов прошло с отъезда Инны и Витька. На работе Дорохов еще держался, а дома размякал, разнюнивался, становился задумчивым и сентиментальным — обвинял себя в невнимательном отношении к жене и клятвенно обещал себе непременно исправиться. Пусть только она вернется и все у них будет по-другому...

Звонок Фебина застал его на работе в самом, что ни наесть скверном расположении духа — тоска дошла до своего пика, и впору было бросать все и лететь в Новороссийск к семье.

— Сергей Александрович, как у вас с работой? — с менее безопасной стороны завел Федин разговор о поездке в Новороссийск. — Когда собираетесь навестить Инну Павловну и Виктора?

— Да вот, все никак не вырвусь, — с сожалением ответил Дорохов, жестом извиняясь перед собеседником за разговор по мобильному телефону. — Может, денька через три, на

ЭТИ ВЫХОДНЫЕ...

— Будем вас ждать. Дело в том, — замялся Федин, решая сказать полковнику об исчезновении его жены или все-таки «погодить» и решил не говорить: «расстроенный муж» ему будет только мешать своими эмоциями в поисках Инны Новиковой. — Дело в том, что наше частное расследование привело меня в Новороссийск. Сергей Александрович, скажите, почему ваша жена поехала именно в этот город, а не в какой-нибудь другой на побережье Черного моря?

— Это надо у нее спросить, — недовольно дернул плечом Дорохов: ему вообще не нравилась идея с «внеплановым» отпуском жены и относился он к поездке весьма скептически. — Она говорила, что уже была там однажды, и ей там очень понравилось.

— А когда и с кем она там была?

— Вроде в студенческие годы. А вот с кем... — Дорохов не стал высказывать свое предположение о бывшем муже Инны — вспоминать о нем ему было неприятно. — Вы у Инны спросите.

— Да, да, обязательно — вот встречусь с Инной Павловной и спрошу, — согласился Федин, прикладывая указательный палец к губам и знаком показывая мальчику соблюдать молчание. — Мне просто интересно ваше мнение: в случайные совпадения я не верю, а тут такая ситуация... Может, Инна Павловна опять что-то вспомнила об аварии, и сама решила проверить?

Дорохов встал, резко отодвинул назад крутящееся кожаное кресло и подошел к окну — дотошный следователь опять начал его раздражать.

— Она хотела уехать подальше от вашего расследования, — четко произнес он, давая понять Федину, что уже жалеет, что поручил частное расследование такому зануде.

— Однако, она снова оказалась в самом эпицентре событий, — парировал Федин колкость полковника ГРУ.

— Не знаю, что вы там откапали, — вспыхнул Дорохов, — но уверяю вас, что поездка моей жены никак не связана с вашим расследованием.

Федин помолчал, подавляя в себе желание возразить заносчивому полковнику и все рассказать ему о «выкрутасах» его жены.

— Сергей Александрович, убедительно прошу вас вспомнить все события и телефонные разговоры, предшествующие поездке Инны Павловны в Новороссийск, — контролируя каждое слово, произнес он. — Возможно, какой-то разговор или встреча подвигли ее отправиться именно в этот город.

— Да что вы, в конце концов, от меня хотите? — все больше распалялся Дорохов.

— Я ищу причину поездки вашей жены в Новороссийск! Кто-то сообщил ей некую информацию, сподвигнувшую ее на отъезд — мне надо знать эту информацию и человека, сообщившего ее.

Внезапно Дорохов успокоился — он вспомнил настороживший его визит к Инне бывшего мужа и даже злорадно улыбнулся своей мысли — пусть этот дотошный следователь попытает «Ленчика», чтоб тому не повадно было посещать в больницах чужих жен.

— Возможно, бывший муж Инны ответит вам на интересующие вас вопросы — других людей и телефонных звонков я не припомню. Зовут его Леонид Чехов. Номер его мобильного я не знаю, но могу узнать у Ларисы Егоровны — матери Инны.

— Спасибо, не стоит, — вежливо отказался Федин, — я уж сам, как-нибудь...

Нет, они никак не хотели мирно уживаться вместе — одному казалось, что его в чем-то

подозревают, покушаются на его свободу, и он не хотел откровенничать, другому казалось, что от него что-то специально скрывают, и он вынужден был подозревать: получался замкнутый круг, из которого эти двое не спешили выходить.

Дорохов нажал отбой и тут же набрал номер Инны — абонент был не доступен.

«— Странно, — подумал он и посмотрел на часы — стрелки показывали полдень. — Неужели еще спит...»

Осторожное покашливание вывело Дорохова из задумчивости. Он повернулся к скачущему за столом переговоров собеседнику и вернулся в свое кресло.

— Ну, что ж, вернемся к нашему вопросу... Так вы считаете, что данный специалист нам просто необходим для работы?

53

Федин раздраженно сунул телефон в карман — и почему ему так не повезло с «заказчиками»? Все всё от него скрывают, обо всем интересном и полезном умалчивают, суются беспардонно в его расследование и хотят положительных результатов.

«— Боже, избавь меня от таких друзей, — мысленно попросил он, устало потерев лицо руками. — С врагами я и сам как-нибудь справлюсь».

— Дяденька следователь, вы почему Сергею Александровичу ничего не сказали? — заглядывая в лицо следователя, спросил мальчик. — Значит, он к нам не приедет?

— Ну, как это не приедет?! Обязательно приедет! — Федин с трудом выдерживал оптимистический тон. — Сергей Александрович в субботу прилетит в Новороссийск — зачем его срывать с работы раньше времени.

— Но ведь Инна Пална пропала, — не успокаивался Витек — он считал, что врать нехорошо, а уж врать взрослым совсем ни к чему.

— Вот мы за эти три дня и попытаемся ее найти, — оптимистично пообещал Федин и невольно вздохнул. — А уж если не найдем...

— Дяденька следователь, а вы найдете Инну Палну, или она пропала навсегда, как мой папа?

— Твой папа, Витя, погиб в автомобильной аварии...

— Если мы не найдем Инну Палну, то давайте искать ее двойника, чтоб Сергек Александровичу не было бы так страшно думать, что он больше никогда не увидит Инну Палну. Он посмотрит на ее двойника и не будет огорчаться, подумает, что это Инна Пална.

Хотя сейчас Федину было не до праздных мальчишечьих разговоров, но он был профессионал своего дела и старался не упускать ни одной мелочи из разговора со свидетелем. На данный момент мальчик был единственным свидетелем исчезновения Инны Новиковой, и его следовало обстоятельно расспросить и внимательно выслушать. На первый взгляд взрослого человека мальчик нес какую-то несусветную чушь, но Федин, отложив в сторону возникшие неотложные звонки, присел на корточки перед Витьком и заговорил с ним, продолжая непонятную для него тему двойников.

— Почему ты думаешь, что Сергею Александровичу будет не так больно от потери жены, если он будет смотреть на двойника Инны Павловны?

— Но ведь мне то уже не так грустно слушать про папу, — наивно произнес мальчик и пояснил: — Я посмотрел на папиного двойника и обрадовался — как будто папа и не умер совсем, а просто куда-то уехал. Далеко-далеко.

— Стоп! — насторожился Федин, почувствовав странность в объяснении мальчика — странности в рассказах свидетелей особенно его интересовали. — О каком двойнике ты

говоришь? Где ты его видел? И когда?

— Вообще-то, дяденька следователь, это наш с Инной Палной секрет, — неожиданно замкнулся Витек, вспомнив о своем обещании хранить секрет. — Я слово дал никому его не рассказывать.

— Что ты слово свое держишь — это, хорошо, — поднявшись, Федин взял мальчика за руку, подвел к дивану, сел и усадил его рядом с собой. — Но где же мне тогда искать Инну Павловну, если я не знаю, куда и к кому она поехала.

— А я вам покажу.

— Этого мало, Вить. Ты мне должен рассказать обо всем, что знаешь, вспомнить, куда вы ходили с Инной Павловной, о чем она говорила с людьми, с которыми встречалась — иначе мне Инну Павловну не найти. — Федин помолчал и, видя колебания мальчика, продолжил: — Вот Инна Павловна забыла и не рассказала мне об одной привычке... плохого человека пускать изо рта дымные кольца, а этот плохой человек подстерег ее в подъезде и ударил ножом.

— Знаю, — вздохнул мальчик. — Я слышал, как Сергей Александрович ругал Инну Палну за забывчивость: говорил, что она рассеянная, как «человек рассеянный с улицы Бассейной». Они думали, что я сплю, вот и ругались по-настоящему, а я не спал и все слышал.

— Теперь ты убедился, что в нашем розыскном деле важна каждая мелочь... — нарушая свое «золотое правило» не перебивая выслушивать свидетелей, оборвал Федин рассказ мальчика, но, услышав следующую фразу, порадовался, что мальчик его не услышал и мысленно дал себе хорошего тычка в зубы.

— Танк тоже умеет колечки дыма изо рта пускать.

— Ты сам видел?

— Сколько раз! Только, дяденька следователь, я думаю, что он не нападал на Инну Палну — он такой тупой и ленивый, что без приказа ничего делать не будет.

— Говоришь без приказа...

Картины автомобильной аварии бизнесмена Ватутина и нападения на Инну Новикову вдруг начали проясняться, все факты выстроились в стройную логическую цепочку без вывертов и изъяснов — в обоих случаях главным действующим лицом был некий человек атлетического сложения с довольно приметной привычкой пускать кольца дыма.

В первом случае человек атлетического сложения (по словам секретарши очень похожий на Танка) за несколько часов до аварии сел за руль машины Ватутина и куда-то повез бизнесмена и художницу, потом этот же человек с подельником убивают Ватутина, поджигают его машину с телом, при этом «неизвестный» переживает, что нарушил приказ о времени поджога — Витек прав: приказ все-таки был!

Во втором случае человек атлетического сложения, узнав от кого-то о появлении свидетельницы, пытается ее устранить...

Понимая, что его «внеплановое» дело почти раскрыто — осталось только выяснить, кто именно заказал убийство Ватутина, и кому достались его миллионы, Федин все же не спешил отождествлять «неизвестного человека атлетического сложения» с Тайнинцевым, давая себе некий простор в выборе кандидатов на роль «неизвестного здоровяка».

Стоп!

Вернувшись к мысли о Тайнинцеве и его тупости, Федин посмотрел на мальчика и вспомнил свой забытый вопрос:

— Вить, ты говорил, что перед Новым Годом папа тебе звонил и поздравлял. А не припомнишь, в котором часу это было?

Мальчик задумался, и даже губы вытянул трубочкой от усердия.

— Он звонил... звонил... в одиннадцать часов.

— Точно?

— Ага! Власка с одноклассниками встречать Новый Год собиралась и все кричала: «Уже одиннадцать! Уже одиннадцать, а Максика все нет!», — очень комично передразнил Витек свою сестру и пояснил: — Максик — это ее ухажер из параллельного класса. Он должен был заехать за Влаской и отвезти ее к Резниковой Ирке, а мама ругалась на Власку и говорила, что незачем ждать Макса, потому что Ирка живет через два дома от нас — давно бы уже пешком дошла.

— Если твой папа звонил в одиннадцать часов ночи, то получается... — анализируя услышанную информацию и сопоставляя ее с показаниями свидетельницы аварии, Федин запустил пятерню в волосы и поскреб макушку — и как это он так лоханулся! — Получается, что в девять часов машина с трупом уже горела, а в одиннадцать предполагаемый труп звонил по телефону...

— Чей труп, дяденька следователь? — выпучив глаза от интересного захватывающего сюжета, с придыханьем спросил Витек — нет, раньше его жизнь не была такой интересной: вон, сколько всего случилось после смерти отца!

— Вот, и я бы хотел узнать, чей... — Федин посмотрел на мальчика, прочитал в его глазах неподдельный интерес и, положив ему руку на плечо, подумал о том, что по большому счету Дорохов молодец — усыновить чужого ребенка не каждый отважится. — Знаешь, Вить, не зови меня «дяденька следователь» — меня зовут Константин Александрович. Договорились?

— Ага. А чей труп, Константин Александрович?

— А что ты говорил про двойника твоего папы? — проигнорировав вопрос мальчика, спросил «дяденька следователь».

— Да тут один дядька здорово похож на моего папу, — с готовностью начал объяснять мальчик, — я на него посмотрел, и мне не так грустно стало, что папы больше нет.

— Ты давно видел этого похожего на твоего папу дяденьку? — заинтересовался Федин: если в одиннадцать Георгий Ватугин звонил сыну и поздравлял его с Новым Годом, то кто же тогда в это время горел в машине...

— Два дня назад я его видел. Мы с Инной Палной ходили к другому дядьке на соседней улице и там его встретили...

Забыв свое честное слово, Витек подробно рассказал Федину обо всем, что знал: о разговоре в поезде, об их с «Инной Палной» поисках и поездках к чужому участку, о строгом наказе Инны не звонить ей и о встрече с двойником своего отца в нотариальной конторе.

— Ты точно видел Танка рядом с двойником твоего папы? — уточнил Федин.

— Точно, — кивнул головой мальчик.

— А тетенька с ними была?

— Была, — с готовностью подтвердил мальчик, — рыжая такая, высокая. Только я ее не рассмотрел — я на того дядьку глядел, что на моего папу похож.

— Что же получается... — Федин встал с дивана и заходил по комнате. — Жадный бизнесмен решил инсценировать свою смерть и начать новую жизнь с молодой беременной женой, прихватив при этом все свои денежки, а верный телохранитель ему во всем помогает.

Отличная версия... Вить, а ты сможешь найти тот дом на соседней улице, в который вы с Инной Павловной ходили и где встретили того человека?

— Смогу! А зачем?

— Покажем этому дяденьки фотографию Танка — пусть опознает.

— У меня есть папина фотография. Ее мы тоже покажем?

— Молодец, а вот я с этим делом оплошал: все материалы в Москве оставил, — похвалил Федин сообразительность Витька, и мальчик загордился своими сыщицкими способностями — может, ему тоже, как Константин Александрович, стать настоящим сыщиком? Это ведь так интересно и увлекательно находить трупы и арестовывать преступников!

Нотариуса Казакова они нашли очень быстро — память у Витька была отменная.

Роман Митрофанович взглянул на фотографии и сразу же опознал Тайнинцева, только имени его не назвал — телохранитель и все, а вот с опознанием Георгия Рудольфовича Ватутина нотариус сомневался.

— Точно сказать не могу, господин следователь, — виновато пожимал он пухлыми плечами. — Усы и борода очень меняют человека, к тому же волосы... Но этот человек на фотографии похож на Святослава Артемовича Мальцева. Очень похож...

О том, что женщина, приходившая к нему в контору с этим мальчиком, тоже интересовалась Георгием Рудольфовичем Ватутиным Роман Митрофанович благоразумно промолчал — от греха подальше!

Промолчал, но оказалось зря, Федин явился к нему с распечаткой его звонков, и звонок Мальцеву был обведен красным фломастером. Роману Митрофановичу пришлось на этот раз рассказать всю правду о визите Инны — скрывать важную информацию от следствия он больше не стал.

54

Чтобы не скучать и хоть как-то скоротать время, Дорохов после работы загрузил себя «работой»: решил обустроить быт, пока у него полно свободного времени по вечерам!

Однажды, когда Инна еще лежала в больнице, вернувшись домой, Дорохов услышал, как готовя им с Витьком ужин, соседка Евгения Петровна ругала посуду Инны:

— Разве можно на такой сковородке сырники нормально приготовить? И блинной сковородки у нее тоже нет! Вот и готовь тут... Придется за своей сковородкой идти, да и кастрюлю нормальную заодно прихвачу, чтобы борщ ребяткам сварить — у нее не кастрюли, а жестяные формочки какие-то тонюсенькие. Жаль, что плиту свою принести нельзя — этой лет сто уже и духовка плохо работает — ни пирожков не испечь, ни курицу целиком не зажарить... Лучше уж я у себя дома на своей плите и в своей посуде готовить буду, чем так мучиться...

Дорохову стало неловко, что он не позаботился о новой плите и о хорошей посуде (кровать купил и успокоился — теперь он понял, почему Инна так хитро улыбалась и говорила: «У кого чего болит...»), думал он в первую очередь о сексе — это было для него главным в отношениях с Инной, ведь она тоже любила с ним «потрахать, чтоб не сдохнуть», а все остальное было на втором месте, а надо было в первую очередь думать о еде — ведь теперь у них в доме ребенок), у него дома плита последнего поколения с электронным программатором, стиральная машина (машинкой ее назвать просто язык не поворачивается, по стоимости она сравнима с настоящей машиной) с функциями сушки и глажки и посуда дорогая с толстым двойным дном, хотя он не придавал всему этому «быту» какое-то

значение — что Людмила выбрала, то он и оплачивал. Теперь же он захотел сделать сюрприз Инне, а заодно показать, что на него не только можно оставить Витька, но и доверить такое ответственное дело, как обустройство быта! Конечно, шторы и занавесочки или скатерки и вазочки он покупать не будет, а вот посуду (да самую лучшую), кофемашину, а главное, новую газовую плиту с духовкой (а во время ремонта обязательно сменит все старое) — за это он непременно возьмется.

Но все оказалось не так просто: выбор был огромен и Дорохову пришлось обращаться за помощью — Нина Максимовна с огромным удовольствием приняла участие в обновлении кухни молодоженов.

Если плиту они выбрали довольно быстро (Нина Максимовна сразу же отмела Дороховскую «ценовую политику»: чем дороже, тем лучше, и предложила более компактную, соразмерную кухоньке, газовую плиту, не хуже дорогой), то в отделе посуды Дорохов растерялся от обилия брендов, размеров и цветов.

— Смотрим наборы кастрюль, — и снова Нина Максимовна взяла все в свои руки, — 4, 3, 2, 1 плюс сотейник или ковшик.

— 4, 3, 2, 1 — это что?

— Литры, Сереженька, литры!

— Понято.

Они (Нина Максимовна в первую очередь) выбрали и купили набор кастрюль с сотейником, ковшик, сковороды (в том числе блинную, вок и гриль), лопатки, прихватки, полотенца и прочее, прочее, против которого Дорохов не возражал, но когда Нина Максимовна положила в тележку еще и набор крохотных немецких кастрюлек (таких же, как они подарили ей на Новый Год) и крохотный ковшик с такими же крохотными мисочками, то Дорохов запротестовал.

— Ну, куда такое годится? — возмутился он, держа в руке крошечный беленький ковшик с розовыми цветочками — в руке Дорохова сия «посуда» выглядела, как детская формочка для песка. — Что можно вот в таком ковшике сварить? Да туда даже яйцо не поместиться!

— Большой ты, Сережка, хоть и полковник, а глупый, — улыбнулась Нина Максимовна. — В таком ковшике хорошо кашку варить.

— Да сколько там этой каши то будет?

— Мне, например, хватает, да и ребеночку в самый раз...

— Ребенку?..

— Дошло, наконец-то, — засмеялась генеральша. — Будут же у вас с Инной детки, вот и кастрюльки с мисочками пригодятся. Думаю, Инна по достоинству оценит твою заботу и поймет твой намек...

Дорохов неожиданно смутился, о детях он совсем-совсем не думал: просто занимался любовью с любимой... нет, любовью — значит, осторожно, нежно, с ласками и пальцами внутри нее, они занимались уже после нормального, здорового траха, собственного каждому мужику: оттрахал, разрядился, удовольствие получил и на боковую... а вот трахались они... без презерватива... а вот то, что от их незащищенного секса могут появиться дети, он как-то упустил... не спросил у Инны пьет ли она таблетки...

«— И как это я так лоханулся, — запоздало обеспокоился Дорохов, понимая, что ничего другого кроме секса с ней его не интересовало — хотел ее безумно, даже, когда просто вспоминал о ней, уже «трубилась побудка и начинался подъем флага». — Надо будет

уточнить у Инны по поводу... этого вопроса»

Нет, конечно, он думал о своих собственных детях, но он предполагал, что появятся они когда-нибудь потом, в будущем, когда они запланируют детей и будут «работать» в этом направлении, а сейчас... сейчас дети, как-то не вписывались в их жизнь: надо было сначала разобраться с Витьком и Властелиной, сделать ремонты в обеих квартирах, переехать в его квартиру, обустроиться там, обжиться, устроить Витька в новую школу, записать в какую-нибудь спортивную секцию (уж очень он худенький и хлипкий), а уж потом...

Но Дорохов не знал, что дети приходят в нашу жизнь совсем неожиданно и незапланированно, беззастенчиво нарушая все наши планы и безжалостно круша все наши воздушные замки, выстроенные на зыбучем песке жизни.

Не знал, но решил прояснить этот вопрос с Инной — вдруг она хочет детей, не в далеком запланированном будущем, а вот прямо сейчас... А пока он спрячет все эти крохотные «посудинки» в самый дальний укромный уголок в каком-нибудь шкафу и на время забудет о них, сейчас у него и без них полно нерешенных безотлагательных дел.

54

Важных безотлагательных дел, к которым Дорохов отнесся очень серьезно и хотел завершить их до отъезда в Новороссийск, было два.

Первое — Властелина: она жила одна в квартире училась, работала и не собиралась переезжать к Инне и Дорохову. В отличие от Инны, Дорохов считал себя ответственным за сестру усыновленного Вити Ватутина, вот и старался заезжать к ней раза два в неделю, завозя продукты, забирая счета и оставляя немного денег — на мелкие расходы. Возможно, если бы Властелина попросила денег больше, он, наверно, дал, а лучше оплатил бы ее траты, но обязательно поинтересовался на что будут потрачены, но Властелина не просила, и Дорохов успокоился — значит, все в порядке.

В свой приезд он снова спросил Властелину о переезде к ним с Инной.

— И где я, интересно, буду у вас жить? — как-то устало и совсем по-взрослому спросила сестра Вити. — С Витькой в одной комнате? На фиг мне это надо? Здесь я, по крайней мере, сама себе хозяйка.

— Ну на выходные приезжай, — не очень настойчиво предложил Дорохов. — С братом пообщаетесь, сходите куда-нибудь, он по тебе соскучился...

— Смеетесь? — фыркнула Властелина. — Куда это я с ним пойду? В зоопарк что ли? Я после работы с ног валюсь от усталости... Вот разве...

Поджав губы, Властелина пристально, оценивающе посмотрела на Дорохова, стоящего у окна: мужчина он был видный, серьезный, к тому же полковник...

«— Может и деньги у него имеются... конечно, не столько, сколько у Бориса Яковлевича, но если его потрясти... кредит возьмет или продаст что-нибудь, машинка то у него не «айс», простовата, но может квартирка какая-никакая имеется... хотя он вряд ли на мне женится, может только потрахаться с заводной, молоденькой телочкой захочет, отдыхая от жены — у него же там любовь! — мысленно произнося это слово, Властелина усмехнулась, вернее оскалилась, и Дорохов, видя ее оценивающий взгляд и хищный оскал, моментально, как настоящий военный, прошедший «горячие точки», почувствовал опасность: словно снайпер взял тебя на прицел, и ты всей кожей ощущаешь его торжествующий, смертоносный взгляд. — Ну, а если заявление на него накатать об изнасиловании? Нет, там придется доказывать факт изнасилования — анализы всякие, снятие побоев и следов изнасилования... а вот если сексуальное домогательство — здесь

просто мои слова: за сиськи лапал, в трусы лез, член мне свой показал, а еще лучше сосать свой член заставил... Побойтесь огласки и заплатит, как миленький, заплатит! Работает то он в серьезной организации, полковник, репутацией своей дорожит — вот и раскошелится... Попробовать, что ли пособлазнять? Вот сейчас дверь входную на ключ закрою и в трусы на его глазах положу... как миленький в трусы полезет, а уж там не удержится, целочку мою погладит и пальцами в нее залезет... А рука у него здоровая, крепкая, пальцы толстые... как вставит... а какого же размера у него член? Большой, наверно, вон Инка с довольной рожей ходит оттраханная... Может ему свою целку предложить купить за кругленькую сумму... Вдруг позарится — стану его постоянной любовницей и может, на второй год обучения деньжат наскребет... Хотя с вояками связываться, себе дороже — они на голову все отмороженные — возьмет пистолет, да и пристрелит в расцвете лет... и прощай тогда моя жизнь хреновая! Нет уж, рисковать я так не могу, мне еще пожить хочется... Гуляй пока дядя, я другого лоха поищу — мужиков на свете много: с каждого можно что-нибудь стясти... Да и Витька... если с его усыновителем что-нибудь случится, его же на меня повесят, а я не согласна его всю жизнь тащить на своем горбу. Ладно, свободен!

Убрав улыбку, Властелина отвернулась от Дорохова, и тот почувствовал, как тревога ушла, и подумал, что эта юная, очень милая и даже красивая девушка не так проста, как они с Инной считают... Здесь Дорохов сам себя поправил — он считал, Инна сразу сказала ему, что затея удочерять еще и сестру Вити, затея не продуктивная и неперспективная, то есть ничего хорошего из этой затеи не выйдет: во-первых, у них нет для этого условий (в ее квартире всем места не хватит — по мнению органов опеки), а во-вторых, воспитывать почти взрослого человека у них вряд ли получится — они оба на работе и Властелина все равно будет предоставлена сама себе, а отвечать за нее будут они. Вот и получается, что Инна была права, говоря, что Властелина достаточно взрослая, чтобы жить самостоятельно.

И еще Дорохов подумал, что больше к Властелине один не поедет — уж очень не понравился ему взгляд этой юной особы: взгляд голодной хищницы, оценивающий добычу. А он то расслабился: «дети, дети», никакая она не «дети», ей почти семнадцать, она знает чего хочет в жизни и, кажется, готова на все, чтобы добиться своей цели. Доставку продуктов можно заказать, а в выходные они приедут к Властелине вдвоем с Витей — он соскучился по сестре и очень хочет увидеться, а вот сестра, похоже, с ним общаться не желает... Может, и Инна с ними поедет, если Властелина не захочет куда-нибудь сходить с Витей, то они все вместе сходят в кино или зоопарк, все равно куда, а если захочет, они с Инной погуляют одни... Дальше Дорохов думать не стал, уж очень муторно стало на душе.

Второе дело — дом в Сергеевке: глупо владеть половиной дома и не ездить туда, с другой стороны, как туда ездить, когда там живут люди — пусть она и бывшая жена, но портить отношения и жизнь ей с новым мужем, Дорохов не хотел. Вот и не ездил, просто в тот раз ему некуда было податься, да и выпил он тогда изрядно... Вспоминать тот день, Дорохову было стыдно, что предстал он перед Инной в таком «непрезентабельном» виде, но прошлого не воротить и назад не отмотаешь.

Договорившись о встрече с Анной, Дорохов после работы помчался в Сергеевку.

Идя по дорожке к дому, Дорохов смотрел по сторонам и не узнавал, запомнившийся ему и ставший таким дорогим, зимний пейзаж. Все здесь изменилось: когда он уезжал, везде лежал снег и было белым-бело, как в царстве Деда Мороза, а сейчас снега мало, и он тает, обнажая черную расхлябанную землю, картина довольно неприглядная, но, радуется то, что весна на подходе: с весенней капелью, с нежной изумрудной молоденькой травкой, с

трогательными зелененькими листочками, с пеньем птиц...

— Ну, здравствуй! — радостно встретила Дорохова на пороге их общего дома бывшая жена, не спрашивая его о цели визита. — У меня хорошие новости: Стасика пригласили на работу во Францию! Представляешь!

— Поздравляю, — совсем не обрадовался Дорохов, он хотел все решить, как можно скорее (и так раздел имущества и оформление документов тянется около двух лет, а ему хочется давно уже поставить точку в распавшемся браке), а если Анна с мужем уедут за границу, то дело затянется на неопределенное время. — И на сколько вы едете?

— На пять лет, — с гордостью проинформировала Анна и добавила: — Контракт на пять лет, с возможным продлением. Может, мы со временем во Францию совсем переберемся...

— Ну, не знаю... А как же квартира и дом?

— Пока не решила... Стасик говорит, что с налогами там очень строго — каждая копейка под отчетом, а мне же надо одеться!

— Возьми наличку, хотя там это не приветствуется.

— Да нет у меня налички, на последние машинку купила: «БМВушечку-однушечку»! Если б заранее знать, что уедем, я бы машину не меняла. А теперь что мне с ней делать? Жалко, но придется дешевле покупной цены продавать.

— А дом? Я приехал поговорить с тобой о доме — со своей половиной ты, что собираешься делать?

— Ну, не знаю...

— Я бы купил у тебя твою половину.

— Неожиданно, — встревоженно удивилась Анна. — Ты же сюда никогда не приезжал после развода.

— Не ездил, потому что, вы тут со Стасиком живете. А теперь будем! Так что надо побыстрее что-то решать: либо продавать все, либо один выкупает у другого его часть!

— Чего это ты разошелся? Для женушки стараешься?

Дорохов не ответил — какое кому дело до его отношений с женой, но неожиданно он почувствовал скрытый упрек и зависть в словах бывшей жены и посчитал себя виноватым в том, что их брак не просуществовал и года и распался из-за его невнимательного отношения к ней.

— Аня, ты меня прости, что у нас с тобой не сложилось, — повинился Дорохов, теперь понимая, как важны в отношениях забота и внимание к друг другу. — Я много работал и не уделял тебе должного внимания...

— Ты меня просто не любил, страсть прошла и ничего не осталось... — сожалея о прошлом, подвела итог их распавшегося брака Анна. — И мне надо перед тобой извиниться... Я ведь тебя, Серж, обманула... Ничего мне суд не присудил из твоего имущества.

— Как это? — опешил Дорохов, он был так занят на работе, что в суд не пошел и, поверив Анне на слово, даже решения суда не прочитал — она обещала его показать, но все время откладывала или забывала, но на половине его имущества «расположилась» прочно.

— Что же мне нужно было после развода в свой Мухосранск возвращаться? Да ни за что! Я в Москве хотела жить, вот и сказала тебе, что суд мне присудил половину твоего имущества: половину твоей однушки и половину дома — надо же мне было где-то жить.

— Понятно теперь, почему ты с оформлением документов тянула... Значит, дом

полностью мой и квартира моя старая тоже моя! Ну, ты и стерва!

Вздыхнув, Анна отошла к двери, подальше от рассерженного Дорохова.

— Стасик, тоже так сказал, — вздохнула лже-хозяйка дома. — Вчера Стасик попросил документы на дом и на квартиру, чтобы решить вопросы с нашей недвижимостью — он думал, что квартира и дом мои... Ну и пришлось ему все рассказать.

— А со мной почему не поговорила? Мы бы все решили...

— Поговорила? — вскинулась бывшая жена. — Тебе не до меня было — ты объект в Сибири сдавал, мотался туда-сюда, где тебе было со мной говорить. Вот я и пошла на хитрость...

— Хитрость? Это обман, мошенничество! — возмутился Дорохов, начиная закипать. — Я целый год на съемной квартире жил, пока новую не купил.

— Так купил же! И пассиву себе тут же завел, — выкрикнула обиженная Анна, так же, как два года назад, когда они выясняли отношения.

— И что? Мы с тобой развелись, — набычился Дорохов и, словно вернувшись в то далекое совместное житье, сжал кулаки.

— А ты знаешь, что твоя Людка меня со Стасиком познакомила, а потом тебе же про меня насплетничала, — не унималась его бывшая.

— Аня, мне эти ваши бабские разборки не интересны, да и женат я уже — другие у меня интересы, — Дорохов, вспомнив про Инну, как-то сразу остыл — не будь всего этого обмана, Инна не приехала бы «сторожить» дом в Новый Год, и они никогда бы не встретились — чтобы тогда было с ним... с ними... — Давай мирно все решим.

— Мирно? — не поверила Анна, вскинув на бывшего удивленные глаза — с ней он никогда не был таким покладистым и вежливым, и всхлипнула. — И заявление в полицию писать не будешь? Стасик, сказал, что если я буду «под следствием», то он со мной разведется и ни в какой Париж не возьмет.

— Ничего я писать не буду, — успокоил ее Дорохов. — Значит, дом и квартира мои?! Когда ты их освободишь?

— В квартире я давно не живу и вещей моих так нет — забирай, ключи у тебя есть, а дом... Стасик вчера, как узнал обо всем, собрал свои вещи и уехал в Москву, он сказал, что в чужом доме жить не хочет, и чтобы я тебе все рассказала, а не то развод... Вот я и рассказала. Дай мне недельку, я все свое сложу и увезу...

— Договорились, — согласился Дорохов. — Роя я оставляю себе, ты все равно уезжаешь, а машину я у тебя куплю за ту же цену, что ты покупала — сделаю жене подарок вместо свадебного путешествия!

55

— Не, шепрашем, я на сабя такой грех не возму, — несколько раз повторил старческий осипший голос за тонкой деревянной перегородкой, мешанину слов из разных языков.

В ведро полилась какая-то жидкость, и все стихло.

Но от звуков человеческого голоса и льющейся воды, Инна очнулась. Открыла глаза, сглотнула горький противный ком в горле — ужасно хотелось пить, и осмотрелась. Она лежала на некоем подобии кровати на толстенным набитым сеном матрасе и накрытая допотопным шерстяным одеялом в крошечной комнатушке без окон и с одной дверью. Сквозь щели в дощатой стене, отделяющей комнатушку от другого помещения, в комнатушку просачивался тусклый свет.

Инна резко села в кровати, голова закружилась, и она вынуждена была привалиться к

дощатой перегородке, чтобы не упасть с кровати. Посидев немного с закрытыми глазами, она переждала головокружение, медленно открыла глаза и решила, что теперь будет двигаться с большой осторожностью — по-видимому, она долго была без сознания, раз не помнит, как очутилась в этом незнакомом месте.

— Еднэ дэло паненку приняти, панове ворожевати за джицко, — вновь за дощатой стеной заговорила сама с собой старуха, скрюченными пальцами вытирая увлажнившиеся вдруг глаза. — Ежели я не бува б такой дурой, то бува б у мяне цурка, джефчинка-ведманка, горя б не чула! Теперича майся еднэ, та шукай согласованку...

Эту тарабарскую смесь языков Инна хорошо понимала, даже не переводя на русский, понимала: женщина жалела, что у нее нет дочки и теперь надо искать преемницу — зачем, для чего...

— Кто здесь? — тихо спросила Инна и схватилась руками за голову — голова раскалывалась от внезапно заполнившего ее шума.

В смежном помещении что-то упало на пол, покатилося, и послышались громкие ругательства старухи.

— Што б табе, окаяна! Напужала! — и, повысив голос, старуха поинтересовалась: — Очулась, паненка?

— Отпустите меня, — попросила Инна, прислоняясь щекой к щелистой, не струганной перегородке. — Я никому ничего не скажу о вас и о Мальцеве-Ватугине не скажу.

— Ишь, шего удумала! — заворчала старуха, вытирая руки длинным темным передником. — А мяне хоть бы и казала, табе все равно ништо не услышати. И не вем я никого Тутина!

От физических усилий на лбу у Инны выступил холодный пот — сковывающая мышцы слабость не желала покидать тело. Инна вытерла пот ладонью и немного подышала открытым ртом, отдыхая.

— У меня дома мальчик один остался, — попыталась она разжалобить незнакомую женщину. — Что с ним будет, если я не вернусь домой?

— А нишего плохого с им не буде, — убежденно заявила старуха, и Инна тут же поверила, что с Витей все будет в порядке.

Откуда у нее появилась такая уверенность, Инна не знала, да и задумываться не стала — сил едва хватало на разговор с незнакомой женщиной, главное она безоговорочно поверила словам женщины и успокоилась — с Витей все будет хорошо.

— Откуда вы знаете? — все же спросила она и, осторожно, помогая себе руками, опустила ноги с кровати на темный от времени дощатый пол.

— А кому ж знати, коли не мяне?! — хмыкнула за перегородкой старуха и принялась наводить порядок на полу: подняла упавшую алюминиевую кружку, вытерла тряпкой разлитый темный травяной отвар. — Я рокив сто живу — все о всех ведаю.

— Так прямо уж и сто, — не поверила Инна, осторожно вставая на ноги. — Столько лет мало кто живет.

— Ну, може не сто, — засомневалась старуха в своих словах и немного покопалась в своей памяти. — Не, не сто, а поболее! Бо матка казала, што вони з бапчей в самом конце позапрошлого веку из Польска в Росью перебрались — в тот рок я родилась. Вот сколько мяне рокив!

Держась за спинку кровати, Инна немного постояла, сделала несколько осторожных шажков вдоль кровати, перехватываясь руками за спинки — тело не подвело, медленно

обретало силу, и это обстоятельство вселяло уверенность и поднимало настроение.

— Это, что же, вы и революцию помните? — продолжила Инна разговор, осторожно приседая и делая простенькие упражнения руками, разгоняя кровь.

— Та шего ее помнить — смута она и есть смута! — неожиданно хозяйка перешла почти на русский. — Начало войны помню — в ту пору мне уже почитай рокив дваждещця пенць было, а може чшиджещци пенць.

— Вот это да! — искренне удивилась Инна, на время забыв о физических упражнениях. Старуха за тонкой стенкой громыхнула посудой. В кружку полилась какая-то жидкость, и Инна снова сглотнула противный ком в горле, но просить пить не стала, лишь расстегнула молнию на спортивном костюме — в каморке становилось жарко от натопленной в избе печки, а может, и не от печки — силы понемногу восстанавливались, кровь быстрее бежала по жилам.

— Мне домой надо, — со слезами в голосе произнесла Инна и всхлипнула. — Отпустите меня, пожалуйста.

— Ты, паненка, не дури! — строго приказала из-за дощатой стены старуха. — Кажи дзенькуе, што жива осталась, не то в болоте сгибла бы.

— Мне домой надо, — упрямо повторила Инна, вытирая руками катящиеся по щекам слезы.

— Вот заладила, — рассердилась хозяйка избушки и махнула рукой в сторону двери. — Да подь, хто табе тута держит! Подь! Иди, иди!

Шагнув к двери, Инна взялась за ручку, потянула на себя дверь — дверь поддалась. Опасливо выглянула из каморки: в просторной избе на длинном прямоугольном столе ярко горела керосиновая лампа, освещая бедное обставленное жилище. По обеим сторонам стола стояли новенькие добротные лавки, выделяясь новизной цвета от остальной мебели: невысокого серванта с простенько посудой, глиняными кувшинами и крынками для молока и массивного резного комода с загадочно мерцающим в полутьме зеркалом на нем. Зеркало было большое, круглое, в потемневшей от времени узорчатой серебряной раме. По стенам избы на гвоздиках были развешаны пучки трав, засохших цветов и связки каких-то корешков, наполнявших комнату запахом лета и скошенного сена.

Выйдя из каморки, Инна в нерешительности остановилась посередине избы.

У печи, глядя на нее, стояла хозяйка избы — яркая привлекательная женщина средних лет с серо-зелеными обманчивыми и непроглядными, как болотная гладь, глазами. Одета она была в длинную темную юбку, цветастую кофту с длинными рукавами и овчинную душегрейку, на ногах у женщины были надеты обрезанные старушечьи валенки

— Ну, што? Подь, подь! — подбоченясь, подзадорила Инну женщина. — Со всех сторон болото, но ты мабудь отыщешь заветну тропку — авось не сгинешь! До видзеня!

Решившись, Инна медленно прошла мимо хозяйки через всю избу к тяжелой дубовой двери, открыла ее — темнота за дверью пахнула на нее холодом неизвестности и болотной сыростью. Инна замерла, внутри у нее все похолодело от нехорошего предчувствия, будто кто-то внутри предостерегал ее от опрометчивого шага и нашептывал, пытаясь образумить: «Берегись, не дури, вернись, хватит уже с нас твоей опасной инициативы».

— Спужалась? — засмеялась хозяйка, словно лягушка заквакала.

Сделать решающий шаг за порог избушки, где так уютно, по-домашнему трещали поленья в печи, и пахло чем-то вкусным и пряным, было страшно, и Инна послушалась голоса внутри и отступила.

— Мне сгинуть в болоте нельзя — меня дома ждут!

— Ты о сабе лучше печалься, — хозяйка избушки пригладила густые иссиня-черные волосы, заплетенные в косу и уложенные кольцом вокруг головы, поправила крупные красные бусы на груди и снова успокоила «молодайку»: — З роджиной твоей буде добже.

— Откуда вы знаете про мою семью? — напустилась Инна на женщину — почтительного уважения к ней она не испытывала: глядя на нее в фас, Инна видела перед собой довольно энергичную женщину средних лет с привлекательным лицом и большими выразительными глазами — ну уж никак не сто двадцатипятилетнюю или сто тридцатипятилетнюю старуху. А это значит, хозяйка избушки явно лгала о своем возрасте и поэтому уважения к себе не заслуживала. — А вот скажите, знаете ли вы, что меня искать будут?

— Мобудь, и будут, — согласно покивала головой хозяйка, — но вряд ли сшукуют.

— Это еще почему? — неприятно удивилась «пленница болота».

— Сюды ништо не кажется: здесь мисто гибло, вот увсе и робеют ко мне соватися — многих кикиморы на дно болота утягнули.

— Нет! Сергей никому не поверит про ваших кикимор и будет меня искать! — убежденно заявила Инна.

— Може, и не поверит, тильки што ему делать останется... Пошукает, пошукает табе, да и успокоится — забере неразумного хлопчика и в свою Московию возвертается.

— Нет! — топнула ногой Инна. — Без меня не вернется!

— Ишь, як ты его защищаешь! — язвительно закудаhtала женщина. — Тильки, мужики энтого не стоят!

— Мой стоит! — не сдавалась Инна.

— Ну, може и стоит, — нехотя сдалась хозяйка избушки. — Спорить, что воду в ступе толочь: пользы от энтого никакой!

Она повернулась к печи, открыла заслонку, пошурудила внутри печи кочергой — пламя осветило профиль хозяйки: худое морщинистое лицо с длинным крючковатым носом.

Глядя на молниеносно состарившуюся хозяйку, Инна испуганно попятилась — она была реалисткой, и всякие мистические штучки воспринимала с большим недоверием.

— Сколько же вам лет? — охрипшим вдруг голосом спросила она.

— Так по боле ста — я ж табеказала.

Старуха повернулась к госте в фас и снова превратилась в привлекательную средних лет женщину.

— Но как же... — смешалась Инна, думая, что сходит с ума, и у нее начались галлюцинации.

— Ты вон об шем, — догадалась старуха, видя испуг на лице «молодухи» и засмеялась, показывая полный рот крепких белых зубов. — Скильки ты мяне на вид то дашь?

— Сейчас... лет сорок пять, — правдиво ответила Инна, все еще не веря в волшебные преобразования старухи.

— А больше я и не возму — в чтерджещчи пенчь — баба ягодка опять! — игриво подмигнув, произнесла хозяйка избушки, а потом по-старушечьи тяжело вздохнула. — Рокив джесенчь назад мне больше чшиджещчи пенчи ништо не давал, а сейчас старею — силы не те, штобы тень на плетень наводить... А про мужика тваго я так кажу: вот поживе он без табя рокив пенчь, помается едэн с джецко, тоды и спознаешь: стоит он тваей защиты али не стоит.

— Как годков пять? — опешила Инна и плюхнулась на лавку — голова снова пошла кругом. — Почему?

— А потому! Рокив пенчъ у мяне в избушке поживешъ: все о тебе в миру забудут — твой Тутин в перву очередь, а потом я вас тихонько выведу из болота. Шего вам тут не пожити то, на всем натуральном: молоко у мяне свое — две козы держу, картоха, мокрва, тыква, свекла — тоже свои. В вашем городе все химией отравлено, а у мяне усе чисто, на навозе выращено. За мукой вот ходить приходится — пашеничка у мяне на болоте не расте. Скоро сама будешъ ходить за провизией...

— Не хочу я с вами жить!

— А куды ты денешься то? — зло усмехнулась хозяйка избушки — строптивая молодуха начала ее раздражать. — Поможешъ мяне по хозяйству — я давно помощницу шукаю, а ты джевчинка здоровая, хоть и тяжелая.

— Какая же я тяжелая? — возмутилась Инна, вставая со скамейки. — Во мне шестидесяти килограмм нет! Я за своей фигурой слежу.

— Следила, да не уследила, — квакнула старуха и ловко вытащила ухватом из печи горячий чугунок. — Да ты, поди, ничего не знаешъ про...

— Знать ничего не хочу! — вспылила Инна и гордо удалилась в каморку, однако, дверь за собой не закрыла — сидеть в темноте было страшно.

— Ну, гляди сама...

Инна посидела на кровати, потом прилегла и долго глядела на падающий на стену свет лампы из дверного проема. По бревенчатой стене пробегали причудливые ломаные тени — кого они ей напоминали, Инна так и не поняла. Глаза закрылись сами собой...

56

Очнулась Инна, когда из двери потянула чем-то знакомым и ужасно вкусным, но заставила себя не слушать голодное урчание живота и думать о другом, более важном.

«— Как же мне отсюда выбраться? — спрашивала она себя и не находила ответа. — Будем рассуждать логически. Что произойдет, если я не вернусь домой? Витя умный мальчик и обязательно позвонит Сергею. Сергей прилетит в Новороссийск и начнет меня искать. Витя знает, куда и зачем я поехала, но не знает, куда меня отвезли эти люди. Значит, для того чтобы меня нашли, мне надо подать им какой-нибудь знак... Знак очень понятный и приметный! Стоп! Раз в избушке есть керосиновая лампа, значит, есть и керосин! А раз есть керосин, то можно что-нибудь поджечь... Избу, например! Огонь увидят издалека, и пожарные приедут его тушить. Приедут и спасут меня...»

— Даж не думай избу поджигати! — раздался из-за перегородки недовольный голос старухи. — Нихто нишего не углядит, и нихто тушить пожар не приеде — кругом болото на сто верст, а мае хозяйство погорит! Як я потом здесь жить буду?

— Откуда вы узнали...

Инна закрыла рот рукой и, догадавшись, что старуха не так проста, как кажется (со своими волшебными превращениями, похоже умеет еще и мысли читать), постаралась ни о чем не думать. Но долго ни о чем не думать она не смогла. К тому же муки голода стали совсем невыносимыми. Инна встала с кровати, вышла из каморки в горницу и присела за стол.

— Можно мне поесть? — спросила Инна и почувствовала непреодолимое желание наброситься на квашенную капусту и соленый огурцы, лежащие в глиняных мисках на столе.

— Вот так то лучше, — покивала головой хозяйка и, похлопотав у печки, поставила

перед «гостьей» стакан молока и тарелку с несколькими отваренными «картохами» и краюхой хлеба. — Ешь, джевчинка, ешь за двоих, да поживать ложись — завтра с тобой обо всем поговорим.

— Скажите, а почему я к вам попала? — поочередно кусая соленый огурец и картошку и запивая их изрядным глотком молока, понуро спросила Инна, делая вид, что смирилась со своим положением.

— А на што тебе знати? — нахмурилась хозяйка избушки — вопросов она не любила, но одинокое житье на болоте имело и свои неудобства: поговорить было не с кем, а поговорить старуха любила — разве она не женщина?!

— Хочу знать, кому обязана болотному заточению.

Хозяйка избушки искоса посмотрела на гостью и, не прочитав никаких потаенных мыслей в ее голове, успокоилась.

— Никоего секрэту не: бабонька мяне една долгонько дожидалася: с мужиком у нее... несогласие — вот я ей и пожалилась: мол, стара стала, мяне бы помощницу якую-нибудь в избушку. Бабонька тебе сюды и прислала.

— А что за бабонька? Может, я ее знаю.

— Бабонька, ёна и есть бабонька, — пожалала сухонькими плечиками старуха. — Не наша ёна, городска, вроде тож москальска.

— Прямо так и московская! — не поверила Инна. — Хотите сказать, что к вам из самой Москвы приезжают? Это, извините, вряд ли! Хотя... — злить старуху в планы Инны не входило. — Скажите, а зачем она к вам приезжала?

— Да все за тем же — за шем все к мяне ходют: за травками.

— За травками? Значит, вы травами людей лечите?

— Лекарю? — квакнула старуха и улыбнулась беззубым ртом — временами колдовские чары пропадали, и она представала перед гостьей в своем истинном облике, но Инна уже не пугалась мгновенного преображения. — Ну, може, кого и лекарю — чаровница я. Буде со мной, молодуха, — всю оставшуюся жизнь мяне благодаривати будешь: я тебе весь свой опыт и все свои знания передам. Кому-то все равно это надо передать — так шему не тебе. Бабонька ты не глупа, не жадна — вот и буде за мисто мяне... людин травками лекарить, а иначе мне спокойно не померти.

— Зачем же вам помирать? Живите еще сто лет! — искренне пожелала Инна и подивилась, что хозяйка называет себя не травницей, а чаровницей — по-русски чаровница — значит, красавица, а старуху красавицей уж точно не назовешь, ну, может раньше была...

— Дзенькуе за добро слово. Тильки тяжко, джевчина, жити стилько рокив на белому свету, да и надоело вже: все едно и тож, едно и тож...

— За предложение, конечно, спасибо, но травы мне как-то не очень... А вот цветы я люблю: в них заключена совершенная красота и чарующие ароматы природы. У меня дома всегда живые цветы в вазе стоят и на подоконнике цветы.

Воспоминания о доме согревали сердце Инны, и она улыбнулась.

— Ты ими лекаришься? — подозрительно поинтересовалась старуха.

— Да нет, не лечусь, просто для красоты, — объяснила гостья.

— Значит, без пользы. Это плохо: из каждого цветка, из каждой травиночки, из каждого корешка надо извлекать пользу...

— Ах, оставьте! — отмахнулась Инна от скучных нравоучений. — Травки, корешки! Скучища!

Старуха села за стол напротив гостыи, подперла щеки кулаками и долго смотрела, как та доедала ее простые угощения.

— Може, ёно и к лучшему, што табе моя наука без надобности, — вслух подытожила она свои размышления, — а то рвалась бы к своему моншу и маялась бы без его. А так... Так, так ёно лучшее буде — супротив Судьбы не пойдешь!

— Я в Судьбу не верю! — Инна доела последний кусочек хлеба, допила последний глоток молока, закусила щепотью квашенной капусты и почувствовала, как прежние силы возвращаются к ней.

— Ну и дура! Мужика то табе Судьба подарила — каждому по его делам и воздастся... Тока где мяне теперича согласованку шукать?

— Не знаю, — пожала плечами Инна и поднялась из-за стола — она была сыта и ей хотелось поскорее заснуть.

«Згадзайя се» появились в голове у Инны слова, которые она не поняла — раньше она старуху понимала, а сейчас не поняла о чем сама подумала, да и подумала ли, да и сама ли — слова просто возникли у нее в голове.

«— Ту, джецко-джифчинка?»

«— Так».

«— Согласованка?»

«— Так».

«— Бардзо добже...»

Дальше «разговор» пошел так быстро, что Инна даже не успевала «додумать» одну фразу, как в голове возникала уже другая, и ответы старухи-хозяйки сливались в одно протяжное «дже», «бже», «дзо». Она хотела остановить непонятный поток «мыслей», открыла рот, посмотрела на старуху и замерла: старуха, растеряв всю свою колдовскую привлекательность и представ перед ней в своем истинном виде, с удивленным восхищением и с каким-то мистическим суеверным страхом смотрела на Инну (просто смотрела не, разговаривая, ибо рот у старухи был закрыт, а разговор в голове Инны все продолжался и продолжался), но смотрела не в лицо своей «пленнице болот», а куда-то ниже в область живота. Инна хотела подумать, чем же она могла так испачкаться за столом, что старуха с таким восхищением и страхом смотрит на пятно, но в голове возникла фраза, относящаяся именно к ней: «Цыть, матка! Молчь!», и она почему-то тут же подчинилась этому приказу, закрыла рот и покорно села на скамью.

Мыслей в голове совсем не было, только непонятные фразы на польском языке, на которые Инна перестала обращать внимание — все равно она ничего не понимает. Она просидела так еще какое-то время, бездумно глядя в старинное зеркало в серебряной раме, стоящее на комод. Инна так внимательно и напряженно смотрела в это зеркало, что ей стало мерещиться в глубине зазеркалья лицо Дорохова — такое родное и любимое, что у нее даже сердце заныло от тоски. Он улыбался ей сквозь мутное стекло, звал к себе, маня руками, и потихонечку приближался к ней...

— Вот привязался! — заворчала старуха, стаскивая с себя передник и накрывая им потемневшую поверхность старинного зеркала. — Нешего туда табе глазеть! Еще привидится ему моя избушка, за тобой в такую даль потащится... Не! Теперича я табе никуда не пуцу! Пока... тем боле, што ты пока нишего не знаешь...

— Вы это о чем? — прогоняя наваждение, Инна с сожалением оторвала взгляд от зеркала.

— Не о тебе речь, — хмыкнула старуха, улыбаясь своим мыслям. — Ладно, слухай... Родишь ты цурку — умну, да красиву. И буде у нее все: и кохание, и злато, но душа ее буде шукать свое предназначение. Других джецко-близнят воспитывай, як знаешь, и опекай, як роджицэ, а ее не мочь! Ее слухайся — получит ёна от мяне подарунок бесценный... А взамен того, што подмогну я тебе отсюда выбратся, пообещай мяне щедэм джень и щедэм ноц отсюда не бежать и во всем мяне слухаться.

— А что за подарок? — поинтересовалась Инна, подозрительно обводя взглядом бедную обстановку избы — где тут может храниться «бесценный подарок»?

— Это тебе не касемо — не тебе подарено буде!

Инна нахмурилась — всю жизнь она обходила стороной гадалок и экстрасенсов, а тут на тебе — предсказания! Но перспектива выбратся из болотного плена показалась ей очень заманчивой.

В конечном счете, что она теряет, подчинившись старухе?

Она и так в ее власти — без ее помощи ей все равно не выбратся с этого проклятого болота! Не стоит даже пытаться — кикиморы на дно утащат!

Подумав о кикиморах, Инна покачала головой — в сказки про болотную нечисть она не верила, но подвергать свою жизнь смертельной опасности, пробираясь через болото, она не могла — у нее же муж и Витек! А это значит, что она должна использовать все возможности, чтобы по-хорошему договориться со старухой-чаровницей и вернуться к Дорохову — ей пророчили жить здесь пять лет, а теперь предлагалось только семь дней! Семь дней и семь ночей, это гораздо меньше, чем пять лет! А вот если старуха не выполнит своего обещания и через семь дней не проведет ее через болото, то тогда она уже сама будет выбираться отсюда! И никакие силы, и страшилки про болотную нечисть ее здесь не удержат.

Инна подумала и согласилась на условия старухи.

57

Свой первый визит к Святославу Мальцеву Федин обставил по высшему разряду безопасности: попросил у местного полицейского начальника наряд сопровождения и на двух машинах появился у полностью достроенного дома двойника Ватутина. Дом был очень красивый: желто-бело-шоколадный, со сказочной круглой высокой башенкой с обзорными окнами до самого пола (возможно, она предназначалась для студии художника, где много света и дома не загораживают живописного вида), с большим эркером, застекленными окнами в пол с витражами, с балкончиками, огражденными кованой «решеткой» с цветами и птичками, и террасой на солнечную сторону с мебелью из ротана, лежаками и закрытыми зонтиками от солнца.

Хозяин оказался дома и был просто вынужден принять незваного гостя.

В дом Федин вошел один, наказав полицейским каждые пять минут выходить из машины (обязательно с автоматами) и прохаживаться по дорожке, подозрительно поглядывая на дом — так сказать психологическая атака для слабонервных обывателей.

Расчет старшего следователя Следственного Комитета был прост: вряд ли от него станут что-то скрывать на виду у готового к действию полицейского наряда.

— Здравствуйте, Святослав Артемович, — представившись, приветствовал Федин помрачневшего хозяина, но руки не подал, сделав вид, что с интересом рассматривает огромные окна с витражами в гостиной. — Разрешите задать вам несколько вопросов в связи со смертью бизнесмена Ватутина Георгия Рудольфовича.

— Простите, впервые слышу это имя, — нахмурился Мальцев.

— Ну, что вы, Святослав Артемович, жить в Москве и не знать о своем сходстве с преуспевающим бизнесменом? — наигранно удивился «частный сыщик».

— Я давно уехал из Москвы.

— А по моим данным... — Федин достал из кармана свой блокнот с записями, не спеша, полистал исписанные мелким почерком странички, выдерживая небольшую паузу, во время которой он привыкал к удивительной схожести двух совершенно разных людей. — По моим данным с работы вы уволились в конце октября — выходит, не так уж и давно вы из Москвы, гражданин Мальцев.

— Возможно, мне следует пригласить адвоката... — попытался оттянуть время от выяснений хозяин дома.

— Конечно, конечно, — тут же согласился Федин. — Только знает ли ваш адвокат, что вы живете по чужим документам?

— Что значит «по чужим документам»? — старательно изобразил на лице удивление Мальцев.

— А вот так, дорогой Святослав Артемович! Фотография настоящего гражданина Мальцева у меня имеется — я изъясил эту фотографию из личного дела гражданина Мальцева, хранящегося в отделе кадров торговой фирмы, где последние семь лет он изволил работать. Сотрудники фирмы подтвердили, что на фотографии изображен именно он — Мальцев Святослав Артемович. А вот кто тогда вы? — Федин раскрыл папочку, вытянул из нее прозрачный файл с фотографией настоящего «гражданина Мальцева» внутри и протянул файл псевдо-Мальцеву. — Узнаете человека на фотографии, гражданин, как вас там теперь называть?..

— Никого я не узнаю! — возмутился хозяин дома и, не взяв протянутую фотографию, отошел к окну. — Причем здесь какой-то другой человек! Мало на земле Мальцевых что ли?! Возможно, мы с этим человеком однофамильцы.

— Лучше сказать полные тезки, — устало вздохнул следователь — объяснять очевидные вещи взрослому, здравомыслящему человеку было скучно и не интересно, к тому же ему было ужасно жалко потраченного на эти бесполезные объяснения время.

— Возможно даже полные тезки. И что?

— А то, гражданин хороший, что живете вы по тому же паспорту, что и ваш полный тезка — Мальцев Святослав Артемович.

— Не понимаю.

— Ну, номер паспорта у вас с ним один и тот же, а людей двое. На работу в торговую фирму Мальцев оформлялся именно по этому паспорту, и вы, когда новенький паспорт получали, сдавали на смену паспорта именно этот же паспорт — с тем же номером. По всему выходит, что менеджер торговой фирмы Святослав Мальцев и владелец этой земли один и тот же человек и должен сейчас стоять передо мною. Однако, на его месте почему-то стоите вы. Не объясните ли, как такое могло получиться?

— Я не стану отвечать на ваши вопросы без адвоката, — хозяин дома начал терять терпение.

— Ваше право. Только и я со своей стороны тогда приму соответственные меры: будет возбуждено уголовное дело по факту мошенничества с использованием чужих документов.

— Что вы хотите? — сдался Мальцев, решив выслушать до конца представителя власти.

— Я хочу в частном порядке задать вам несколько вопросов, а уже исходя из ваших

ответов, буду решать давать ход вашему делу или так и оставить его частным случаем.

Хозяин отвернулся от гостя и долго смотрел на вышагивающих по дороге полицейских с автоматами наперевес.

— Ладно, — согласился он, — задавайте свои вопросы.

Сев в предложенное кресло, Федин пристроил на коленях блокнот с записями — раскрывать свои карты ему не хотелось, и он решил начать задавать вопросы, ответы на которые уже знал.

— Начнем, пожалуй, с вашего настоящего имени.

— Мальцев Святослав Артемович.

— Значит, правду говорить вы не желаете...

— А это и есть правда, — лучезарно улыбнулся Мальцев, подошел к секретеру и, достав из ящика тоненькую медицинскую карту, протянул ее следователю. — Я очнулся после автомобильной аварии в больнице: кто я и как меня зовут, я не помнил: полная потеря памяти — в медицинской карте данный факт отражен, можете проверить. При мне были обнаружены документы Мальцева Святослава Артемовича, залитые кровью, фотография, кстати, тоже была залита моей кровью — так я и стал Мальцевым Святославом Артемовичем. Если вы докажете, что я не менеджер Мальцев, поверьте, Константин Александрович, я буду только рад узнать свое настоящее имя. Хотя я все же думаю, что я и есть Мальцев.

— Версия интересная, — покивал головой Федин, внимательно изучая медицинскую карту «больного» и записывая все интересующие его данные. — Однако, сходство с бизнесменом Ватутиным у вас стопроцентное. Желаете посмотреть его фотографию?

— И его фотография у вас имеется... Вы хорошо подготовились, господин следователь. Но меня мало интересуют другие люди, особенно умершие. Вы говорили, что этот ваш бизнесмен погиб? Допускаю такую возможность, что мы с ним похожи: просто близнецы-братья, как партия и народ.

Федин шутливый тон хозяина не принял.

— У господина Ватутина было свое довольно прибыльное дело, семья — жена и двое детей. После того, как в сгоревшей машине бизнесмена было обнаружено мужское тело и документы на имя Ватутина Георгия Рудольфовича, все тут же решили, что бизнесмен погиб в автомобильной аварии.

— Очень интересно — прямо детектив пересказываете.

— Бизнесмена похоронили, но оказалось, что вся семейная недвижимость давно продана и денег на общих банковских счетах нет ни копейки. Жена такого удара не перенесла и повесилась...

Глядя на собеседника, Федин специально не смягчал свой рассказ о погибшем бизнесмене Ватутине и его семье, стараясь уловить на лице Мальцева хоть тень раскаяния и сочувствия (это, конечно, в том случае, если Мальцев имел все-таки отношение к семье Ватутиных — один крохотный шанс Федин все-таки оставлял на справедливые сомнения и стечения обстоятельств), но ни раскаяния не сочувствия на загорелом лице мужчины не отразилось.

О чем думал Святослав Артемович Мальцев, когда следак из Москвы пытался разбудить в нем воспоминания о прежней жизни?

А думал Мальцев о том, что никакой прежней жизни у него не было...

Конечно, тогда у него был прибыльный бизнес, тогда у него была семья: жена, дочь и

сын, были друзья и партнеры, но жизни, как таковой у него не было: только работа, только обязанности, только обязательства.

Разве это жизнь?!

Вероника объяснила ему, что жить ради денег глупо и пошло и что с количеством заработанных миллионов ни здоровья, ни жизни не прибавляется — наоборот, годы уходят, здоровье загублено непосильной работой: остановишься на краю, очнешься от денежных чар, глядь, а жизнь то уже прошла! Осталось сделать последний шаг...

Зачем ему гробить свою жизнь? Ради детей, зарабатывая им на будущее?

Пусть сами работают! Ему то с бизнесом никто не помогал — он всего добился сам, своими силами, своей оборотливостью и сметкой, своим умением ладить и убеждать людей. Вот пусть теперь и они попробуют! Покрутятся! Он получил от доходного бизнеса свой «кусочек пирога» и собирался теперь его съесть. Съесть в гордом одиночестве, не делаясь с чужими ему людьми, не известно почему, решившими, что его заработанный потом и кровью «кусочек пирога» принадлежит еще и им. С какой стати? Он не станет с ними делиться! Тем более, что никакого отношения к этим чужим, жадным и жестоким людям он не имеет...

— Дети остались одни без средств к существованию, — продолжал невесело рассказывать Федин, понимая, что до чистосердечного признания «подозреваемого», еще, ох, как далеко. — Органы опеки хотели забрать их в детский дом.

— Почему же мать ваших детей не подумала о них прежде, чем расстаться с жизнью? Возможно, она плохая мать?

— Судить не могу, — развел руки в стороны Федин. — Но вы не волнуйтесь, дети в хороших руках.

— А я и не волнуюсь!

— Возможно, потому что, вы тоже плохой отец.

— Моя жена утверждает обратное!

— Жена? — удивился Федин, с этой стороны он Мальцева не проверял. — Позвольте полюбопытствовать ее имя.

— Беляева Вероника Арнольдовна.

— О как! — удивился Федин, хотя старался всегда держать свои эмоции под контролем

— Вы, может быть, слышали о ней? Она очень известная художница, — похвалился Мальцев.

— Слышать то слышал, но в другом контексте — Вероника Арнольдовна долгое время состояла в любовной связи с тем самым погибшем бизнесменом Ватутиным.

Бровь Мальцева едва заметно дернулась, но Федин рассчитывал на куда более бурную реакцию.

Почему муж так отреагировал на такое пренеприятное известие?

Возможны два варианта: первый — он и есть этот бизнесмен Ватутин, поэтому не ревнует жену к самому себе, второй — он не испытывает ревности по поводу прошлых связей своей законной супруги.

Федин мало встречал не ревнивых мужчин — даже когда супругов уже не связывают любовные отношения, но они все еще состоят в браке, мужья реагируют на такие пренеприятные известия весьма бурно.

— И давно вы женаты?

— Недавно, но уже обзавелся ребенком. Сыном! — снова похвастался Мальцев.

— Поздравляю, — равнодушно поздравил Федин, записывая в свой блокнот и этот ускользнувший от него факт: значит, уезжая в новогоднюю ночь с Ватутиным, Вероника Беляева была глубоко беременна от Мальцева... или от Ватутина — надо разобраться. — Разрешите полюбопытствовать о ваших дальнейших планах в этом городе.

— Пока присматриваюсь, анализирую.

— А деньги? — вопрос о деньгах был задан с дальним прицелом.

— С деньгами трудновато, — посетовал Мальцев, — как у всех.

— Но вы купили землю, а она стоит не дешево, — не поверил Федин. — Если вы настоящий Мальцев, то откуда у простого работника торговли такие деньги?

— Это, все жена! — осканился «простой работник торговли». — Захотелось ей, видите ли, отдохнуть от московской суеты и приглянулось ей это местечко — деньги на землю она дала, но оформили на мое имя.

— Ну, что ж, придется мне еще кое-что проверить, а уж потом делать выводы, — Федин сделал вид, что удовлетворен объяснениями. — А насчет вашего настоящего имени, советую вам сделать генетическую экспертизу вместе с детьми Ватутина — если результаты будут отрицательными, то у вас появится козырь в предъявленном вам обвинении. Это вам любой адвокат посоветует...

— Хотите сказать, что если экспертиза покажет, что я не имею отношения к этим детям, то вы от меня отстанете?

— Не совсем так..., — замаялся Федин, вспомнив результаты полученной им экспертизы. — Для полной убежденности вам хорошо бы сделать еще экспертизу ДНК с вашей матерью — я имею ввиду, мать погибшего бизнесмена Ватутина.

— Может, еще и с вами проверимся на ДНК, — заскрежетал зубами улыбающийся мужчина, — вдруг окажется, что мы с вами, господин следователь, родные братья!

Федин проигнорировал предложение и оскорбительный тон, которым оно было произнесено, перевернул страничку в блокноте, немного почитал свои записи.

— Вам знаком Тайнинцев Никита Кириллович?

Несколько секунд Мальцев размышлял.

— Нет, не знаком.

— Однако, вы вместе с ним в январе летали в Турцию! — напомнил Федин.

— Мало ли с кем я летел отдыхать в одном самолете! — делано возмутился Мальцев, и Федин сразу почувствовал напряжение в голосе «допрашиваемого». — С чего вы взяли, что я в январе летал в Турцию?

— Неужели забыли? А вот я могу сказать вам точно: какого числа и с кем вы летали и даже, когда вернулись — летали вы с Никитой Тайнинцевым и Вероникой Беляевой.

— Нет, Тайнинцева я не знаю.

— Странно. Он же сейчас у вас работает телохранителем.

— У меня? Телохранителем? Да что вы, Константин Александрович! — «открестился» Мальцев. — При моих то доходах и телохранитель?! Где уж мне!

— Тайнинцева видели вместе с вами, — Федин перелистнул страничку блокнота, — свидетели у меня имеются: например, нотариус Козаков Роман Митрофанович. Знаете такого?

— Романа Митрофановича? Конечно, знаю.

— Он опознал человека, приходившего к нему вместе с вами, как Тайнинцева Никиту Кирилловича.

— Еще раз повторяю: никакого Тайнинцева я не знаю, — начал терять терпение «допрашиваемый». — У нас есть водитель, но фамилия у него Петров. Петров Алексей.

— Как он попал к вам? Через агентство? — Федин раскрыл блокнот на чистой страничке и приготовился записывать. — Назовите агентство.

— Нет... хотя не знаю, — растерялся Мальцев от такой осведомленности и настойчивости следователя. — Всем этим занимается жена. Она нанимает прислугу и няню, она же их увольняет и платит им деньги.

— Так значит, Тайнинцева нанимала она? А вы знаете, Святослав Артемович, что Тайнинцев работал телохранителем у все того же бизнесмена Ватутина?

— И что из этого следует?

— А то, что все это очень странно, — недовольно закрыв блокнот, Федин нахмурил брови, — в такие совпадения я не верю: и похожи вы на Ватутина Георгия Рудольфовича, и женились на его любовнице, и даже его телохранителя при себе оставили.

— Это уж, как вам угодно: сомневаться или не сомневаться, — хозяин развел руки в стороны. — Пока мне никто не доказал, что я не являюсь Мальцевым Святославом Артемовичем — докажете, что я бизнесмен Ватутин, я только поблагодарю вас за это. А пока... — Мальцев поднялся с кресла.

Федин его примеру не последовал.

— Могу я поговорить с вашей женой? — спросил он и раскрыл блокнот. — Надо с ней выяснить кое-что...

— Ее нет, — довольно невежливо отчеканил хозяин дома.

— А с вашим Тайнинцевым-Петровым?

— Его тоже нет.

— Нет обоих? — снова делано удивился следователь. — И куда же они уехали вместе?

— Это, не ваше дело, — занервничал Мальцев.

— Ну, что ж, придется прийти к вам еще раз, — Федин закрыл блокнот и поднялся. — У меня к вам еще один вопрос, последний... Мы разыскиваем пропавшую Новикову Инну Павловну, вернее, сейчас она Дорохова — по фамилии мужа. Вы случайно не встречали эту женщину — ее несколько раз видели возле вашего дома.

— Никаких женщин я не видел!

— Ну, не видели, так не видели, только хочу вас предупредить, что эта женщина важный свидетель по делу об убийстве и к тому же жена полковника ГРУ, а вы сами знаете, какие они упертые и жесткие эти военные, когда добиваются своей цели. Если полковник не найдет свою жену, то всем, кто причастен к ее исчезновению придется несладко.

— Пугаете? — усмехнулся Мальцев.

— Предупреждаю. Воспользовавшись своими связями, он пригонит сюда кучу народа, и они обыщут каждый уголок этой местности, используя все достижения техники, вплоть до спутникового слежения, привлечет специалистов всех рангов и мастей и экстрасенсов-колдунов подключит для поисков своей жены: следы Новиковой-Дороховой они обязательно отыщут — в этом я не сомневаюсь, но не было бы поздно... — Федин внимательно наблюдал за псевдо-Мальцевым и успел заметить испуг, промелькнувший в его глазах — на короткое мгновение зрачки мужчины подернулись инеем (вот бы узнать, о чем он подумал в это мгновение!). — Кстати, полковник тоже недавно женился и, сами понимаете, потерять молодую жену во время медового месяца...

Но сколько бы дальше не говорил Федин, не пугал и не убеждал псевдо-Мальцева

помочь следствию, леденящий испуг в глаза «подозреваемого» больше не возвращался.

«— Что могло его так испугать? — спрашивал себя Федин, снова и снова вспоминая свои слова и остекленевший взгляд хозяина дома. — Серьезного дотошного разбирательства или спутникового слежения?..»

Поразмыслив, Федин решил, что серьезного разбирательства.

А Мальцев, понаблюдав из окна за отъездом московского следователя, выматерился и поспешил на второй этаж к жене.

58

Промучившись два дня в неизвестности и гадая почему Инна и Витя не отвечают на звонки, Дорохов первым же рейсом «рванул» в Новороссийск. Прилетев, он прямиком отправился на съемную квартиру, но ни Инны, ни Витька дома не застал — телефоны обоих не отвечали.

«— Что могло случиться?» — терзаясь сомнениями и придумывая все новые и новые объяснения, Дорохов решил позвонить московскому сыщику, решив справиться у него о своей семье.

— Вы уже прилетели? — как ни в чем ни бывало поинтересовался Федин и попытался объяснить отсутствие мальчика дома. — Мы с Виктором едем в гости к одному человеку — хорошо бы и вам, Сергей Александрович, подъехать и поприсутствовать при нашем разговоре.

— А Инна? — напряженным голосом спросил Дорохов, быстро спускаясь по лестнице. — Инна с вами?

— Как раз об Инне Павловне и пойдет разговор с этим человеком.

— Я не понял... Инна с вами?

Федин немного помолчал, виновато глядя на мальчика — обещанья своего он так и не выполнил: «Инну Палну» не нашел и теперь ему придется объясняться с рассерженным мужем.

— Она пропала, Сергей Александрович, — сказав правду, Федин пожалел об этом — ему бы еще денек на поиски!

— Как пропала? — Дорохов замер на последней ступеньке лестницы, крепко ухватившись рукой за перила.

Пришлось Федину вкратце «докладывать» обстоятельства исчезновения Инны Новиковой.

— Она опять вмешалась в расследование, а нам приходится пожинать плоды ее опрометчивого поступка. Я же говорил вам, что она неспроста поехала в Новороссийск — сыщица хренова!

— С ней случилось что-то плохое?.. — Дорохов боялся услышать ответ, хотя вопрос все-таки задал.

— Не думаю, Сергей Александрович. На след людей, причастных к исчезновению Инны Павловны, я похоже напал и, как следует, припугнул — теперь Мальцев сто раз подумает, прежде чем причинить вашей жене хоть какой-то вред. Но нам надо спешить — полагаю, ваше присутствие поможет мне надавить на Мальцева и его художницу и выяснить, где же находится сейчас Инна Павловна.

Федин назвал адрес дома Мальцева, и Дорохов, с трудом оторвав взмокшую руку от лестничных перил, быстро вышел из подъезда.

А в это время в доме Святослава Мальцева медленно, но неотвратимо назревала паника.

Вероника Беляева — молодая высокая рыжеволосая женщина, стоя напротив мужа, энергично доказывала свою правоту.

— Ты меня не слушаешь! Не надо нам никуда уезжать! — сердилась она на супруга из-за его упрямства. — Что нас ждет в твоей загранице?!

— Тихая и спокойная жизнь! — спокойно и бесстрастно муж убеждал свою строптивую жену.

— Это ты мне обещал именно здесь! — язвительно напомнила «молодая жена».

— Обещал, — согласился Мальцев и понизил голос, — но обстоятельства, дорогая, против нас. Надо было нам сразу уехать из страны за границу, а не обосновываться здесь!

— Уехать! И что я там буду делать? Здесь у меня друзья, работа — здесь меня все знают. А там? Кому там нужно мое искусство?

— Не говори глупости! — жестко оборвал Мальцев причитания жены, но тут же сменил тон на уговаривающий. — В Париже тебя знают и любят: твои серия картин «Сибирские просторы» произвела фурор, в Риме нас ждут с распростертыми объятиями твои старые и новые друзья, а в Лондоне твои подмосковные пейзажи расхватывают, как горячие пирожки — везде полно наших соотечественников, каждый желает приобрести кусочек утраченной Родины и повесить его у себя на стене, чтобы смотреть, вспоминать и вздыхать.

— Спасибо за сравнение! — обиженно поджала губы раскрасневшаяся художница. — Никогда не думала о своих картинах, как о горячих пирожках!

— Ну, не сердись, дорогая, — Мальцев обнял жену и поцеловал в щеку. — Мы оба на взводе, но давай прекратим препирательства — ты прекрасно понимаешь, что ехать надо — здесь нам спокойной жизни уже не видать.

Вероника Беляева с тоской оглядела стены гостиной.

— Только дом построили и на тебе!

— Ничего, дорогая, — успокаивал Мальцев, — построим другой — еще лучше.

— А что я буду писать за границей? Лондонский туман или достопримечательности Парижа? В русских просторах есть душа, а каменной безжизненной архитектуры городов я не понимаю...

На столике зазвонил мобильный телефон, и Мальцев поспешил ответить на звонок.

— Все сделал, как договаривались? — спросил он у Тайнинцева-Петрова и, подойдя к двери, закрыл ее — лишние уши им сейчас не нужны.

— Девку отвез, машину продал, деньги перевел на ваш счет, — кратко доложил телохранитель о своих действиях.

— Вылетай в тот город, о котором мы с тобой говорили две недели назад, и замри там.

— В Бар...

— Не называй городов и имен! Возможно, нас уже прослушивают — этому московскому следователю палец в рот не клади!

— А как же вы?

— За нас не волнуйся — у меня припрятано несколько тузов в рукаве. Я с ним договорюсь... Вот только бы они не нашли девку раньше времени!

— Не найдут. Будьте спокойны — в такой глухомани ее сам черт не найдет!

— Это хорошо, а то я было испугался — вдруг он что-то знает, когда разговор зашел об экстрасенсах и колдунах...

В дверь гостиной осторожно постучали.

— Святослав Артемович! Там у ворот московский следователь дожидается, только на

этот раз он без полиции пришел. Пустить?

Мальцев выразительно посмотрел на жену, быстро закончил разговор по телефону и, распахнув дверь, обреченно произнес:

— Пустить, конечно. Куда же мы от него денемся?!

Охранник удалился.

Вероника Беляева подошла к мужу, погладила его по щеке и понуро пошла на второй этаж собирать вещи для отъезда — вот так просто она соглашалась со своим мужем навсегда покинуть свою Родину, уехать из страны, в которой родилась, училась, писала картины, стала известной и прожила почти половину своей жизни.

59

Дорохов шел за Фединым, крепко держа мальчика за руку.

О том, зачем следователю понадобилось брать с собой Витька в дом Святослава Мальцева, он не знал, но оставлять мальчика одного в машине не захотел.

Дорохов ни за что не признался бы себе, что присутствие Витька рядом с ним в эти трагические минуты дисциплинирует его, отвлекает от невеселых дум о пропавшей жене и уже не так страшно ожидать наступление следующего дня в таком беспросветном, вынужденном одиночестве. К тому же в присутствии мальчика, не смотря на все случившееся, надо было стойко держаться, вести себя по-мужски, успокаивать мальчика и вселять в него уверенность в благоприятный исход поисков.

И как это он раньше жил без них и ничего не боялся?!

Представить себе то времена Дорохов уже не мог.

Непрощенных гостей хозяин огромного дома встретил настороженно.

— Чем могу? — стоя посередине гостиной, холодно поинтересовался Святослав Мальцев, даже не предложив гостям сесть.

Но показная холодность встречи, Фебина не смутила. Он сел в кресло без приглашения и, раскрыв кожаную папочку, пристроил ее на коленях.

— У меня для вас приятное известие, Святослав Артемович: моим коллегам из прокуратуры удалось отыскать родную сестру настоящего Святослава Артемовича Мальцева. Дело остается за малым: сделаем экспертизу и точно установим ваше родство.

— Опять экспертизу! — хозяин едва сдерживался, чтобы не вспылить. — Вы меня уже достали с этими экспертизами!

Добившись своего — с нервничающим противником гораздо легче сражаться, Федин выразительно посмотрел на Дорохова, уступая ему право задать вопросы — теперь твоя очередь нагнать страху на супостата.

— Ох, простите, вы ведь не знакомы! Это Сергей Александрович Дорохов — муж пропавшей около вашего дома женщины. Помните, я о нем вам говорил в прошлый визит?

— Откуда вы взяли, что она пропала именно у моего дома? — вспылил Мальцев, но, справившись с раздражением, совершенно другим тоном добавил: — Никто около моего дома не пропадал!

Дорохов тяжелым взглядом смотрел на «супостата»: вся его ненависть к похитителям жены вылилась на этого человека.

— Я ведь разбираться не буду! — нахмурился он, раздувая ноздри, как разъяренный бык — только что копытом землю не рыл. — Скручу и отволоку в кутузку, а там даже то, что не знаешь, расскажешь, а уж если, что знаешь...

Видимо, от переполнявших его эмоций Дорохов сильно сжал руку мальчика — Витек

ойкнул и потянул ручонку из руки Дорохова.

— Прости, Вить, — опомнился полковник, поворачиваясь к мальчику. — Я тебе больно сделал? Это случайно.

— Да нет, — поморщился мальчик, сжимая кулачок и умоляюще глядя на Дорохова снизу вверх. — Сергей Александрович, не убивайте этого дяденьку! А? Он так похож на моего папу...

Дорохов спохватился — ребенка нельзя пугать своей ненавистью.

— Никто его не собирается убивать, — попытался он успокоить мальчика. — Просто взрослые иногда ругаются.

— Нет, вы собираетесь, — упрямо мотнул головой мальчик. — Когда мы к дому шли, вы Константину Александровичу сказали, что обязательно убьете этого дяденьку, если это он Инну Павловну похитил!

Пора было спасать положение.

— Он пошутил, — вмешался в разговор Федин. — Вить, как же он может убить этого плохого дяденьку, когда я здесь? Подумай! Мне же тогда придется арестовать Сергея Александровича и посадить в тюрьму, а в тюрьме живется ох как плохо.

Но мальчика не так просто было сбить с толку.

— А Сергей Александрович сказал, что тюрьма его не остановит...

— И опять Сергей Александрович пошутил! Правда, Сергей Александрович?

Дорохов виновато кивнул головой — угораздило же его потащить с собой мальчонку! Что он не знал, что здесь будет происходить?

— Тюрьмы бояться все! — продолжал следователь свои разглагольствования на тему наказания. — Правда, Святослав Артемович?

Но Мальцев не слышал обращенный к нему вопрос: он неотрывно смотрел на мальчика и думал о его будущем, по достоинству оценив благородство этого маленького «настоящего мужчины».

— Что вы сказали? — переспросил он, с трудом отрывая взгляд от родного человечка — было время, когда он любил этого мальчика!

— Я говорю: тюрьмы все бояться — никто туда добровольно попадать не хочет, — усмехнулся Федин.

Сейчас он, пытаясь поставить себя на место Мальцева-Ватутина — как бы он повел себя в такой ситуации: родной сын всеми силами защищает бросившего его отца от справедливого гнева расстроенного мужчины — ну, уж конечно же, не оставил бы детей без средств к существованию: собственных или несобственных не важно!

— Тюрьма это не курорт... — задумчиво произнес хозяин дома, ему вдруг ужасно захотелось все переиграть — вот все, от начала и до конца. Сейчас бы он поступил совсем иначе!

— Если вы причастны к исчезновению моей жены, то тюрьму до конца жизни я вам гарантирую, — мрачно пообещал Дорохов, стараясь говорить спокойно, чтобы больше не пугать мальчика.

— Ну, это вряд ли! — язвительно сказал Мальцев-Ватутин, испытывая чувство ревности к этому большому агрессивному мужчине. — Вам придется долго доказать мою причастность!

— Ничего я доказывать не буду, — Дорохов шагнул к Мальцеву и протянул руку к его шее — ненависть перехлестывала через край, и невозможно было справиться с вырвавшимся

из-под контроля потоком. — Сам все расскажешь, подонок.

— Не вынуждайте меня звать охрану, — быстро отступил Мальцев-Ватутин к двери.

— Дядя Сережа! Дядя Сережа! — мальчик в панике схватил Дорохова за руку и потянул назад — подальше от такого знакомого и родного человека. — Ну, не надо! Не надо его убивать, папа!

Слово «папа» пронзило сердце Дорохова насквозь, и неконтролируемая ненависть мгновенно выплеснулась через образовавшуюся рану. Вздвогнув, он обернулся, подхватил Витьку на руки и прижал к груди.

— Все, сынок! Все! Обещаю! Больше я его пальцем не трону!

Мальчик обнял полковника за шею и заплакал навзрыд — горькие детские слезы, копившиеся несколько дней, наконец-то, нашли выход, принося облегчение.

— Па-апа умер... Ма-ама умерла... Тетя Инна-а пропала... А я за нее отвечал... А теперь тебя, па-апочка, в тюрьму поса-адят... С кем же я оста-анусь? Меня что, опять в детский дом сдаду-ут? Да-а?

— Никто меня в тюрьму не посадит! — убежденно заявил Дорохов, неумело глядя мальчика по вздрагивающей спине. — И никто тебя никуда не сдаст! Слышишь? Мы найдем тетю Инну, и будем жить все вместе — долго и счастливо!

— А Власка? — уже не так горько всхлипнул Витек. — Власка с нами будет жить? Тоже долго и счастливо?

— И Властелина тоже с нами будет жить! Только ведь она в Англию собирается ехать. Мы же ее отпустим учиться?

— Ага, — отстраняясь от Дорохова и вытирая кулачками слезы, согласился мальчик. — Пусть учится в Англии — она умная! Папа говорил, что она вся в него: такая же умная и деловая. Я ей на учебу все свои деньги отдам — пусть учится, мне не жалко.

60

Глядя на плачущего мальчика, Мальцев-Ватутин испытывал двойные чувства: с одной стороны это был не его кровный сын, он бросил его и теперь не имел права на любовь мальчика, а с другой стороны — этим маленьким человечком гордился бы любой отец!

— Ладно, ваша взяла, господин следователь, поговорим наедине — подальше от посторонних глаз и ушей, — предложил Мальцев-Ватутин, распахивая дверь. — Вы, Сергей Александрович, подождите с мальчиком в другой комнате.

— Но я бы хотел... — начал Дорохов, но Федин его оборвал.

— Идите, идите, господин полковник, — поторопил он. — Мы уж тут со Святославом Артемовичем сами разберемся — «тет а тет», так сказать.

Немного помедлив — все же показав следователю свое недовольство, Дорохов поставил мальчика на пол, крепко взял его за руку, и они вдвоем вышли из гостиной.

— Пробирает... — то ли спросил, то ли высказал Федин свое отношение к произошедшему с мальчиком.

— Не понимаю, о чем вы, — не стал откровенничать со следователем хозяин дома и перевел разговор на другую тему. — Прежде чем начнем серьезный разговор мне надо убедиться, что у вас нет подслушивающего устройства — официального чистосердечного признания вы от меня не дождетесь! Я просто расскажу вам одну занимательную историю про горе-бизнесмена.

Хмыкнув, Федин поднялся с кресла (кого это Мальцев имеет в виду под «горе-бизнесменом» — неужели себя?), неспеша снял пиджак, аккуратно положил его на спинку

кресла, расстегнул рубашку и позволил себя обыскать. Ни микрофонов, ни записывающих устройств Мальцев-Ватутин на следователе не обнаружил, но на этом не успокоился: внимательно ощупал пиджак и осмотрел мобильный телефон.

— Я телевизор включу, — проинформировал он, включая огромный в полстены плазменный экран. — Надеюсь, он нам не мешает разговаривать.

Кивнув, Федин опять уселся в кресло, закинул ногу на ногу, показывая хозяину, что никуда не спешит и готов выслушать его «чистосердечное признание».

— Скажите, Константин Александрович, как вы на меня вышли?

— Дело техники.

— И все же — откровенность за откровенность.

— Ну, если откровенно... — Федин не любил раскрывать свои профессиональные секреты, однако обстоятельства вынуждали сделать это — нельзя настраивать «подозреваемого» против себя, когда он собрался дать признательные показания, это отнюдь не на пользу дела. — Туры в Турцию вы заказывали в одном агентстве, летели в одном самолете туда и возвращались вместе — тем более сидели рядом.

— Женщины! — обреченно произнес Мальцев и опять пожалел, что пошел на поводу у своей супруги и потащил ее за собой в Турцию. — Свадебного путешествия ей захотелось! Если бы не она!.. Хотя, если бы не она, я бы не затеял все это...

— Чего не затеяли бы? — заинтересовался Федин и напомнил: — Откровенность за откровенность!

— Ладно! Допустим, я не Мальцев, — хладнокровно заявил хозяин дома, усаживаясь в кресло напротив следователя.

— А кто? — тут же «вцепился зубами» в признание Федин.

— Это не имеет значения! — довольно невежливо оскалился «мистер Х». — Вас ведь сейчас больше всего интересует пропавшая женщина? Или что-то другое?

— Меня интересует все! — неожиданно жестко заявило облеченное властью лицо и пожалело, что ведет частное, а не официальное расследование.

— Все знает только Господь Бог! — иронично заметил «подозреваемый», не желая признавать свое поражение. — Вы ведь не Бог, гражданин следователь?

Федин промолчал — в его планы не входило спорить с «подозреваемым».

— Так вот о женщине... Она жива. По крайней мере, за день до вашего прихода ко мне, она была жива.

— И где она?

— Далеко.

— И вы не боитесь признаваться, что имеете отношение к ее похищению? — удивился Федин.

— Нет, не боюсь, вы мне ничего не сделаете, пока я владею важной для вас информацией.

Мальцев-Ватутин нервным движением руки пригладил бороду — и как это некоторым мужчинам нравится ходить с бородой? Она же колется! Лично он бороду обязательно сбреет, когда уедет за границу... Бороду и усы!

— В этом вы правы, — согласился Федин, достал из кармана связку ключей с брелком-солнце и показал хозяину дома. — Эти ключики Инны Павловны я нашел у вашего забора. Сергею Александровичу я их не показал... пока, из боязни, что с его расшатанными нервами, возможностями и желанием отомстить за жену, он не станет разбираться и засадит

вас не в обычную тюрьму, а без суда и следствия закроет в казематах разведывательного управления, знаете, десять этажей вниз и направо... из которых еще никто не выходил. Помните об этом, когда надумаете что-то скрыть или обмануть следствие. Так, где она?

— Не так скоро, гражданин следователь, — откинувшись в кресле, произнес «подозреваемый». — Сначала вам придется выслушать одну поучительную историю о глупом и жадном бизнесмене.

— О вас что ли? — ехидно спросил Федин, не в силах сдержать своего презрения к такому мелочному и непорядочному человеку, как сидящий напротив собеседник.

Но «собеседник» сделал вид, что обидного вопроса не услышал и начал рассказывать свою «поучительную» историю.

— Жил в одном городе один глупый и жадный бизнесмен, хотя сам он думал, что он очень умный и нежадный. Была у него жена и двое детей. Жили они все вместе в огромной квартире, а потом в большом загородном доме, кстати говоря, купленных на деньги этого самого бизнесмена — бизнесмен заработал много денег и мог позволить себе такой дом, такую квартиру и не только их. Так бы они и жили до самой старости, только вот однажды встретил бизнесмен другую женщину — не такую, как его жена, а самостоятельную и независимую. Все то у нее было не так, как привык в своей жизни бизнесмен, вот и заинтересовался он этой женщиной. Заинтересовался всерьез и стал смотреть на свою семью другими глазами. Нет, не подумайте, чего, гражданин следователь, убивать он никого не хотел, просто отойдя от своей семьи на какое-то расстояние, он стал смотреть не из семьи, а на нее и вдруг увидел, что семьи то у него никогда и не было: его жену интересовали только его деньги, дочь тоже, а мальчик... Ну, в общем, за это время он много чего узнал про свою семью. Узнал и не захотел больше жить вместе с ними. К н и г о е д . н е т

— Можно же было развестись по-человечески.

— Развестись?! И поделить все имущество?! — искренне удивился «глупый и жадный бизнесмен». — Было бы с кем делить!

— Ну, я понимаю, что с женой вы не хотели делиться, — пошел Федин на компромисс со своей совестью. — А дети? Дети то, в чем перед вами виноваты, чтобы их оставлять без средств к существованию?

— Дети?! — задумчиво повторил Мальцев-Ватутин и опустил глаза в пол. — В том-то и дело, уважаемый господин следователь, — что тогда для этого бизнесмена они не были детьми!

— Как это? — не понял «господин следователь».

— А вот так! Родная дочь этого горе-бизнесмена взяла, да и заказала своего родного отца!

— Пойдите, пойдите! — Федин даже руками замахал от неожиданного признания. — Вы хотите сказать, что Властелина... Властелина заказала убийство собственного отца?

— Хороша дочь?! Правда! Разве справедливо такой дочери что-то оставлять из имущества? Любой суд признает ее недостойной наследницей!

— Теперь я начинаю кое-что понимать... Властелина узнала, что у вас роман с художницей Беляевой и что, возможно даже, будет ребенок вне брака и заволновалась: вдруг вы разведетесь с ее матерью и отсудите фирму в свою пользу? Она украла у вас деньги из сейфа и наняла для вашего устранения Тайнинцева — вашего же телохранителя.

— Точно так! Представляете, Константин Александрович, чувства того бизнесмена, когда его личный телохранитель рассказал ему о «заказе» родной дочери и показал

заплаченные за его убийство деньги.

— И вы тут же поверили! — осуждающе покачал головой Федин. — А вдруг Тайнинцев вас обманул и действовал по поручению другого человека: например, в интересах вашей любовницы Вероники Беляевой? Возможно, ей очень хотелось выйти за вас замуж, и она решила таким образом подставить Властелину под удар разгневанного отца!

— Наш бизнесмен не такой легковерный, как вы полагаете, гражданин следователь, и сам слышал разговор его дочери и потенциального киллера. Вот тогда-то он решил воспользоваться ситуацией и исчезнуть из этой так называемой семьи, а заодно наказать неблагодарных домочадцев.

— Так, — усаживаясь поудобнее, произнес Федин. — С дочерью понятно, а причем здесь ваша жена и сын?

— О, это особая история! — назидательно произнес Мальцев-Ватутин. — Наш бизнесмен немного грешил — любил он, знаете ли, женский пол и заводил интрижки на стороне, но никогда не предполагал, что за его спиной его собственная жена наставляла ему рога. Мало того, что у нее на содержании находился молодой любовник, она чужого ребенка нашему бизнесмену навязала!

— Значит, Витя не ваш сын? — уточнил Федин, старательно говоря о семье Ватутина.

— Выходит, что сын был вовсе не сыном нашего горе-бизнесмена, — Мальцев-Ватутин рассказывал историю горе-бизнесмена, стараясь не сбиваться на конкретные лица — в частности на свою бывшую семью.

— Но, родители любят и не родных детей.

— Может быть, кто-то и любит не родных детей, — согласился рассказчик поучительной истории, — но, когда тебя обманывают столько лет, трудно требовать от человека любви и понимания!

— Хочу заметить, что мальчик тут совсем не причем: в этой истории он лишь пострадавшее лицо — он искренне вас любит, хотя и не родной вам по крови.

— Это я сейчас понимаю, а тогда... — сбился таки Мальцев-Ватутин с рассказа о горе-бизнесмене, но тут же поправился: — Ну, в общем, наш горе-бизнесмен раздобыл чужой паспорт и инсценировал свою смерть, чтобы навсегда оставить эту семью.

— А кого же он спалил в машине вместо себя? — машинально поинтересовался Федин — задавать вопросы, это его специальность. — Неужто настоящего Мальцева Святослава Артемовича в машине упаковали?

— А вот этого наш бизнесмен не знает и знать не хочет, — «подписался на несознанку» «горе-бизнесмен». — Он заплатил немалые деньги за то, чтобы исчезнуть, и все сделали за него.

— А кто сделал?

— Вы меня спрашиваете? — делано удивился Мальцев-Ватутин. — Откуда же я знаю — меня там не было!

— И вы не боитесь мне обо всем рассказывать? Вдруг я вас арестую? — попытался припугнуть Федин.

— И Властелину тоже арестуете? — устало усмехнулся «горе-бизнесмен». — Что ей там светит за организацию моего убийства?

Федин промолчал.

— Вот то-то и оно! Я все рассчитал: жизнь девчонки вы портить не станете — тем более, что расследование вы ведете частным образом! Значит, мне ничего не грозит! Так вот

— мои условия таковы: мы спокойно уезжаем с женой и сыном из страны, вы нас не преследуете и навсегда забываете об этом деле, а я называю вам место, куда Танк отвез любопытную жену этого полковника.

— А если вы меня обманите? — усомнился Федин.

— Зачем мне это надо? — пожал плечами Мальцев-Ватутин. — Я играю с вами по-честному, тем более после вашего предупреждения про желание полковника, опасно вас обманывать. У меня жена и ребенок, и мне нужна спокойная жизнь для них, но гарантий, что вы обнаружите в том месте вашу... «любопытную Варвару», я не могу дать — прошло уже несколько дней и мало ли что с ней могло случиться за это время...

— А Тайнинцев? — вспомнил Федин о телохранителе. — Как быть с ним?

— Меня это не касается! — отмахнулся бизнесмен от своего сообщника. — Только учтите: арестуете его, он молчать не станет и потянет за собой в тюрьму и Властелину! Вам это надо?

— Не хотелось бы портить девчонке жизнь, — согласился Федин.

— На счет этого не волнуйтесь, — горько усмехнулся отец Властелины, — она ее сама себе обязательно испортит.

Федин задумался над предложением — в конечном итоге дело он раскрыл и с профессиональной точки зрения работу свою выполнил, правда, не получив морального удовлетворения: «вор должен сидеть в тюрьме» — в данном конкретном случае, сидеть в тюрьме должны псевдо-Мальцев, как идейный вдохновитель, Тайнинцев, как исполнитель, Беляева, как соучастница, и Властелина Ватутина, как заказчик покушения на собственного отца. Но главным сейчас было не наказать преступников, а спасти жену заказчика расследования, иначе вся его работа сводилась к нулю: какое дело заказчику до раскрытия не касающегося его преступления, когда его собственная жена погибла в процессе расследования — знал бы он, что так все печально закончится, не начинал бы частное расследование.

— Ладно, договорились! — поднимаясь с кресла, согласился Федин на условия Мальцева-Ватутина, хотя идти на компромисс со своей профессиональной ответственностью не хотелось. — Когда я получу адрес, где находится Инна Новикова?

— Завтра утром. И еще... Чтобы уж совсем покончить с этим делом и искупить свою невольную вину перед мальчиком — по большому счету этот молодой человек ни в чем передо мной не виноват, я хочу подарить ему эту землю и дом — все равно его с собой за границу не возьмешь, а так хоть совесть свою успокою. Дарственную на его имя я сегодня же оформлю у нотариуса Козакова и передам ее вам в аэропорту вместе с адресом. Пусть у него в будущем будет хоть какой-то начальный капитал, не то, что у меня...

61

Как только Федин вышел из гостиной, Дорохов шагнул к нему.

— Ну что? Где Инна? — спросил он и, обернувшись на уснувшего в кресле мальчика, понизил голос. — Он сказал, где Инна?

— Завтра, — устало произнес Федин, ему хотелось только одного: вернуть полковнику его жену и забыть об этом деле.

— Как завтра? — сердце Дорохова ухнуло вниз — еще один день тревоги и ожидания, когда каждая минута тянется, как день, а каждый час, словно пасмурный беспросветный день.

— Терпение, Сергей Александрович! Завтра в аэропорту Мальцев передаст нам адрес

где они держат Инну Павловну, и мы сразу же туда поедem.

— А если обманет?

— Не должен, — с сомнением покачал головой Федин. — У него семья и скрываться от правосудия, пускаясь в бега по Европе, ему не резон. Он хочет спокойной жизни где-нибудь за границей...

— Кто ж ее не хочет — спокойной жизни?! Мы с Инной и Витьком тоже хотим! — Дорохов снова посмотрел на мальчика и полез в карман за сигаретами, но передумал — Инна не одобряла его «привычку». — А человека, напавшего на Инну в подъезде, вычислили?

— В общем, да — это бывший телохранитель бизнесмена Ватутина. Витя его хорошо знает.

— Его арестуют?

— С этим, Сергей Александрович, сложнее.

— Он что в бегах?

— Не в этом дело, — замылся Федин и замолчал.

Сейчас он решал для себя весьма сложный вопрос: стоит ли говорить полковнику, что отец мальчика — бизнесмен Ватутин жив и скрывается под чужим именем? Как воспримет Дорохов это известие — будет настаивать на усыновлении или откажется от мальчика, посчитав для себя неприемлемым лишать ребенка живого отца? К тому же, если у ребенка есть законный отец, то вряд ли органы опеки разрешат Вите жить с чужими людьми. И что будет чувствовать мальчик, зная, что его отец жив, но бросил его, уехав за границу с другой семьей... Но если уж рассказывать правду, то рассказывать до конца — на какие действия подвигнет полковника известие о том, что бизнесмен Ватутин не является биологическим отцом Вити: бросится искать его родного отца, потратит уйму времени и еще не дай Бог найдет его — кто может поручиться, что мальчик полюбит этого незнакомого человека, а биологический отец полюбит своего незнакомого сына, и кто знает каким подлецом может оказаться биологический отец Вити Ватутина! Возможно, для всех будет лучше, если он скроет от них правду — по своему опыту Федин знал, что правда не всегда приносит удовлетворение и спокойствие. Например, своей жене он не сказал правды, и она умерла счастливой, такой счастливой, что в порыве своей материнской любви совсем забыла о нем... Он долго винил себя за то, что в момент смерти Антонины находился в другом городе и с другой женщиной, но то, что он скрыл от жены правду рождения дочери и взял грех на свою душу, искупало его измену жене. Позднее, разговаривая с врачом, Федин понял, что был бессилем что-то изменить: жена давно болела, и сердце ее не выдержало нагрузки беременностью, но то, что последние месяцы своей жизни Антонина была счастлива, заслуга только его. Вот тебе и скрытая правда! Какими мерами измерить счастье и несчастье людей, и на каких весах взвешивают правду и ложь? Может быть, не только мальчику, но и полковнику не стоит знать всю правду об этом деле — в конце концов, дело раскрыло, а кое-какие результаты расследования можно и скрыть от заказчика — ему же будет спокойнее. Веря, что родители мальчика мертвы, они с Инной Новиковой заменят Вите родителей, но, если знать, что отец мальчика жив — о каком спокойствии и уверенности в завтрашнем дне может идти речь?! Нет! Он никому не расскажет все, что знает о Мальцеве-Ватутине — не ради самого горе-бизнесмена, а ради мальчика и его новых любящих родителей! Скроет правду для блага новой семьи!

Решив для себя столь сложный вопрос, Федин успокоился.

— Завтра Мальцев передаст нам адрес, и мы поедem за Инной Павловной.

— Вы думаете, она... с ней все в порядке? — в голосе Дорохова прозвучали трагические нотки, но он постарался взять себя в руки.

— Раз тело не нашли...

— Тело... — зарычал Дорохов и схватил Федина за грудки. — Не смей...

Но Федин даже за руки не взял и не попытался оторвать от себя переживающего за жену полковника, просто стоял, глядя тому в глаза, понимая, как трудно слышать о любимых такие страшные новости. И Дорохов справился со своими эмоциями, отпустил следователя и, извинившись, совсем сник — о таком исходе событий он старался не думать.

— Раз тело не нашли... — снова повторил Федин и продолжил, — есть надежда, что Инна Павловна жива. Да и Мальцеву нет резона нам врать, только вот гарантий он не дает... Только бы ваша жена, Сергей Александрович, опять куда-нибудь, извините, не вляпалась бы и что-нибудь не учудила за это время.

Дорохов вздохнул и снова извинился:

— Простите мою несдержанность, Константин Александрович, нервы. Уже несколько ночей я вижу один и тот же сон: Инна сидит на лавке у стола в какой-то темной избе, смотрит на меня и ждет, что, я за ней приду... Я чувствую, что она жива! С ней все будет в порядке! И мы ее обязательно найдем!

Федин вспомнил другой «мистический сон», рассказанный «Кирочкой Чичериной — умницей и красавицей» (по словам тещи), который помог многое понять и раскрыть другое преступление, но посчитал, что мистики с него довольно и выяснять подробности сна не стал, не стал давать и оптимистических обещаний.

— Будем надеяться, — постарался Федин поддержать полковника. — И зачем она только самостоятельно занялась расследованием?..

— Здесь я с вами, Константин Александрович, полностью согласен, — Дорохов взял себя в руки и постарался не думать о плохом, — вернемся домой, пропесочу ее, как следует: навсегда отпадет желание заниматься сыском!

— И это правильно! Нечего женщинам лезть в мужские дела!

— Точно! — Дорохов немного помолчал и задал вопрос, на который Федин не собирался отвечать. — А что сходство этого Мальцева с отцом Вити случайное или...

— Они какие-то дальние родственники по материнской линии — от этого и семейное сходство, — перебил Федин и быстро перевел разговор на другую тему. — Уезжая из России, Мальцев решил подарить Вите этот дом и земельный участок — дарственную он передаст завтра в аэропорту.

— С чего это он так расщедрился? — насторожился Дорохов. — Такой дом стоит целое состояние.

— Говорит, Георгий Рудольфович Ватугин дал ему денег на раскрутку его бизнеса, а поскольку он человек с понятиями, то теперь возвращает свой долг его сыну.

— Значит, и Властелина получит половину денег — она ведь дочь Ватутина.

— Все намного сложнее, Сергей Александрович! По закону Властелина не может претендовать на отцовское наследство — только если Витя сам разделит с ней полученные деньги.

— Это еще почему?

— Ох-хо-хох! Дело в том, что Властелина Ватутина не так проста, как кажется — она заказала Тайнинцеву убийство собственного отца, боясь, что он уйдет из семьи к своей

любовнице и оставит их без своей фирмы.

— Как заказала? — опешил Дорохов — чего-чего, а таких нелицеприятных фактов о «детях» от проводимого расследования он никак не ожидал.

— Теперь вы понимаете, почему я не могу официально возбуждать дело об убийстве бизнесмена Ватутина и арестовывать предполагаемого исполнителя убийства — Тайнинцев автоматически потянет за собой Властелину и придется ее арестовывать — никуда не денешься — она ведь заказчица расправы над собственным отцом. По этой же причине я не могу выдвинуть обвинения Тайнинцеву в покушении на вашу жену: во-первых, это надо еще доказать, а во-вторых, молчать он не будет и расскажет на допросе, что это Властелина Ватутина рассказала ему о вашей жене — то есть и в этом деле она будет соучастницей преступления.

— Ну, дела! У вас всегда так, Константин Александрович: надеешься поймать щуку, а вытягиваешь акулу?

— Бывает, но редко! Это дело исключение из правил — не каждый день выясняется, что шестнадцатилетняя дочь планирует убийство собственного отца и осуществляет его на сворованные у отца же деньги. Но это дело частное и вам решать — продолжать следствие или свернуть его, пока Властелина не попала под удар.

Дорохов немного подумал — Властелину сажать за решетку не хотелось: мальчик и так настрадался, а тут и последнего родственника потеряет, но оставлять безнаказанным покушение на его любимую женщину Дорохов не мог — как он потом будет жить дальше и смотреть в глаза жене, если не смог, если уж не защитит, то хотя бы наказать подонка, покушавшегося на ее жизнь (чтоб в другой раз не повадно было и чтоб не считал такие дела не наказуемыми). Но говорить о своих принципах и дальнейших планах следователю Дорохов не стал — этим подонком он займется потом, когда вернет жену, убедится, что с ней все в порядке и официально усыновит Витька — он обязательно отыщет Тайнинцева, вытащат из-под земли на свет божий и решит, что с ним делать... Но это будет уже потом...

— Ну, его к черту это расследование, — как можно безразличнее произнес Дорохов, прямо глядя в глаза «частного» сыщика. — Василий Иванович прав: все дела, связанные с криминалом, заканчиваются плохо — вот и Инна пострадала! Теперь для меня главное, чтобы она вернулась домой живой и здоровой — остальное все неважно.

— Это и для меня главное — поэтому, давайте, Сергей Александрович, подождем до завтра, а потом уже будем решать дальнейшую судьбу нашего частного расследования.

Дорохов согласился и протянул следователю руку.

Федин пожал руку — теперь они, наконец-то, были по одну сторону баррикады.

Пора было уходить из негостеприимного дома.

Подойдя к креслу, Дорохов осторожно взял мальчика на руки и пошел за Фединым, заботливо придерживающим двери.

— Неужели они так и уйдут от наказания за свои дела? — подходя к машине, спросил Дорохов. — Это не справедливо — столько людей из-за них пострадали!

— От правосудия — да, но давайте радоваться, что из России эта кучка преступников все-таки уедет.

— Воздух будет чище? Мне от этого не легче!

— «Вор должен сидеть в тюрьме!», — уныло процитировал Федин Жеглова, но не согласился с киношным героем: — Это в идеале, а в жизни, Сергей Александрович, все намного сложнее — не бывает наказания без страданий — страданий в широком смысле

слова: страдают пострадавшие и родственники пострадавших, родственники преступника и сам преступник (как бы он не убеждал вас в обратном — ухудшение условий жизни, а уж тем более лишение свободы и заключение под стражу — это я вам доложу большой стресс для любого преступника). Я уже не говорю о друзьях и тех и других — в круговорот одного преступления втягивается большое количество людей. Вообще, я считаю, что преступление (нарушение закона) не личное дело человека, ибо каждый человек тесно связан с другими людьми и его преступление влечет за собой массу необратимых последствий — в большей части своей трагичных.

— Согласен, — стоя у машины с мальчиком на руках, кивнул Дорохов. — Если бы преступники задумались о том, что своими незаконными действиями приносят страдания близким людям, возможно, преступлений было бы меньше. Но это в идеале!

— Заболтал я вас, — спохватился Федин, открывая заднюю дверь машины — он хотел отдать Дорохову найденные ключи его жены, но передумал: зачем добавлять переживания расстроенному мужу, надо будет просто положить ключи в чемодан или сумку Инны Павловны, когда они приедут на квартиру. — Вон как намаялся с нами паренек — засыпает на ходу. Устраивайте его на заднем сиденье и потихонечку поедем. Всем надо отдохнуть.

— Да, завтра нас ждет трудный день.

Дорохов осторожно положил мальчика на сиденье — Витек поворочался, устраиваясь, сунул ладошку под щеку и засопел.

62

Семь ночей и семь дней Инна выполняла все распоряжения старухи: поднималась вместе с зарей, умывалась и обтиралась травяными настоями, пила травяные отвары и какую-то молочную бурду, делала по дому нехитрую работу и ложилась спать в указанное время.

Старуха садилась на стул рядом с кроватью, брала Инну за руку и целую ночь шептала в пространство какие-то непонятные слова.

Поначалу Инна прислушивалась к монотонному бормотанью старухи, пытаясь разобрать хотя бы отдельные слова, но тело ее тут же наливалось свинцовой тяжестью, мысли путались, глаза закрывались сами собой, и она впадала в какое-то сомнамбулическое состояние: вроде бы спала, но даже сквозь сон чувствовала присутствие склонившейся над собой старухи.

Так продолжалось все семь ночей и семь дней — старуха полностью подчинила своей воле тело и разум Инны, только вот душу «пришлой» молодухи она подчинить так и не смогла — душа Инны не слушала потаенных слов колдуньи и рвалась к любимому мужчине из болотного плена, никакие дурманящие травяные настои и отвары не могли изгнать из нее образ Дорохова, не смогли затуманить воспоминание об их страстных ночах и вытравить любовь из ее сердца.

На восьмую ночь старуха слегла.

За эти семь ночей и семь дней она постарела лет на семьдесят и выглядела ужасно: кожа на лице и руках пожелтела и сморщилась, тело ослабло и иссохло, словно из него выпили всю кровь. Сил у старухи хватало только на то, чтобы тихо произносить слова.

— Як помру, — наказывала она, склонившейся к ней Инне, — ты отнеси мяне подале от дому, та и сожги — костэрчик я уж сложила на заднэм двору. А перед тем, як запалишь костэр, сними с мяне... ладанку, одень сабе на шею — она табе от беды схоронит, кода по болоту пойдешь.

— Как же я дорогу в болоте найду? — ужаснулась Инна, она даже задрожала, представив себе обманчивую смертоносную болотную жижу — пропадать ей никак нельзя: у нее дома муж и ребенок. — Может, спасателям позвонить...

— Эх, ты, городска, — печально усмехнулась старуха. — Коз моих попэред сабе пусти: тильки знай сабе, за хвост крепче держись, та поспевай за ими. Когда выйдешь на тверду землю, избушку мою углядишь, за ней тропка — по ней и иди через лес. Коз в лесу не бросай — до деревни доведь и першему встречному отдай: он табе дале поможе. Ладанку мою спрячь до времени и внутрь не заглядай: што там — табе знать не надо, потом цурке отдашь, когда спросит. И помни: жизнью ты ей обязана, я бы табе не отпустила отсель и не углядела бы ты мужика своего. Тильки ради нее и расстаралась... А цурку назови Анелей... Так же, як мяне звали: Анеля, ойтец Богумил Врублевский, матка Марыля Зальская... Бумаги схоронены... Обещай сделать, як велю, а не то жизни табе не дам!

От жалости к умирающей старухе по щекам Инны потекли непрощенные слезы. Пропустив угрозы старухи мимо ушей, она вытерла пальцами слезы и пообещала сделать все, как просила старуха — в последней просьбе умирающим не принято отказывать.

— Может кому из ваших родственников сообщить о вашей... о вас?

— Добжа ты джевчина... оттого все твои напасти. Роджины у мяне не: весь род Врублевских давно вымер — я последняя, а избушка... Кому суждено мою избушку найти — тот найдет, а другому она в руки не дастся...

Старуха замолчала и без сил закрыла глаза.

Инна еще долго сидела около нее, боясь дотронуться рукой до остывающего тела. Сидела и повторяла в слух имя старухи, чтобы было не так страшно дожидаться конца жизни этой странной женщины:

— Анеля... Анеля Врублевская... Богумил Врублевский... Марыля Зальская...

Когда в окне порозовело, Инна пересилила свой страх и прикоснулась дрожащими пальцами к лицу старухи — лицо было холодным, как лед.

Вздыхая, Инна осторожно вышла из избы, не спеша, обошла старухино «хозяйство»: оказалось, что «остров» на болоте не просто большой, а очень большой и даже «кусок» настоящего леса, словно оторванный от «большой земли» и осторожно перенесенный через болото к краю «острова», чтобы защищать от холодных северных ветров избу и огород старухи, казался не творением самой природы, а искусственным воплощением чьей-то воли и желания. Вокруг, на сколько хватало глаз, расстилалась болотная «равнина» с крохотными островками черной земли с пожухлой прошлогодней травой и каким-то ветром занесенными на болото листьями. Редко-редко болотную гладь нарушали карликовые деревья, согнутые «в три погибели» и цепляющиеся своими корнями за землю крохотных островков, на которых можно было разместиться одному человеку. Болото жило своей жизнью: что-то ухало, булькало, квакало и трещало, но сколько Инна не пыталась отыскать заветную тропку через болото, глазами она ее так и не увидела...

Разочарованно вздыхая, Инна вернулась к избе, на самом краю огромной поляны увидела сложенный заранее костер. Поленья были заботливо разложены под и вокруг старого сучковатого топчана. Рядом с топчаном стояла закупоренная бутылка с керосином.

Завернув старуху в тканое покрывало, на котором она лежала, Инна перенесла ее на топчан и попыталась прочитать молитву. Но молитва не читалась. Тогда Инна попросилась со старухой своими словами, полила дрова керосином, взяла в руки спички, и вдруг ее словно током ударило: спички выпали на землю. Вскрикнув, Инна потрясла онемевшей

кистью и потянулась за спичками, но кисть свело так, что она даже застонала.

— Что происходит? — морщась от боли и растирая сведенную руку, вслух задала Инна вопрос и посмотрела на накрытую покрывалом старуху.

Посмотрела и ужаснулась: покрывало медленно поползло с лица покойницы. Инна попятилась от топчана, но неожиданно страх исчез, и в голове Инны вспыхнула, словно кем-то вложенная в голову, мысль. Мысль была настолько отчетливой, что Инна потусторонним зрением тут же увидела эту мысль и прочитала в себе горящие огнем буквы: «Ладанка!».

— Ах, да! — хлопнув себя по лбу, Инна поспешно сняла с шеи старухи алый шелковый шнурок с темным кожаным мешочком, надела себе на шею и подняла с земли спички.

Последний раз посмотрела на старуху, Инне показалось, что старуха улыбается — но нет, это ей только показалось.

Поправив покрывало, Инна отошла подальше от топчана, чиркнула спичкой, бросила ее на дрова. Политые керосином дрова сразу вспыхнули, затрещали, пламя взметнулось вверх, со всех сторон охватывая топчан и лежащую на нем мертвую старуху.

63

Не оглядываясь, Инна медленно пошла к избушке, ощупывая на груди старухину ладанку и пытаясь на ощупь определить ее содержимое. В мешочке под ее пальцами шуршали какие-то травы, перекатывались какие-то камушки и прогибались хрящевидные отростки.

— Похоже на мышьиные хвостики, — высказала предположение Инна и брезгливо передернула плечами.

Больше она ладанку не трогала и старалась не думать о ее содержимом — впервые за все время присутствия в избушке на болоте Инна усомнилась в своем определении старухи, как травницы: разве травницы живут в одиночестве на болоте? Нет, они живут среди людей, помогают им с их хворями и проблемами. На болоте живут «изгнанницы», занимающиеся черной магией...

— Неужели старуха колдунья?! — изумилась Инна и даже остановилась от своей сказочной догадки. — А говорила «чаровница»... Разве настоящие колдуньи бывают? Хотя она похожа на Бабу-Ягу, только добрую — зла то она мне не причинила... И еще кикиморы... Да нет, сказки все это! Может быть, старуха Анеля просто не любила людей и предпочитала жить в одиночестве на болоте.

Успокоив таким образом свое воображение, Инна вошла в избушку, собрала в узелок оставшиеся продукты, положила узелок в довольно вместительную корзинку и придирчиво оглядела избу: пучки трав и цветов, развешанные на стенах, пожухли, почернели и скрючились, словно вместе с хозяйкой и из них ушла целительная жизненная сила. Инна пооткрывала ящики комода и старого серванта, поразглядывала незатейливые вещи старухи, интуитивно ища подтверждение своей догадке о колдунье, но ничего интересного и необычного не обнаружила. Надев высокие «болотные» сапоги старухи, а свои кроссовки убрав в корзину, Инна открыла дверь избы, но шагнуть за порог не смогла — ноги не слушались. В углу под кучей старого хлама в лучах солнца сверкнуло что-то железное. Инна прошла в дальний угол и, раскидав ненужный хлам, увидела большой кованый сундук.

На сундуке висел тяжелый железный замок, но едва Инна к нему прикоснулась, замок открылся.

— Вот это да! — восхитилась она и откинула кованую крышку.

Сундук был полон завернутых в тряпицы вещей: дешевые бусики, золотой массивный браслет с драгоценными камнями, длинная девичья коса с вплетенной синей атласной

лентой, широкое обручальное кольцо, литой золотой крест с филигранной надписью на старорусском языке, шкатулки с монетами, бумажными деньгами и мешочками с золотым «песком» и самородками, и еще много-много другого ценного и менее ценного — в общем, целый сундук «добра», которым расплачивались за ворожбу и привороты и которое много лет копила старуха, живя на своем болоте отдельно от людей.

С верху всего этого старухино «богатства» лежала завернутая в черную бархатную материю большая старинная книга с железными застежками. В потемневший от времени кожаный переплет были искусно вделаны золотые символы, значение которых Инна не знала, но она не могла оторвать взгляд от древнего манускрипта. Ее будто кто-то толкал изнутри и нашептывал, и понуждал взять себе эту книгу. Не золотые украшения и не золотые самородки, ценность которых была очевидна, а именно эту непонятную колдовскую книгу с пожелтевшими и пересохшими от времени листьями. Инна попыталась открыть книгу, но лишь обожгла пальцы о железные застежки. Обиженно отдернув руку, она хотела захлопнуть крышку сундука и уйти, но руки и ноги ее не слушались.

Устав бороться со своим неосознанным желанием взять книгу, Инна завернула обратно древний манускрипт в бархат, вынула из сундука и спрятала на самое дно корзины.

С боку от книги лежала большая плоская шкатулка, в ней хранились какие-то старые свитки, документы с сургучными печатями, справки с гербовыми печатями, подтверждающие родство старухи с ее родителями и родство родителей с их родителями, родство родителей с их родителями, паспорта. Документов было много, Инна бегло взглянула на них и положила обратно в шкатулку — какое ей дело до всего этого родства старухи. Закрыла сундук, навесила замок — замок защелкнулся и больше уже не открывался, сколько Инна к нему ни прикасалась.

— Мистика! — подивилась она, подхватила корзину и пошла к двери, но вспомнила о своих вещах и снова стала осматривать избу. — Куда же ты их запрятала? Там же у меня все: телефон, ключи, а главное документы...

Обыскав избу, на печке Инна нашла свои вещи — желтую, как солнышко, куртку и веселый рюкзачок с жирафом, но ни телефона, ни ключей, ни документов в рюкзаке не было...

Надев куртку и переложив старинную книгу в рюкзачок, Инна надела его на плечи, подхватила корзину с едой и кроссовками и, не оглядываясь, вышла из старухиной «избушки».

Выпустив из хлева коз, она ухватила за хвост менее рогатую и, согнувшись, поспешила за животинной.

Дорога через болото оказалась достаточно легкой, хотя и долгой — она будто шла по навесному, качавшемуся при каждом шаге, мостику, сплетенному из прочных сухих веток и совсем чуть-чуть притопленному в болотной жиже — как и предсказывала старуха, труднее всего было удержать в руке козий хвостик и не отстать от животин, а главное, не смотреть по сторонам: один раз мельком взглянув в сторону, Инне показалось, что из болота смотрит на нее какое-то странное создание с длинным носом и вклокоченными волосами. Но это, наверно, ей только показалось...

Козы уверенно шли через болото по невидимой «тропке», изредка отдыхая на поросших прошлогодней травой кочках-островках. Конечно, Инна ужасно устала, вся перепачкалась в болотной грязи, но до твердой земли все-таки добралась — обернувшись, она не увидела ни огромного острова посреди болота, ни избы старухи, хотя считала, что изба и остров

находятся совсем близко: возможно, оно так и было, но колдовские чары старухи скрыли ее «хозяйство» от чужих глаз.

«— Кому суждено ее найти — тот найдет, а другим она в руки не дастся» — вспомнила Инна последние слова старухи и подумала о том, что лично она ни за какие деньги сюда никогда не вернется и искать избу с заветным кованым сундуком старухи не станет, даже если там находятся все сокровища мира — она вырвалась из болотного плена и безумно этому рада — второй раз испытывать Судьбу она не станет.

Козы с жадностью набросились на «сухопутную» редкую травку, а «болотная пленница» стянула болотные сапоги, надела свои кроссовки и без сил повалилась на землю среди хиленьких кривых березок.

Немного отдохнув и подкрепившись, Инна увидела невдалеке у леса старую покосившуюся избушку, о которой говорила старуха, и, оставив пустую корзину старухи на пороге ее избушки, по едва приметной тропинке поспешила покинуть болото. Козы трусцой бежали впереди, часто оглядываясь на женщину — поспевают ли, словно понимали, что дальнейшая их жизнь связана именно с этим человеком.

Тропинка провела «болотных жительниц» сквозь редкую березовую рощу, окружавшую болото, путеводной нитью пролегла через смешанный лес с елками да осинами и вывела к полю. За полем на холме виднелась небольшая деревенька с маленькими старенькими домиками среди высоких раскидистых деревьев.

Идти через поле Инна не решилась: она всю жизнь боялась промочить ноги и простудиться, и пошла в обход, зовя за собой животных, но козы, почуяв жильё, ломанулись напрямки через раскисший чернозем. Помня наказ старухи позаботиться о ее питомцах, Инна побежала следом — ноги скользили и разъезжались, но она не сворачивала, падала, поднималась и снова бежала за козами в деревню, все время проверяя рюкзачок за плечами с драгоценной колдовской книгой.

У околицы козы остановились, подождали извозюканную в грязи и чертыхающуюся женщину и как «добропорядочные дамы» чинно зашагали по дороге.

— Ты откель это така чумаза? — услышала Инна за спиной мужской голос и обернулась.

У дощатого забора стоял крепкий на вид дедок и осуждающе качал седой головой.

— Я с болота, — махнула Инна рукой в сторону леса. — Старушка, которая на болоте в избушке жила, умерла — вот мы с козами и ушли.

— Чрез болото шли? — засомневался дедок, подозрительно глядя на молодую осунувшуюся женщину.

— Да, через болото.

Услышав человеческую речь, козы, как по команде, остановились, вернулись и стали неотрывно смотреть на деда умными глазами.

— Знатные козы, — похвалил дедок животин и полез в карман за угощением, достал, открыл калитку и протянул козам по баранке. — Жуйте. Вы за хозяйку не в ответе.

Козы угощенье взяли, сжевали баранки и дружно закивали головами — поблагодарили.

— Дедушка, может, вы этих коз себе возьмете, — спохватилась Инна, вспомнив наказ старухи отдать ее питомцев первому встречному, — раз они вам понравились.

— Грошей у мяне не! — отрезал дедок и отвернулся.

— Да вы их просто так возьмите — куда мне с ними, только скажите, как мне до города добратся.

Дед вышел из калитки на дорогу, погладил коз и за рога повел к себе в сарай, те охотно подчинились. Инна терпеливо ждала у забора, пока новый хозяин пристроит животных у себя в хозяйстве.

— Видать, и правду, померла колдунья, — без сожаления произнес дедок, подходя к калитке. — Узнал я энтих коз то: рокив пять назад ёна их у мага соседа купляла.

— А разве старушка была колдуньей? — удивленно спросила Инна. — А я думала она травница: травами лечит. И называла она себя чаровницей, а не колдуньей.

— Думала ёна! Знаешь, хто еще думал, пока в щи не попал?! — заворчал дедок, закрывая калитку. — Это, по-вашему, по-русски — колдунья, а по-польски — чаровница, млада ведьманка или ведьмачка. Як табе угораздило с ей сдружитися? Знаться с Анелькой сабе дороже!

— Я не по своей воле к ней попала и в друзья к ней не набивалась.

— По своей или не, не вем, но ведьмачка при табе померла — а раз так, то в дом свой я табе не пуцу! Даже не проси! Но як добраться до города укажу, — дедок покрутил головой и показал рукой направление, в котором находился город. — Ежели идти напрямки по дороге, то километров семь буде, а ежели через деревню пойдешь, то все десять отмахашь.

Инна поблагодарила и пошла напрямки, но, отойдя немного от дома, обернулась и прокричала, стоящему у забора старику:

— Скажите, а как называется тот город, в который я иду?

Дедок пошевелил кустистыми седыми бровями и осуждающе крикнул — вот она нынешняя молодежь: ничегошеньки не знает!

— Так Лельчицы же.

— Лельчицы... Не слышала о таком городе, — растерялась Инна. — А где мы вообще-то находимся?

— Як где? — опешил дедок от такой неосведомленности. — Так здесь ж, в Белоруссии.

Открыв рот, Инна стояла на дороге и не знала, что теперь делать: идти в город и обращаться в полицию, где ее точно посадят в тюрьму до выяснения личности — документов у нее нет! — и она совсем не помнила, как сюда попала или самой пытаться нелегально пересечь границу и добираться до Москвы. Но где взять деньги? Подумав немного, Инна решила идти в город — может ей удастся заработать немного денег и позвонить Дорохову в Москву. А уж он то обязательно приедет за ней. Спасет ее! И все у них будет хорошо!

Мысли о муже придали ей силы, и она, тяжело вздыхая, зашагала по дороге в направлении города.

Примерно на середине пути Инна повстречала караван из пяти машин — машины осторожно ехали по расхлябанной дороге, разбрызгивая грязные лужи. Посторонившись, Инна надвинула капюшон пониже и отошла на обочину — какое ей дело до проезжающих машин, ведь едут они в другую сторону от города. Пропустила машины и поспешила в город, но неожиданно за спиной услышала тоненький мальчишеский голосок.

— Инна Пална! Стойте! Мы с папой приехали за вами!

Инна обернулась и увидела, как из открытого окна остановившейся машины ей машет рукой сияющий Витя — это он узнал стоящую на обочине маму по веселому, когда-то, рюкзачку с жирафом (и тут он оказался на высоте, потому что, всегда смотрит в окно, и все замечает — даже жирафа разглядел на испачканном грязью рюкзачке!). Увидела, как неуклюже вылезает из машины ее муж и по лужам бежит ей навстречу...

Через восемь месяцев — тридцать первого октября в День Всех Святых — за три дня до свадьбы следователя Федина и Катерины Захаровой — у Дорохова и Инны родилась дочь.

Счастливым отец взглянул в серо-зеленые, как непроглядная обманчивая болотная гладь, глаза новорожденной девочки и поразился осмысленности и потаенному знанию во взгляде крохотной дочурки.

— Мне кажется, она уже все понимает, — Дорохов обнял жену и поцеловал в висок. — Как мы ее назовем?

Инна посмотрела на дочь и вздохнула.

«— Назови дочку Анелей, — вспомнила она просьбу старухи-колдуньи и свое обещание».

— Назовем ее Анеля, — предложила она, уже зная наперед, что Дорохов согласится.

— Анеля... Имя какое-то... странное, не русское.

— Польское, пробабушку мою так звали, — соврала Инна, пытаясь обосновать свой «странный» выбор имени. — Анеля Врублевская... Богуслав Врублевский и Марыль Зальская — ее родители.

— Анеля, Анеля Сергеевна... Ладно, пусть будет Анелюшка. Дочерей называешь ты, а уж сыновей я.

Согласно кивнув головой, Инна с нежностью прижала к груди крохотное тельце и тут же почувствовала, некое сопротивление и отстранение — девочка родилась своевольной и независимой, такой же, как болотная колдунья...

65 Эпилог

65 Эпилог

После всего случившегося Витя Ватутин обрел своих новых родителей и твердо решил стать следователем, как старший следователь Следственного Комитета Константин Александрович Федин.

Он взял себе фамилию приемного отца и два учебных года усиленно подтягивал «хвосты» по всем предметам, занимался с репетиторами по русскому языку, математике, истории и английскому, а главное, Дорохов занялся с мальчиком физической подготовкой — тренажерка, бег, плавание и далее по списку... И, наконец, мечта Вити осуществилась: экзамены сданы на пятерки, нормативы по физкультуре выполнены, и он зачислен в восьмой класс кадетом в Кадетский Корпус Следственного комитета имени Александра Невского, подготавливающий кадетов к поступлению в высшие и средние профессиональные образовательные учреждения для получения юридического образования и последующей службы в Следственных органах.

А вот у Властелины получить юридическое образование в Оксфорде не получилось: проучившись полгода, она неожиданно прервала обучение и занялась дизайном модной одежды, пройдя курс обучения у известного британского модельера. Карьеры модельера она не сделала, но вернувшись в Москву с успехом занялась продажей дизайнерской одежды — «вкус» у нее только улучшился, и она помогает богатым покупательницам своего бутика выглядеть модно и респектабельно

Секретарша Настасья была приглашена (из-за своего высокого роста) в модельное агентство, сделала карьеру модели и теперь не комплексует по поводу своего роста, а жалеет, что не хватает еще нескольких сантиметров до ста девяноста.

Борис Яковлевич Либман продолжает жить в квартире Ватутиных на Большой

Никольской, по ночам во сне к нему часто «приходит» Валентина Николаевна Ватутина, машет руками и требует вернуть ей ее квартиру. Ни священники, ни «экстрасенсы-колдуны» не могут справиться с рассерженным и обиженным призраком-хозяйки, и Борису Яковлевичу приходится мириться с этими обстоятельствами и не спать с трех часов ночи до пяти часов утра — самые «любимые» часы суицидников...

Святослав Артемович Мальцев с женой Вероникой Беляевой и сыном Аполлоном живут в Аргентине, где много наших русских эмигрантов, которые с огромным удовольствием покупают подмосковные и сибирские пейзажи русской художницы, недавно покинувшей Россию — каждый хочет иметь в своем доме «кусочек» далекой, утраченной, но очень родной Родины, чтобы смотреть, вспоминать и грустить...

Бесследно исчез на огромных просторах заграницы Никита Тайнинцев по прозвищу Танк, так и не приехав в Аргентину на постоянное место жительства — сколько ни звонил ему Мальцев-Ватутин, телефон его не отвечал.

Молодой неопытный следователь Следственного Комитета Антон Сvirкин получил новое «дело» и был очень горд своей «дружбой» с более опытным «старшим товарищем». К тому же, насмотревшись на крупных сильных мужчин, он всерьез занялся своим «физическим телом», купив гантели и экспандер, решив тоже стать сильным, хоть и не высоким, зато очень умным.

Даже не смотря на семейное счастье, Константин Александрович Федин старший следователь Следственного Комитета по-прежнему задерживается допоздна на работе в Следственном Комитете, «разматывая клубки» сложных, запутанных преступлений, допрашивая свидетелей, сопоставляя факты, перепроверя показания и «закрывая» (в связи с разоблачением и арестом преступника) все новые и новые дела. Теща, наконец, смирилась с выбором новой жены зятя и вместе с Катериной (под чутким руководством Натальи Григорьевны) они растят Машеньку Федину, почему-то, очень похожую на младшую дочь Алису «Кирочки Чичериной — умницы и красавицы», такую же светловолосую, кудрявую и голубоглазую.

Дорохов получил, таки, звание генерала, и все его мечты осуществились, ну, почти все... Последнее время (после отбытия Виктора по месту учебы в кадетский корпус) Дорохов стал подумывать о наследнике, и они с Инной «усердно работали» в этом направлении...

Став генеральшей, Инна Дорохова не перестала работать, только теперь она стала хозяйкой сети небольших магазинчиков брендовой косметики и парфюмерии (не без наставлений и поддержки Нины Максимовны и финансовой помощи Василия Ивановича, ставших полноправными членами семьи Дороховых — заменив Сергею настоящих родителей).

Анеля росла здоровым и спокойным ребенком, не доставляя хлопот родителям и бабушкам и дедушкам с обеих сторон, удивляя и тех и других своей тягой к знаниям и своим собственным (порой отличным от взрослых) мнением, с которого ее нельзя было «свернуть» никакими силами. В год она собрала свой первый гербарий, в два, тыча пальчиком в «картинки» в энциклопедии лекарственных растений (купленной Инной по настоянию маленькой дочки — Анеля закатила истерику в книжном магазине лишь только увидела книгу и не успокоилась пока не получила желаемое), безошибочно называла растение, в три свободно читала всю ту же энциклопедию лекарственных растений и называла латинские названия лекарственных трав (похоже других книг для нее просто не существовало), знала при какой болезни применяется та или иная «травка» и с огромным удовольствием

подсказывала Нине Максимовне и Ларисе Егоровне, как заваривать и как принимать настой или настойку из нужной «травки». Родные и близкие удивлялись и восхищались даром маленькой Анелюшки и прочили ей будущее известного биолога, и только одна Инна (никому не рассказав о своем плене у старухи-колдуньи и о произошедшем теми днями и ночами) украдкой вздыхала по ночам у кровати дочери, вспоминая спрятанную на чердаке в доме Дорохова в Сергеевке старинную колдовскую книгу в кожаном переплете и с железными застежками и старухину ладанку — дочери, которой достался «бесценный подарок» от старухи-колдуньи-ведьмачки-чаровницы, передавшей свой «чаровницкий дар» и умение использовать травы для заклинаний, приворотов и лечения еще нерожденной детки-джифчинке-согласованке-ведьманки-чаровнице...

Через два года после рождения дочери у Инны и Дорохова, как и предсказывала старуха-колдунья, родились детки-«близнята» мальчик и девочка.

Мальчика назвали Александром («защитник») в честь погибшего дедушки, был он большой и серьезный, как Дорохов, а девочку назвали Алена («солнечная») — потому что, она всем улыбалась, как солнышко ясное, и была она умная и добрая и очень похожа на Инну...

Больше книг на сайте - Knigoed.net